

СЕМЬЯ И ШКОЛА

7/1972

ЖУРНАЛ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

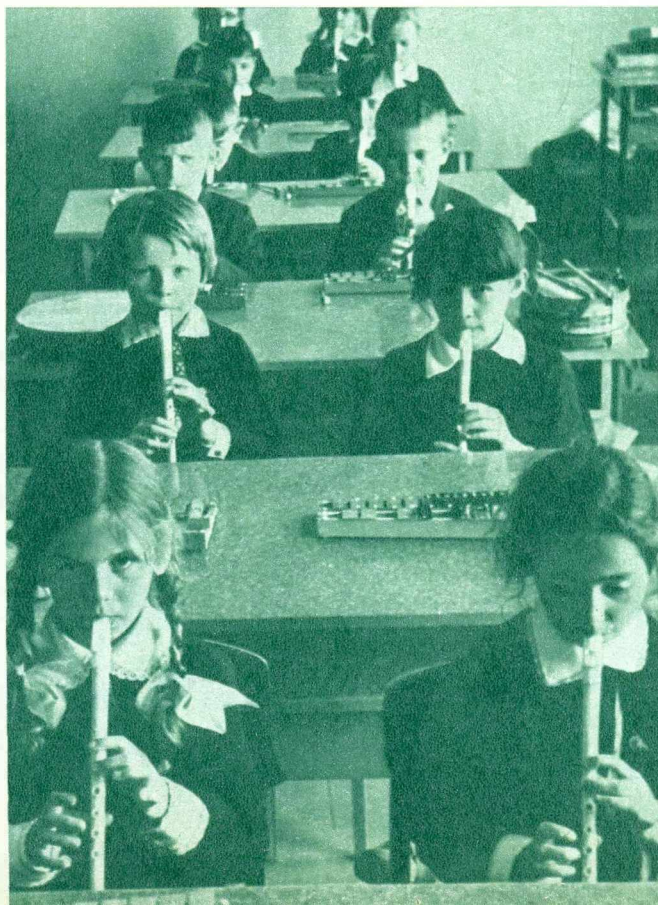
*Лето —
пора
открытий,
пора
узнавания
жизни живого...*

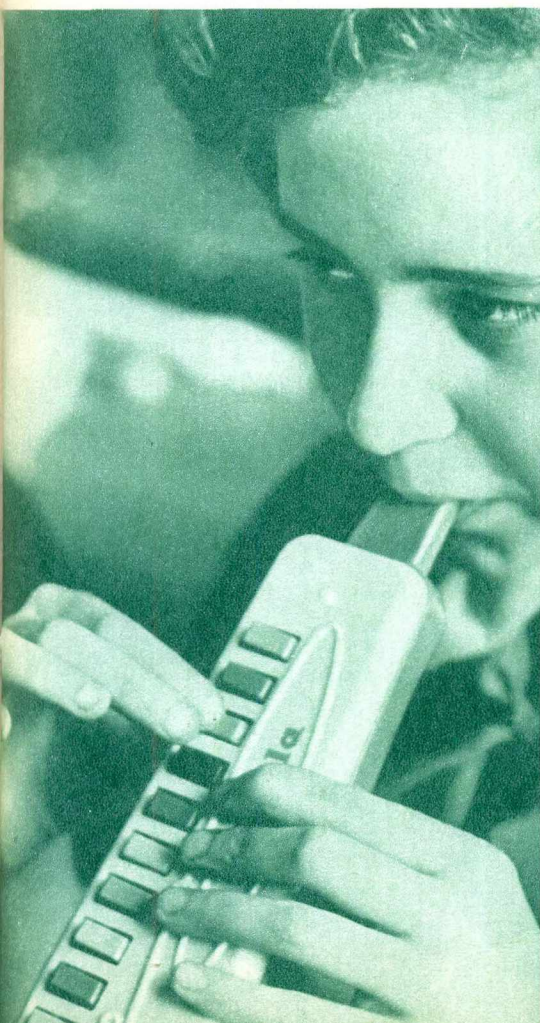
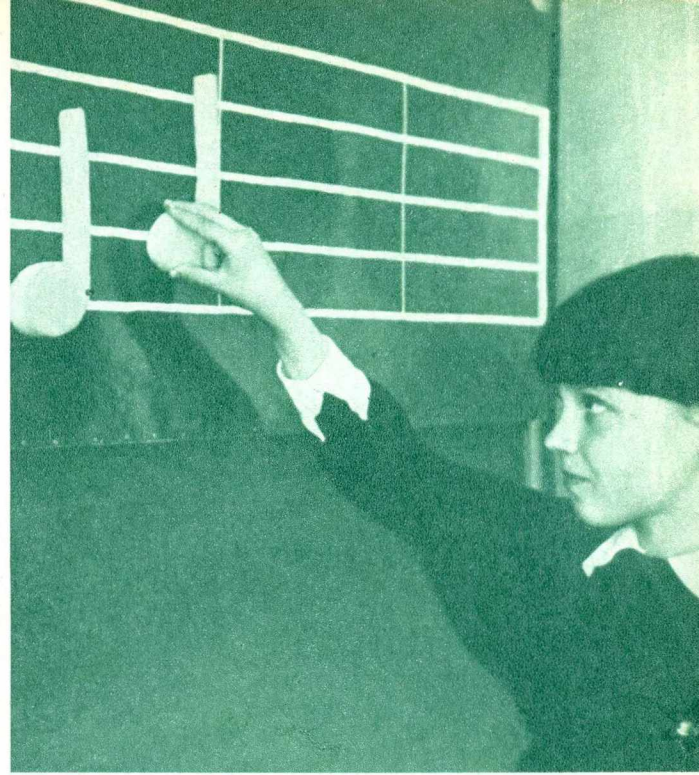




на уроках в шкóлье

Об интересном опыте
музыкального воспитания школьников рассказывает рубрика
"Музыка и каждый из нас"
(См. 42-ю страницу)
Фото А. Музнецкаса







В большой
советской
семье
детям
принято отдавать
всё лучшее.
ЦК КПСС
и Совет
Министров
СССР
решили
на средства,
заработанные
в Красную
субботу
15 апреля
1972 года,
построить
детские санатории
и санатории
матери и ребенка,
20 крупных
детских
лечебниц,
15 Дворцов
пионеров;
на берегу
Байкала
откроется новый
Всесоюзный
пионерский
лагерь ...

СОДЕРЖАНИЕ

И. Сергеева. Маленькие в большом мире	2	В. Ревич. Запретить или объяснить?	38
Е. Криштоф. Достижения и заботы Яркого Поля	4	Детство замечательных людей В. Шатчинин. Слово	40
Почта		Старинные наставления	41
Б. Леонидова. Что подействует? (Комментарий к письму Татьяны К.)	7	Музыка и каждый из нас Ф. Розинер. На уроках в Шяуляе	42
С. Трифонов. Не в зарплатке дело	8	Читательские курсы	
Е. Колиух. Одно удовольствие	8	Л. Гребенникова. Книжные доктор	46
И. Михеев. Хороший мальчик	9	Книги	
Н. Репало. Ко мне, Мухтар!	9	Е. Аксенова. В роскошной упаковке	48
Мы все должны протестовать. (Письма читателей И. Кичиной и Р. Молчанова)	10	Г. Кагановский. Аксиома счастья	49
Не в гостях, дома. (Ответ на письмо читательницы Д. Д-ной)	11	З. Голубева. Любят ли вас собаки?	50
Только в срок. (Ответ на письмо читательницы Е. Петровой)	11	Э. Кузьмина. Хорошо, когда ясно	51
Из переписки с читателями	12	Г. Румянцева. Потому что интересно	51
Советы	13	Советую: прочтите	53
Над детскими письмами		Недавно выпущено	54
В. Борнычева. Дань уважения	15	Листая журналы	55
Л. Максимов. И я, как они?	16	Л. Успенский. Закон буквы	56
С. Файнберг. Коса на камень	18	Е. Овдак. Заплата на заплате	60
Наши права, наши обязанности		На 64 клетках	61
О. Чайковская. Пока не доказано...	19	С. Глязер. И воды-то по пояс	62
С. Крымов. Операция «День рождения мамы»	22	В. Степанов. Игрушка в Сокольниках	63
Школа дошкольника		Картины нравов	
Л. Левинова, Г. Сапгир. Приключения Кубарика и Томатика, или Веселая математика	24	Л. Осипова. Гибель Помпеи	64
В. Панова. Про Митю и Настю. (Окончание)	28	На 2-й странице вкладки фото Б. Раскина. На 4-й странице обложки фото Н. Свиридовой и Д. Воздвиженского.	
Природа			
Такие важные открытия. (Из сочинений и писем школьников)	34		
Событие семейного значения			
Г. Терехова. Много, много деревьев	37		



СЕМЬЯ И ШКОЛА

Ежемесячный журнал
для родителей
Академии
педагогических наук СССР
Июль 1972 года
№ 7 27-й год издания

МАЛЕНЬКИЕ В БОЛЬШОМ

Сын принес из школы потрясающую новость. Он прокричал вам ее прямо с порога:

— Мы протест в Америку послали!

Готовы ли были вы к этой важной минуте в жизни вашего ребенка?

Как вы к этому отнеслись? С серьезным вниманием? С насмешливой снисходительностью?

Книги, газеты, радио, экран каждый день поставляют человеку новости. Он знает: где-то там, в безмерной дали, которую и вообразить себе трудно, режут небо бомбы, горят пальмы, черноглазые ребяташки выкапывают из-под обломков школы своих товарищей. Но до сих пор эти образы жили для него своей, отдельной жизнью. Они нигде не встречались с его представлениями о себе: вот он идет в кино, учит уроки, гоняет мяч во дворе...

Шел сбор отряда. Соседка по парте читала всем письмо, которое она получила из Вьетнама. Ваш сын смотрел на боевые ордена своего учителя, видел тревожные глаза вожатой. И вдруг два разных ряда совместились, картина стала целой, и мальчишка увидел пронзительную правду: горящие пальмы и мирный футбол существует в одно и то же время, на одной и той же Земле. В его время — в его жизни!

Он принял в этот день свое решение. Подпись под письмом в Америку была его личным несогласием с войной в Индокитае.

Сотни, тысячи детских писем в защиту справедливости на земле получает редакция «Пионерской правды». Ребята негодуют, сочувствуют, предлагают свою помощь в самых серьезных конфликтах международного масштаба. Пионерские законы учат наших детей смело стоять за правду, быть верными друзьями всем труженикам, всем угнетенным. И сам строй нашей



жизни воспитывает их в убеждении: мы не бросаем друзей в беде, нас касается все происходящее на свете.

Пионеры нашей страны не только сочувствуют борьбе своих вьетнамских ровесников или участи детей политзаключенных Греции и Португалии. Не раз разгружались в Хайфоне корабли с тетрадками, одеждой, игрушками и лекарствами. Эти подарки друзьям заботливо собирали во всех школах Советского Союза. На специальный счет фонда солидарности в ЦК комсомола приходят переводы от друзей: ребята просят заработанные

МИРЕ

на субботниках деньги направить в помощь детям Чили, Пакистана, американских индейцев...

Когда Центральный Совет Всесоюзной пионерской организации обратился к правительству Греции с просьбой разрешить детям коммунистов приехать на лечение и отдых в нашу страну, со всех концов посыпались в редакцию приглашения и предложения. В Казахстане ждали детей на кумыс. В Сибири шли для них нарядную летнюю одежду. В Белоруссии собирались взять их с собой в лагеря. Ждали месяц, два, три. От правительства Пападопулоса пришел вежливый отказ. Ребята долго не могли поверить, что можно помешать доброму делу.

Вот лишь одно из многих писем:

«Мы прочитали, что греческих ребят не пустили к нам из-за климата. Но мы так ждали их и сейчас все равно уверены, что у нас им будет хорошо. Разве лучше жить в Греции без родителей или в концлагере?»

У нас в школе работает клуб интернациональной дружбы. В осенние каникулы к нам приезжали ребята из солнечной Грузии. В Тбилиси было ясно и солнечно, а к нам они приехали в холодный день. Но как обрадовались наши гости, когда пошел снег! Никто из ребят не заболел. Встреча была очень теплой. Если бы греческие ребята приехали к нам даже зимой, мы бы

согрели их. Очень просим, не забудьте нашу просьбу: мы ждем к себе в Куйбышев, в школу № 141, греческих ребят».

В Московском городском клубе интернациональной дружбы имени Гагарина бережно хранят два крохотных листочка папиросной бумаги. Медленно и трудно написанные буквы складываются в слова приветия юным москвичам. Прежде чем попасть по адресу, эти листки проделали сложный и не до конца известный нам путь через всю Европу. Написал их в камере фашистской тюрьмы португальский коммунист. Этот человек схвачен врагами, он благодарит московских пионеров за солидарность.

Эта переписка нужна ему, как помощь во время боя.

Да, в мире идет сражение за мир и свободу против войны и угнетения. Наша родина, Союз Советских Социалистических республик, получила всеобщее признание как сила, твердо и последовательно осуществляющая политику мира и дружбы, отстаивающая ленинские принципы равноправия народов, решительно выступающая против всех форм национального угнетения. Дети могучей социалистической семьи, объединяющей свыше ста наций и народностей, растут в атмосфере духовного родства и взаимопомощи.

Они — наследники наших идей.

Сегодня почти в каждой школе есть клуб или кружок интернациональной дружбы. Редакции газет и журналов проводят международные конкурсы, викторины. Ребята встречаются со своими зарубежными друзьями в пионерских лагерях и на форумах, ведут с ними переписку. Для чего делается вся эта большая работа? Чтобы у подрастающего человека складывался мир широких и благородных интересов, чтобы пришло к нему очень важное для жизни понимание: трудящихся всех стран независимо от цвета кожи и национальности объединяет общая борьба за свободу и справедливость.

Как не оценить эту сторону жизни детей? Они вправе рассчитывать на наше заинтересованное отношение, на нашу помощь.

...Сын отпавляется с ребятами собирать подписи под воззванием в защиту Анджелы Дэвис. Он старается скрыть робость, но вы-то все видите. Он никогда не отличался решительностью, а здесь приходится разговаривать с незнакомыми людьми. Как нужно ему в эту минуту ваше поощрение!

И сколько еще таких случаев, когда все зависит от вашего такта,

знаний, жизненного опыта. Даже если вы очень надеетесь, что учителя сами справятся в школе с воспитанием, дома все-таки надежда на вас. Вот что случилось с одной девочкой из якутского города Ленска. В школе ее призывают к пролетарской солидарности. А дома она слышит:

— И что это мы всем помогаем? Небось, и без нас проживут как-нибудь. Каждый сам о себе должен думать.

Девочка верит школе. А маме — можно не верить? В смутении она просит «Пионерскую правду» объяснить взрослым, что они не правы, что нельзя так рассуждать.

На наш взгляд, объяснить надо прежде всего, какой огромный урон родительскому авторитету наносят такие вот обывательские суждения. Ребенок, подросток, кругозор которого уже достаточно развит учением и участием в жизни общественных организаций, испытывает волнующее чувство сопричастности к самым горячим проблемам современности. У него есть что рассказать близким, есть что спросить. И вдруг он видит, что его близкие этими вопросами и не интересуются. Не просто не разбираются в них, — в этом случае пионер будет рад поделиться тем, что знает, а отцовское, материнское внимание будет ему наградой, — но и разбираться не хотят. Конечно же, трудно таким взрослым рассчитывать на уважение. А может случиться, что необдуманное, сгоряча сказанное слово, случайное настроение взрослых оставят трудно стираемый след и будет укрепляться привычка во всем искать неправду, темную подоплеку, будет расти недоверчивость, а может быть, и цинизм.

Зато как ясен и прочен внутренний мир детей, когда дома понимают и поддерживают все лучшие стремления юного гражданина, патриота и интернационалиста.

На очередном всеоюзном конкурсе «Наш друг — Польша» одной из лучших признали работу челябинской школьницы Лены Ушаковой. За ее исчерпывающими ответами на все вопросы конкурса стоял дружный семейный «экипаж». Отец танкистом освобождал Польшу от фашистов. Теперь он работает на заводе, а мама — доктор. Польша осталась страницей семейной биографии. Родители передали детям свое глубоко личное, дружески теплое отношение к народу-полю. Лена и ее младшая сестренка получили незабываемый урок истории.

Яркость и сила детских впечатле-

ний эхом отзовется в увлечениях юноши, в убеждениях зрелого человека. А сегодня наши дети учатся разбираться в жизни большого и беспокойного мира. Вчитайтесь в эти строки, проникнитесь их чистосердечием, жаждой немедленного действия:

«Пусть Анджела Дэвис знает, что мы всегда с ней, что нам не будет покоя, пока ее не освободят. Ученики третьего класса 343-й московской школы Александр Родов и Сергей Бабенко».

«Я хочу помочь Вьетнаму в борьбе за свободу. Вы, наверно, скажете, что для этого надо хорошо учиться и собирать металлолом. Но ведь были люди, которые уходили добровольно воевать за Испанию. А для меня сегодня Испания — во Вьетнаме. Помогите мне. Гузель Насырова. Село Поляковка. Башкирия».

«Здравствуй, народ Анджелы Дэвис, Поля Робсона и Лютера Кинга! Мы узнаем о тебе со страниц газет. Мы видим тебя каждый день. Вот ты возвращаешься домой после трудового дня. Словно это наши мамы и папы. Но разница в том, что наши мамы и папы возвращаются со своих заводов и фабрик, они трудятся на своей земле и мы учимся в своих школах. А тебе приходится работать на хозяина. И от того, какие у него планы на завтрашний день, зависит твоя судьба. Эта неуверенность и опасение за завтрашний день волнуют нас. Мы гордимся твоими парнями-рыцарями, которые сквозь завесу лжи разглядели светлый луч правды. Мы верим, что вернутся к матерям с войн сыны Америки и будут жить в радости все ее дети. Пионеры 6 «Б» и все присутствующие на пионерском собрании «За честь звена». Школа Можайского гидроузла».

Это очень наивно и очень серьезно.

— Не беспокойтесь, что ваш голос слаб. Его слышат и во дворцах, и в политических тюрьмах, — сказала Долорес Ибаррури пионерам, когда они спросили, могут ли их протесты помочь на процессе баскских патриотов.

На пионерскую солидарность рассчитывают борцы за мир и руководители детского прогрессивного движения в освобождающихся странах. Мы все рассчитываем. Для нас в этом прочность будущего.

Ирина СЕРГЕЕВА,
заведующая отделом
газеты «Пионерская правда»

ДОСТИЖЕНИЯ И ЗАБОТЫ ЯРКОГО ПОЛЯ



Однажды, год приблизительно назад, мне случилось присутствовать на заседании правления колхоза «Украина» Кировского района Крымской области. Обсуждался вопрос о том, по каким показателям присуждать звания: «Лучшая доярка», «Лучший тракторист», «Лучший виноградарь» и так далее.

— Чтоб дети в школе учились как следует, — добавил ко многому сказанному кто-то из зала.

— Чтоб учились — этого мало. Чтоб во всем родителей оправдывали...

Герой Социалистического Труда председатель колхоза Илья Гаврилович Поддубный вел заседание в четком, деловом ритме. В сторону от главной темы уйти не дал, но и никого не перебил, когда с особой заинтересованностью члены правления договаривались, какими же все-таки должны быть сын или дочь, чтоб не уронить семейной чести. Пункт внесли в условия соревнования.

Тогда же на том заседании правления пришла мне в голову мысль поговорить с Ильей Гавриловичем о воспитании. Желание это укрепилось после того, как я узнала, что из четырех детей Поддубного трое работают в сельском хозяйстве, причем двое — там же, в колхозе «Украина».

...В этом году свой разговор с председателем я начала с воспоминаний о давнем памятном мне правлении... Не хотелось в ответ услышать дежурное: «А как же! Как же не уделять внимания? Дети ведь наше будущее...» Однако такая фраза все же прозвучала, но сразу за нею пошел разговор деловой, напористый в такой степени, что сразу становилось ясно: Илья Гаврилович высказывает мысли, к которым возвращался не раз.

— О своих детях я не буду: они уже сами воспитатели, свои семьи имеют, а росли в то время, у которого были свои требования. Если же говорить о сегодняшнем дне, то больше всего меня волнует разрыв между тем, что подростку дает экономика, и что он сам берет от образования, от культуры. Транзистор, понимаешь, он в голос включил прямо на уроке, когда учитель законы физики объяснял... Зачем ему те законы, если вся цивилизация у него в руках за тридцать семь рублей с копейками? А захочет, родители ему и ту, которая две сотни стоит, предоставят и за тысячу купят, организуют золотое детство!..

Не названный по имени владелец транзистора тем самым приобрел значение обобщающее. И в то же время было видно, что он со своим

румяным и нагловатым лицом и сейчас как бы стоит перед глазами председателя. И, вглядываясь в это лицо, председатель — немолодой, выдавший виды и привыкший побеждать человек — страдает.

— У нас мало в каком доме вы не увидите гарнитура модной мебели. Каждый третий дом хоть сегодня купит легковую, только представьте. Стиральные машины, телевизоры, холодильники, мотоциклы — все есть, вот и считают некоторые, что достигли культуры. А настоящая культура она в кругозоре знаний, а не в том, чтобы транзистор крутить. Многие думают: я сыну подскажать не могу ничего интересного, так, может, транзистор подскажет — все ж таки умные люди по радио говорят. А вопрос этот надо решать иначе... У нас в колхозе при правлении на хорошем окладе есть методист по воспитательной работе. Ленинградский педагогический институт кончила, Ася Ивановна Шишоловская, очень умная женщина... Мы сейчас добиваемся, чтоб у нас все дети прошли через детский сад. Вы думаете, чтоб рабочие руки матерей освободить?

Поддубный так спросил, что стало ясно: сейчас в ответе, который он сам и даст, прозвучит что-то очень серьезное, программное для него. Над чем он думал с таким же напряжением, с каким председатели чаще всего перебирают вопросы, касающиеся вала, плана, обязательств и других вещей, имеющих точное измерение в тоннах, гектарах и рублях...

— А затем, что там они получат то, что еще не каждая мать может дать своему ребенку на сегодняшний день: культуру. Я не о той только культуре говорю, чтоб показать, как нос вытирать, как с вилкой обращаться, а о той, чтоб понимали стихи красивые, почему красивые, сказка сердце трогает, почему трогает. А главное, чтоб были зачатки системы знаний. Я очень стою за систему знаний, против разбросанности, случайности, нахватанности...

Председатель передвинулся в кресле, как будто затем, чтоб удобнее рассмотреть что-то далекое и важное для него. Может быть, то, к чему приведет система знаний...

— У нас в колхозе проходил республиканский семинар работников дошкольных учреждений. И вот от руководителей семинара можно было услышать, что наши дети по своему развитию ни в чем не отстают от городских. Это, конечно, радует. Но, с другой стороны, когда слышишь: «Никогда не скажешь, что сельские», — чувствуешь обид-

ную сторону такой похвалы, хотя никто ни тебя, ни твоих детей обидеть не хотел, просто грань, о которой мы много говорим, пока еще существует. Организация хороших детских садов, в которых бы работали не просто добрые и аккуратные, а образованные женщины, помогает стирать эту грань в самом начале человеческой жизни.

...Что такое хороший детский сад, можно было убедиться, побывав в любом из тех, которые принадлежат колхозу. Но не блестящая светлым лаком мебель, не наборы умных конструкторов были основанием для такого отзыва, главное заключалось в содержании воспитания.

Колхоз в гораздо большей степени, чем любое другое предприятие, можно сопоставить с семьей, где вкусы и взгляды главы семьи так или иначе, но обязательно отражаются на вкусах и взглядах всех ее членов. Конечно, в сравнении таким будет и натяжка, но все-таки оно правомерно. И уж если у председателя появляется помощник в виде методиста по воспитанию — это неминуемо толкает людей к мысли, что воспитание не самотек, а процесс, который должно организовать, держать под контролем.

Итак, получить в детском саду воспитание «не хуже». А потом в школе образование «не хуже». Что касается школы, то Поддубный считает: достичь образования «не хуже» можно при наличии двух условий. Первое: надо иметь хороших учителей, правильно налаженный учебный процесс. Второе: надо Толку, Володю, Васю настроить на ту волну, что понимание законов физики или химических процессов куда больше дает человеку, чем бездумная песенка. Больше обогащает...

Темперамент председателя известен. Конечно, он может быть очень сдержанным и дипломатичным, но когда он услышал в школе о случае с транзистором, у него, по его же словам, в глазах темно стало. Возможно, потому, что тут с неприкрытой наглядностью столкнулись избыток культуры покупной и острый недостаток культуры внутренней, душевной, неуважение к образованию. К тому же еще он вспомнил свои пятнадцать лет, как это всегда бывает. Вспомнил усилия, при помощи которых пробивался к каждой крупнице знания. Но, оторвавшись от своих воспоминаний, Поддубный сказал неожиданно:

— Читал я Игнатьева «Пятьдесят лет в строю» и на что обратил внимание: на ту жесткую систему, которой мать его окружила, когда он еще совсем ребенком был, не

оставалось минуты болтаться. Был порядок, время, заполненное именами работай по получению образования. И не легкой работой. Он дочку из кармана бы не вынул, пока учитель старается — в него знания вкладывает.

Такое сопоставление графа Игнатьева с Толиком из восьмого «Б» звучало парадоксально, но правомерно. И от него Илья Гаврилович перешел к вопросу об учителях.

Авторитет учителя достигается, конечно, только качеством его работы и тем, что из себя учитель представляет как личность. И в то же время до чего же легко хозяйственнику, директору совхоза, председателю колхоза, на чьей территории находится школа, навредить этому авторитету с позиций, очень чем-то схожих с позициями бестрепетного Толика.

— Надписи мы быстренько везде повесили: «Осторожно, дети!» А тут хозяйственник, и неплохой, замечьте, на общем собрании давай Аину Николаевну пушить за процент успеваемости. Он в учебном процессе понимает так мало, что ему кажется: все понимает. О чем хочешь при этом думать, только не о том, какой вред детям наносим, когда учительница стоит, краснеет, отчитывается. Я вообще считаю, нет ничего хуже, как судить о работе школы по процентам. Как раз при недобросовестном отношении к детям можно какой-нибудь процент показать. Вот он и вызывает учителя на заседание правления, скажем, и начинает на него давить...

А между тем, считает Поддубный, хозяйственник может вмешаться в учебный процесс, только с другой стороны. Обеспечить, например, учителям такой быт, чтоб он у них времени не отнимал, чтоб не осложнялся заботой, где купить мяса, где молока. Каждый колхоз на сегодняшний день может дать учителю хорошую квартиру, продать ему по себестоимости продукты. И тут, кроме всего прочего, колхозу — выгода. Не обремененный бытом учитель, имеющий время и над книгой посидеть, даст сельским детям не меньше, чем получают городские. А спросом некавалифицированным только оскорбишь человека, только неправильно ориентируешь детей, если до них дойдет.

— Учитель, на мой взгляд, человек особый, и пусть они друг друга на своих педагогических советах критикуют квалифицированно, принципиально, а не бегло между надоями и фуражом.

Дальше Поддубный развивал определение: человек особый. Человек, который не может быть запанибрата с «улицей», даже если ему

всего двадцать два. Человек, которому так запросто не положишь руку на плечо, в особенности если этот человек — девушка. То есть это говорится в качестве пожелания — «не положишь», кладут.

— А ведь в дни моей молодости иначе держали себя с учителями. Строгость отношений была.

— Может быть, это не от характеров учителей зависело, а от того, что на селе да еще на много верст вокруг только они обладали знаниями? — предположила я. — Ученые — агрономы, ветеринары, инженеры, их же тогда было мало. Да что там, часто ли встречался просто человек с десятилетним образованием, во многом равноценный учителю собеседник?

— И все-таки — не равноценный. Если во всем равноценный, значит, учитель отстал, нет у него запаса дистанции...

Эта дистанция занимала много места в мыслях Ильи Гавриловича Поддубного. Опять-таки тут очевидную роль играли воспоминания юности, когда молодые женщины, рассказывавшие о теории Дарвина, вегетационном периоде и крестьянских восстаниях, ходили в кофточках с глухими воротничками и строгих черных юбках...

Голова огромного колхоза, в котором одних детей не меньше двух тысяч, шагает в ногу со временем. На полях работают самые лучшие из тех, что можно купить, машины, агротехника доведена до совершенства, а по экономике Поддубный может дать материал не на одну диссертацию. Воспитание детей он тоже хочет поставить на научную и современную основу. Но это воспоминание о строгости и несколько даже пугающей чистоте тех, кто открывал ему знания, было мило председателю.

А потом вспомнили вот что. Приехал корреспондент, чтоб написать очерк о людях какого-нибудь из отделений колхоза. Скажем, о людях Трудлюбовки. И название у деревни хорошее, и председателя не затруднит, наверное, дать кандидатуры.

— Не затруднит. Записывайте: Анастасия Ивановна Бельх, скоро на пенсию, доярка. Бывший управляющий Лукьян Михайлович Пучков...

— Простите, а нельзя ли о ком-нибудь попомоще. О тех, кто определяет успехи сегодняшнего дня?

— Можно и их назвать. Но о них еще будут и будут писать, а вот старики как уйдут на пенсию, заставь-ка вас о них вспомнить...

Это из того моего прошлогоднего разговора с Поддубным. Корреспондентом была я. Потом, пожив не-

сколько дней в Трудлюбовке, я поняла, как много в психологии людей определяет уважительное отношение к тем, кто сегодня уже не гонит план, не дает продукции. Пенсия, помощь в постройке дома, продукты по себестоимости, возможность два — подчеркиваю: два — раза в году бесплатно ездить на курорт... Но ведь разговор ведется о детях, причем тут старики? — может последовать вопрос. Или я напрасно опасуюсь его, ибо всем хорошо известно, что в значительной мере тон в воспитании детей задает отношение наше к старикам?

На высоком пьедестале в центре села стоит «фордзон», первый трактор колхоза — тоже старик. Современные машины умеют больше, чем он. Так же, впрочем, как Толик из восьмого «Б», — несмотря на свой злосчастный транзистор, — в законе Джоуля — Ленца понимает все-таки больше, чем его дед или отец.

Но «фордзон» на пьедестале — овестьеленный намек на то, что история началась за много до того дня, когда старший брат Толика взял в руки рычаги современного красавца трактора. И пошел поднимать плантаж под новые виноградники.

— А без истории нельзя, — говорит Поддубный. — И так уж слово «современный» некоторые так проносят, будто раньше ничего хорошего не было: одна темнота и трудности. История — вещь интересная, даже если это история одного села, одной семьи. Родство надо помнить.

Не в этой ли памяти родства секрет того, что в «Украине» остается работать много молодежи? Те, кто кончат вузы, у кого ни спроси: «Домой вернешься?», отвечают: «А как же? Уж и с председателем разговор был». Свои врачи, учителя, воспитательницы в яслях, агрономы, инженеры, веттехни. Люди, с детства имевшие возможность оценить не только приветливость, но и строгость председателя. Люди, знающие, какие требования предъявят им в хозяйстве.

— Еще мой отец говорил: «Детей надо жалеть так, чтоб они этого не знали». Я своих так и жалел, — говорит председатель. — К работе приучал, не доказывал, что работа — одно удовольствие. Труд есть труд. Часов им и мотопедов с пятого класса не покупал, костюмами не баловал, в космонавты не призывал. А вот патриотизм по отношению к Яркому Полю воспитывал. И у чужих детей стараюсь его воспитать. Не считаю деревенской отсталостью то, что люблю свое Яркое Поле и превозношу его выше всех городов. Красивое село, бога-

тое, с возможностями. Пусть видят, что человеку дает земля, если к ней с любовью и передовой наукой. И пусть получают на селе все то, что их сверстники получают в городе. Экскурсии в Москву, в Ленинград, в Киев, путевки в туристические лагеря — пожалуйста. Это не баловство, это развивает. Лагерь у моря мы построили хороший, там есть вся возможность по-серьезному заняться спортом. На личные книги в каждой семье есть деньги, и стараешься эту мысль провести. В колхозе библиотека богатая, для самостоятельности костюмы в лучших мастерских в Киеве и Харькове заказываем, невестам и именинникам цветы в собственной оранжерее выращиваем...

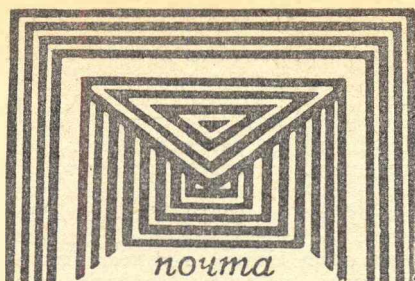
Но это все, как бы сказать, надстройка, украшение жизни. А главное содержание ее все-таки в труде. И мы стараемся, чтоб все родители понимали смысл летних трудовых лагерей; подросток должен знать, что он по-серьезному помогает колхозу. Без помощи этой колхоз, конечно, проживет. А наш ребенок, я считаю, не проживет без того, чтоб не участвовать в крестьянском труде. Землю понаслышке не полюбишь. Чтоб понять ее, надо с нею повозиться, услышать ее запах, в руке почувствовать с самого раннего возраста.

И никакого разрыва между работой в трудовых лагерях и золотым детством, на мой взгляд, нет.

Тут, конечно, что понимать под золотым детством. Если освобождение от обязанностей и такое соревнование, у кого мопед лучше, — тогда другое дело. Тогда очень просто можно вырастить тунеядца. И в селе и в городе он будет лишний. А если вы хотите, чтоб у вас рос в семье человек рабочий — безразлично, колхозником он будет или кандидатом наук впоследствии, — радуйтесь, что у вашего сына есть возможность испытать себя в общей работе.

И если в День урожая он вместе с другими передовиками пройдет Круг Почета — пусть это будет для него наградой дороже всякого транзистора или мопеда...

*Е. КРИШТОФ,
специальный корреспондент
«Семьи и школы»*



почта

рассуждения

что подействует?

Здравствуйте, дорогая редакция! Напишу немного о себе, а затем о детях. Детство мое было трудное. Мама умерла рано. У отца был крутой нрав. Вскоре он женился, у маихи пошли свои дети. Нас стало шестеро. Но ничего, выросла, выучилась. Пришло время, вышла замуж. Муж старше меня на семь лет. Ну, как всегда бывает, надеялась, что будет чутким ко мне и к моему характеру.

А характер у меня слабый. Всё я людям прощаю, даже обиды. И возразить не смею. Но муж оказался, как и отец, человеком деспотичным. Я уже не говорю о его поступках, касающихся меня лично. Больше волнует отношение к детям. И вот иногда я думаю: «Что же мы делаем, ведь мы уродуем детей!»

В доме давно уже между нами нет дружбы. Друзей и знакомых у нас нет. И детям запретил товарищей приглашать. А если, бывало, забудут об этом, то просто выгонял ребят, которые у нас были.

Девочка очень переживает, говорит, что мы не как все люди живем. И самое страшное, что у дочери, вероятно, будет такой же характер, как у меня — бессильный. Вот соберутся девочки во дворе или еще где, начнут спорить, моя знает что права, но всегда уступает. И никогда не смеется, потому что дома муж не разрешает. А сына отец наоборот, балует. Все ему разрешает, буквально все за него делает. И вот сын уже сейчас этим пользуется, добивается чего хочет. Я очень переживаю за своих детей, но ничего не могу сделать, потому что в доме «царь и бог» — муж.

Если можете, то напишите в журнале о роли отца в воспитании детей. И даже обратитесь именно

к моему мужу, тем более, что он очень боится огласки. Любит жить с закрытыми дверями. Ведь должно же что-нибудь на человека подействовать.

Татьяна К.

Двое объединились для счастья, иначе зачем же?.. И все теперь стало у них общее: радости, заботы, имущество... Но ведь не снова же люди родились! Каждый принесет с собой в новую семью и свое,житое раньше: характер, привычки, обычаи — солидное приданое, которое не вмещается в узлы и чемоданы.

Не всегда случается, что всё, решительно всё, имеющееся в таком «приданом», пригодится для дружной и счастливой семейной жизни. Как правило, чем-то своим приходится поступиться, в чем-то себя переломить, что-то переделать, если это «что-то» обижает или подавляет другого. Без желания считаться с чувствами близкого человека семья никогда не станет ни дружной, ни счастливой.

Не будем смотреть сквозь розовые очки: есть супружества недружные и не слишком-то счастливые. Не будем судить о них беспощадно: «Лучше в таком случае порвать раз и навсегда!» Легко сказать, а сделать? Ведь и в такой семье люди еще сохраняют привязанность друг к другу, и не теряют надежды изменить ненормальные отношения. А главное — дети... Разве легко решиться хоть в какой-то мере их обездолить! «Что ж, значит, терпеть, мучиться, подлаживаться всю жизнь?! Или как?..»

Самый плохой способ сохранить семейное благополучие — это молчать, глотать обиды, словом, стараться не повредить внешнее благолепие. В семье нельзя жить без уступок. И нельзя соблюдать принцип «око за око, зуб за зуб». Но можно и нужно разумно и спокойно возражать неправоте. Можно и должно проявить свою обиду. И просто необходимо искать и находить слова (слова, а не крики и оскорбления!), которые дошли бы до сердца и разума другого...

Это не просто пожелание, которое женщина может принять или не принять. Это — напоминание о материнском долге. Смотрите: будут ли уважать безвольную, терпящую унижения мать? Жалеть, пожалуй, пожалуют, авторитет же ее вряд ли признают. Заботясь о своем достоинстве, женщина тем самым охраняет и свое материнское право. Девочка разучилась смеяться, а мать только горюет. Непроститель-

но отцу который подавил ребенка, запугал его, но непростительно и матери, которая мирится с этим, находя оправдание в собственной слабости.

Надеюсь, что ни одна мать не обидится, если напомним хрестоматийный рассказ о крохотной пичуге, напавшей на ястреба, чтобы защитить от него своих птенцов. Любовь к детям — такой мощный стимул, что опираясь на него, можно приобрести душевную стойкость, перешагнуть через свою слабость, свою боязнь.

Нельзя откладывать, нельзя медлить. С каждым прожитым днем, месяцем, годом делается такая задача трудней. Время, которое в хорошей семье работает на дружбу и привязанность, тут действует разрушающе: постепенно исчезнут, словно и не было их, любовь, доверие, простое уважение. А тогда уж что поделаешь! Но пока люди, как Татьяна К., стремятся что-то изменить, надеются на лучшее, просят совета и ждут помощи — еще не все потеряно. Но прося, ожидая помощи, все равно нельзя опускать руки. Как бы ни была деликатна и участлива эта помощь, все-таки лучше всех повлиять на мужа может жена, мать его детей. Ведь всё, что скажут, посоветуют, сделают другие люди, лишь только подмога, а не сама ежечасная, кропотливая, душевная работа по укреплению семьи, которую по-настоящему возможно вести только изнутри.

Ну а кто же и как должен помочь Татьяне К.?

Она просит усовестить мужа на страницах журнала. Мы сознаем, какое сильное средство печать, и, от всей души сочувствуя женщине, хотим помочь ей. Казалось бы, за чем дело стало, тем более, что она сама считает, что публичное порицание должно подействовать, потому что «он очень боится огласки». Ей хочется средства скорого, чтобы муж увидел себя со стороны и, поняв недопустимость своего поведения, переменялся бы к ней и к детям. Но вот что нас останавливает. Когда выносятся на всеобщее обозрение и осуждение то, что надо решать двоим, это не добавляет теплоты в отношения супругов. Исправится ли человек так вдруг, с испуга? Задумается или обользится?

Бывают случаи крайние, когда уже все средства и способы вполне исчерпаны, когда становится необходимым гласное потребление, чтобы пьяницу, хулигана, дебошира призвали к порядку. Как правило, в таких случаях речь идет о фактически развалившейся семье, когда только удалив из дома опустивше-

гося человека, можно вернуть покой матери и детям.

Дорожка доверием женщины, поделившейся своим горем, понимая сложность ее положения и тревогу за дочь и сына, все-таки хотим сказать ей: не торопитесь с оглаской. Мы и сейчас, разговаривая о Вас, называем Вас другим именем, уверены, что поймете, как важно не подливать масла в огонь, а все трезво обдумать. Ведь что ни говори, рядом не чужой, самодур, но не изверг же? Глупо, неумело, сто раз неправильно заботится он о детях, но со зла ли? Не исключено, что отцовский деспотизм питается не только материнской безответностью, но и искренним убеждением, что «так надо», что «иначе нельзя».

Слаб голос матери, чтобы доказать неправоту отца, чтобы открыть ему глаза на последствия его обращения с детьми? Пусть подкрепят материнские старания авторитетные доводы учителей. Почему матери не поделиться с ними своими тревогами? Разговор с учителями о замкнутом девичьем характере, о разболтанном, не знающем удержу мальчишке ничуть не менее важен, чем разговор об отметках. Наверное, им, учителям, удобнее потолковать с товарищами отца по работе, с теми, чье мнение он ценит, с кем особенно считается.

Сегодня в дом, где не велят смеяться, придет учитель:

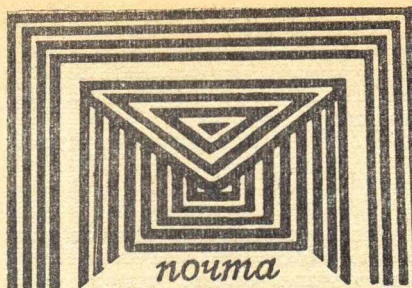
— Знаете, меня беспокоит ваша девочка. Она часто бывает подавлена, расстроена. Учителя добросовестно, умная, начитанная, но что-то мешает ей уверенно отвечать урок, так и кажется, что она чего-то боится. Понаблюдайте за ней, вы, я думаю, скорее поймете причину. Ребята в пионерском отряде пробуют расшевелить ее. Что предложите вы?

Завтра в завкоме несколькими отцам, и в том числе мужу Татьяны К., дают поручение рассказать школьникам о своей профессии. Он видит ребят живых, сообразительных, общительных и в то же время уважительных и невольно сравнивает с ними своих.

А послезавтра кто-то из сослуживцев вступает с ним в прямую дискуссию насчет бирючьего, замкнутого образа жизни, который обедняет самого человека и уродует его детей.

Такой единый фронт убеждения надо организовать непременно. Отнесите, дорогая Татьяна, этот журнал в школу, где учатся ваши ребята. Обсудите наш совет с учителями. Мы уверены, что на ваше доверие они ответят деятельным участием в укреплении вашей семьи.

Б. ЛЕОНИДОВА



почта

письма

не в зарботке дело

В вестибюле фотовитрина «Наш летний труд и отдых». С любительских снимков смотрят мальчишки и девочки в рабочих комбинезонах, передниках — это девятиклассники на производственной практике: ремонтируют школу, красят коридоры, классы, парты, наводят порядок на спортплощадке. А вот другая витрина «Мы любим труд». Тут ребята из разных классов. Все они трудились в каникулы на предприятиях и стройках по собственному желанию, добровольно.

Участие старшеклассников в производительном труде — явление, заслуживающее, на наш взгляд, серьезного внимания. Когда мы стали поближе приглядываться к этому явлению, выяснилось, что многое, очень многое идет от того, как к труду детей относятся в семье. Вот два характерных примера. Ученица 9-го класса рассказывает: «Месяц работала на стройке, заработала 110 рублей. Считаю, что все ребята в моем возрасте во время каникул должны немного поработать. Родители одобряют мое решение».

У отца девушки — высшее образование, работает на заводе. Мать — медсестра. Младшая сестра — семиклассница. Из беседы с матерью я узнал, что старшая дочка по-серьезному стала трудиться после седьмого класса. Сначала помогала бабушке в колхозе, в следующее лето было цветочное хозяйство, а вот теперь — строительный участок. В семье с малых лет привлекли детей помогать по хозяйству, вместе со взрослыми они всегда трудились летом в саду или у бабушки в деревне. У отца на этот счет тоже своя точка зрения: «Раз дочка понимает, что надо ра-

ботать, и физический труд ей нравится, всегда возвращается домой радостная, мы ей не препятствуем».

А вот суждение юноши-девятиклассника: «Летняя практика не понравилась. Кроме этого, нигде в каникулы не работал, летом надо отдыхать. Смотрел телевизор, в кино ходил. Родителям безразлично, буду я работать в каникулы или нет». Я поинтересовался, как воспитывают юношу в семье. Отец — инженер, редко бывает дома, больше в командировках, воспитанием мальчика занимается мама и бабушка.

— Если хочет, пусть работает, но мы в его зарботке не нуждаемся, — говорит мать.

Бабушка вообще против:

— Пусть кончит школу, зарабатывается еще.

Но разве дело в зарботке? В этой семье, по-моему, недооценивают нравственное значение труда, который помогает подростку лучше узнать самого себя и окружающих людей, проявить свои возможности.

С. ТРИФОНОВ,
преподаватель

Чувашского
государственного университета
имени И. Н. Ульянова
г. Чебоксары

одно удовольствие

Сначала о маме. Шел 1941 год. Мы жили далеко от фронта, в Сибири, но и до нас доходили отзвуки войны — мы слышали тревожные сводки, видели, как приходят эшелоны с тяжелоранеными, наши близкие получали «похоронки». И все-таки мы, дети, оставались детьми. Смеялись, пели, танцевали. А может, это взрослые как-то старались защитить нас от горя?

Веселые утренники, сколько выдумки и радостного ожидания связано с ними! Это сейчас все просто, пошел в магазин, купил материи. А в то время не то что капрона, простой марли не было. Но мама где-то раздобыла, одолжила марлю и смастерила для меня костюм Снежинки. И я долго кружилась от радости, а потом, не чуя под собой ног, прилетела в школу... Помню еще праздник. На мне широкая цветастая юбка и два огромных ярких платка. Ни дать ни взять — настоящая цыганка. А ведь не было у нас бабушки, которая бы достала все это богатство из заветных сундуков. И как уж мама ухитрилась заполучить эти шали, для меня до сих пор загадка,

А теперь у меня растут два сына. И они ходят в школу. И у них тоже бывают утренники. Накануне Дня Советской Армии старший возвратился из школы, еще с порога закричал: «Ты представляешь, мы все будем позаниматься! Уже выучили песню, стихи! Мне нужна пилотка и погоны». Как тут не помочь! Попросила у соседа-военного пилотку и такую же сшила сыну. И погоны сделали. Так сын часто и после праздника надевал этот наряд. А младший был моряком. Все сделали: и бескозырку белую и воротник в полоску. Если бы можно было передать выраженные лица сына, когда он примеривал эту форму!

Новый год. Какой карнавал без костюмов! И в мужикерах ребята мои побывали, и даже Нептуном грозным однажды предстал старший. Как-то закрутилась я под праздник. Вижу, грустные глазенки у ребят, хотя молчат, не хотят огорчать меня. Но разве мать обманешь?

А ну, тати, Андрей, свои старые техасы! Достали полосатую рубашку, отыскали кусок красного ситца. Из куска бархата сделали чудесный пояс, заткнули за него самодельные пистолеты и кинжал. Вот это да! Настоящий пират! Сын уснул счастливым. А я тем временем вырезала из картона золотую сережку и черную маску. На вечере мальчишки визжали от восторга.

Для чего я это пишу? Прочла я в одной газете письмо возмущенного отца: учителя попросили помочь первоклассникам сделать к утреннику костюмы, самые простенькие. Почему сами с детьми учителя не сделали? — спрашивает отец (и газета, наверное, вместе с ним). А я не вижу ничего странного в такой просьбе. Что же получается: раз отдали детей в школу — всё? Теперь уж пусть обо всем учитель заботится? Конечно, учитель заботится действительно обо всем: он наших детей учит, воспитывает, забавляет, праздники для них устраивает, выставки показывает, в походы водит. Но каждый из нас может помочь ему — и талантом своим каким-нибудь (вдруг кто-нибудь очень хорошо танцует — почему бы не прийти на помощь?), и умением что-либо делать (вот и кружок «Умелые руки» заведется), и, наконец, личным своим временем (потому что ничего, кроме времени и желания, не требуется для немудреного костюма или смешной какой-нибудь шапочки, которую наденет на утренник ваш сын).

Да, дети подрастают, но они долго еще многого не смогут делать без нашей помощи вообще. Вот и в пятом классе, когда мой сын

«сам» выпускал газету, мы с мужем показывали ему, как лучше написать буквы, каким цветом раскрашивать, какие картинки лучше приклеить. Ведь это нам, взрослым, кажется, что сделать все легко и просто, а детям всему надо учиться. И многому можем научить их мы, родители.

Е. КОЛИУХ
г. Воронеж

хороший мальчик

Работаю я столяром, образование у меня небольшое, если бы не война, может быть, все получилось бы иначе. Теперь сын — моя надежда. Он учится в третьем классе, правда, не отличник, по математике четверка, по всем остальным предметам пятерки. Мальчик он скромный, бывает и пошалит чуть-чуть, по-видимому, потому, что он один у нас.

Живем мы в селе Романовка Соколуковского района Киргизской ССР. За продуктами ходим в соседний поселок. Недавно, когда я там был, на моих глазах произошла грустная и любопытная история. Я ждал у овощного ларька продавца. Неподалеку бежали ребятишки, увлекшись военной игрой. А у другого фургона покупала хлеб старушка. Всего несколько ступенек, а она никак не могла спуститься: в одной руке — палка, в другой — сетка с булкой, мешает. Тут же стояли две женщины, весело смеялись, о чем-то оживленно разговаривали. Старушка обратилась к ним: «Милые, помогите с крыльца сойти». Но женщины как будто и не слышали. Потом одна из них грубо отрезала: «Дома, бабука, нужно сидеть, а не по магазинам ходить».

Я поспешил на помощь старушке. И вдруг меня опередил мальчишка лет десяти-одиннадцати. Подскочил, взял ее осторожно за руку, не сиденок у него было маловато, тут и я подоспел. Вовоем мы в целости и сохранности спустили бабушку на землю. И хотели проводить ее домой.

— Спасибо вам, добрые люди, за внимание.

— Да за что же, бабушка, спасибо? — ответил мальчик.

Старушка, как бы оправдываясь, стала объяснять:

— Плохая я стала последнее время. По ровному месту еще хожу мало-мало, а вот ступеньки мне не под силу. Голова кружится, ведь слава богу, девятый десяток пошел. Сама-то я рязанская, муж в войну

погиб, а меня война сюда в Киргизию занесла. Вот и живу здесь со своей внучкой вдвоем. Дети мои по всему свету поразбегались. Они помогают мне, зовут к себе жить. А я что-то привыкла, тепло здесь. Внучка всегда за провизией ходит, да приключился с ней аппендицит, в больнице лежит, говорят к воскресенью будет дома. А отец ее, мой младший сын, на Дальнем Севере, в Норильске живет, он у меня инженер, в каком-то горячем заводе работает. Прислал письмо, что на днях прилетит к нам в гости на самолете. Соседей нет дома, вот я решила за свежим хлебом сходить, а то вдруг придет, надо же гостя встретить как следует.

Я спросил мальчишку:

— Чей ты будешь, как тебя звать?

Отвечает:

— Ладно, дядя, это не имеет значения, а я вашего Женю знаю, мы вместе с ним учимся.

И побежал догонять своих приятелей. Вечером мы с сыном перепробовали всех мальчишек, я подробно описал, как выглядел мой знакомый, но мы так и не установили, кто же это был.

Мне хочется, чтобы и мой Женя рос таким же — во всех мелочах чутким, внимательным к людям, особенно к старшим.

И. МИХЕЕВ

ко мне, мухтар!

С интересом прочитал в № 4 статью «Хочу собаку»... Но рекомендация под заголовком «Какую выбрать?» несколько меня огорчила. Насколько я знаю, обычно будущий хозяин собаки — городской мальчишка, которого не раз, как постороннего, «выпроваживали» с дрессировочной площадки клуба собаководства. Он не раз видел, как легко и красиво перемахивают «барьеры» собаки, с каким искусством они преодолевают «лестницу». И у него тоже появляется желание стать дрессировщиком, заниматься с собакой, учить ее, тренировать. И вот в квартире щенков дворняжка. Ведь именно такая порода собак, если следовать советам статьи, больше всего подходит для детей. Мальчишка-хозяин с любовью берется за ее воспитание. Но проходит девять-десять месяцев и «собаковод» ведет свою собаку на дрессировочную площадку... А там она, увы... выглядит не в лучшем виде и не может сравниться с породистыми.

Обманутый в своих лучших намерениях, мальчишка разочарован. После такого случая верный пес становится «и не друг, и не враг», так как хозяин к нему охладел.

Если вы живете в городе, где имеется клуб служебного собаководства, я обеими руками голосую за то, чтобы четырнадцатилетнему подростку приобрели служебную собаку. Полезно посоветоваться с инструктором, какую собаку лучше взять. Занимаясь со служебной собакой, мальчуган будет видеть плоды своего труда. Следуя советам инструктора, подросток будет воспитывать щенка правильно и умело.

В сельской же местности, наверное, самая подходящая собака для подростка дворняжка. Такое мое мнение. Я сам сельский житель. Занимаясь с собакой два года, но за неимением условий двинуться дальше общего курса дрессировки не удалось. Нужны помощники, которых в наших краях, к сожалению, найти очень трудно.

Н. РЕПАЛО
поселок Красочный
Ставропольского края

мы все должны протестовать

В городском оживлении, среди привычных чудес техники не возникает ли у вас порою гнетущее, липкое чувство гадливости и стыдной беспомощности? Мне это чувство, увы, знакомо. Оно возникает, когда я сталкиваюсь (и нередко, к сожалению) с матерщиной. Что же это за явление — трижды проклятое и неистребимо живучее?

Обидно, когда иные люди — от лихости, а еще более от недомыслия — расценивают неприятие грубой ругани как ханжество или языковое чистоплюйство. Да нет же! Вовсе не обязательно страдать излишней манерной благопристойностью, чтобы ненавидеть черное, гнилое слово. Напротив, при этом можно любить слово острое, слово резкое. Но есть непреложные нормы культуры и нравственности.

Наивно с нашей стороны полагать, что кроме слегка неприличного сотрясения воздуха от матерщины ничего не происходит. Подумайте, что значит для ребенка, подростка эти слова, когда он впервые догадывается об их смысле. А что значит впервые исторгнуть их из себя? Не значит ли это — преступить? Преступить через что-то в себе — очень дорогое и интимное: через мать, через смутно жи-

даемую любовь, через рождающееся чувство красоты. Задумайтесь над смыслом слова «преступление». Оно означает деяние, которое преступает человеческие законы, то, что для людей свято, непреложно. Мое глубокое убеждение, подтвержденное учительским опытом: если ребенок растет и дышит в атмосфере гнилых, черных слов, уже одно это ставит под угрозу дело его воспитания, его нравственное здоровье. Не раз слышала я горькие сетования отца или матери: «Да разве ж мы учили его воровать? Разве учили убивать?» И, набравшись мужества, приходилось нередко отвечать: «Нет, этому прямо не учили. А вот преступать человеческое учили. Учили грязным своим бытом, грязными словами, обращенными к людям».

Нет, не сказать не могу: давайте что-то делать! Все вместе. Смириться с подобным злом — грех перед нашими детьми.

Начинать нужно с семьи. Здесь все в наших руках. И собственные дети с их сегодняшней и завтрашней судьбой, и собственное поведение.

И. КИЧИНА,
педагог
г. Свердловск

Правила так называемого хорошего тона рекомендуют из чувства уважения к другим (естественно, и к себе тоже) в обществе говорить вполголоса. Может, следует, действительно, говорить тише? Но говорят громко. И обрывки разговоров назойливо лезут в уши. Далеко не красивые, а подчас и гадкие слова оскорбляют слух старых людей (вроде меня) и пополняют «культурный» багаж молодых.

Было это на днях. Впереди шли трое парней, вели разговор, изо рта фонтаном била грязь. Поравнявшись с ними, взял одного под руку. Беседа у нас не заняла много времени, но, кажется мне, достигла цели. Я постарался объяснить ребятам ненужность и вред ругани, тем более среди народа, детворы. Один из парней, сославшись на молодость, успокоил себя соображением, что исправиться успеет. Второй промолчал. Третий ближе подошел ко мне.

— Папаша, а знаете, я, пожалуй, последую вашему совету.

Я далек от мысли, что достаточно только объяснить, что ругаться плохо, как все станут культурными и вежливыми. Наверное, нужны и наказания, и штрафы. Но кому-то надо просто растолковать.

К молодежи мы должны быть особенно внимательны: и когда сталкиваемся с ребятами на улице,

и когда разговариваем с ними, и когда пишем для них книги.

Недавно мне попалась книга М. Котова и В. Ляковского «Гайдар на войне». Есть там такой эпизод: генерал Кирпонос говорит по телефону:

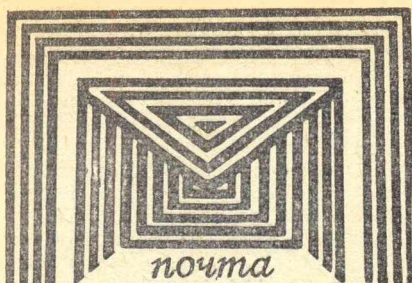
«Что-о? Сами подорвали пятнадцать танков? Кто додумался? Не успели наладить ремонт? А спросил у этого сукиного сына, успевает ли он... Он ответит по законам военного времени. Военный Совет не детский сад. Ясно? Ну и что же?.. Да, да! Нечем подвозить боеприпасы... Бомбежка? Это еще цветочки, ягодки впереди... А он хочет, чтобы эскимо с неба сыпалось? Заставь дурака богу молиться... — Кирпонос грубо, по-мужски выругался».

Гайдар сразу как-то втянул голову в плечи, изменился в лице. Его по-детски наивные глаза как бы укоряли: «Ох, мушкетеры! Легкомысленный народ... В такое время отрывать командующего от дел... Видите, какая петрушка заваривается?»

Для меня даже теперь, в весьма немолодом возрасте, книги Гайдара не потеряли своей прелести. И сам образ писателя кажется необыкновенно чистым и ясным. Порадовала и безусловно удачная книга М. Котова и В. Ляковского. Но когда я прочел приведенный отрывок, подумалось, что не слишком большую услугу оказали авторы генералу Кирпоносу, рассказав о грубости, понятной в подобных условиях, грубости, в конце концов могущей подразумеваться, но едва ли заслуживающей упоминания, тем более на страницах книги для молодежи. И подобная реакция Гайдара могла быть вызвана, вероятно, не столько сознанием неуместности присутствия в данный момент, сколько именно грубостью, против которой писатель всегда протестовал...

И мы все тоже должны протестовать.

Р. МОЛЧАНОВ,
инженер
г. Николаев



ответы

не в гостях, дома

Меня и моего мужа глубоко тронул очерк «Чужой ребенок» в № 8 «Семьи и школы» за прошлый год. Мы тоже решили взять шефство над воспитанником школы-интерната, у которого нет родителей. Но директор интерната, которого нам рекомендовали в районо, равнодушно отнесся к нашей просьбе. Мы хотели брать ребенка на выходной день, в праздники, на каникулы. Директор же заявил, что никакие другие отношения с ребенком кроме немедленного усыновления невозможны. И для начала потребовал справку о зарплате и справку от психиатра.

Ни я, ни мой муж, ни наша девятилетняя дочурка душевными недугами не страдаем, зарплата у нас достаточная (мой муж — кандидат технических наук, я — врач). Да разве в этом дело! После такой встречи мы не звонили больше в интернат, но намерение шефствовать над ребенком у нас все равно не пропало. Как жаль, что патронат возможен только в Латвии и Узбекистане! (Об этом мы узнали тоже из «Семьи и школы» из статьи «Большая родня» в № 2 за этот год). А как же быть нам?

Д. Д-НА
Москва

Кому и как предоставляется право участвовать в воспитании детей, находящихся на обеспечении государства — в детских домах, школах-интернатах? На этот вопрос редакция попросила ответить инспектора-методиста по охране прав детей Министерства просвещения РСФСР Фриду Самойловну Фарберову.

— Директор интерната неправ, полагая, что только та семья, кото-

рая намерена усыновить ребенка, может войти с ним в контакт.

Во-первых, кроме отношений усыновления, законом установлено еще опекунов. Во-вторых, если усыновляют ребенка или берут над ним опеку люди, прежде ему незнакомые, то нужно говорить именно о постепенном сближении взрослых и ребенка. Отношения, которые складываются между будущим усыновителем или будущим опекуном и воспитанником интерната, принимают, кстати, во внимание при оформлении усыновления или опекунов.

Наконец, разве только те дети, которые уйдут из интерната к новым родителям или к опекуну, должны почувствовать тепло семьи? Попрошу понять меня правильно: в интернате никто из ребят, даже лишенных родителей, не обижен; здесь и кормят вкусно, вдоволь книг и игр. Но ребенок все равно тянется к «семейному дому». Вот почему двери наших детских учреждений открыты для шефов. Они устраивают веселые праздники, ведут кружки, приносят подарки. А по субботам, когда все дети торопятся домой, шефы не забывают про Машу или Володю, которым торопиться некуда... Кто-нибудь забирает ребят в свою семью — пусть не чувствуют одиночества. Это касается, разумеется, не только тех семей, члены которых работают на предприятии, шефствующем над детским учреждением. Желание любой семьи быть с ребенком, лишенным родителей, можно только приветствовать.

Кстати, те затруднения, о которых пишет читательница Д-на, никак не связаны с отменой патроната в нашей республике. Само понятие патронирования вовсе не касается прихода ребенка в семью время от времени. Патронажный воспитатель брал на себя (хоть и временно, но на длительный срок) все обязанности и по воспитанию, и (в отличие от опекуна) по содержанию ребенка, который не получал ни пенсии за родителей, ни пособия, ни алиментов. Так как сейчас таких детей почти не осталось, то надобность в патронате практически отпала. А если такой случай встретится, то средства на содержание ребенка (по новому Кодексу о браке и семье РСФСР) получить может опекун от исполнительного комитета районного, городского, поселкового Совета депутатов трудящихся.

Что же касается супругов Д-ных, то, думаю, им еще раз стоит обратиться в районо, где найдут способ поправить директора. Конечно, директор детского дома или интерната обязан знать семью, куда он отпускает своего воспитанника. Но вы-

яснять интересующие его обстоятельства он должен тактично и уж никак не при помощи медицинских справок.

Конечно, заботы и тревоги (вполне законные) педагогов на этом не кончатся. Кого из ребят поручить семье? Не пройдет ли быстро благодородный порыв? Сумеют ли правильно подойти к ребенку те, кто, в общем, так мало его знает? Тревоги эти могут отпасть, если педагоги сумеют верно направить новых старших друзей их воспитанника, помогут им найти нужный тон в общении с ребенком.

Многое зависит и от самой семьи. Прежде всего, нельзя, чтобы на ребенка смотрели здесь как на гостя. Хочется прямо обратиться к читательнице, приславшей письмо. Конечно, все, что касается школьной жизни Вашей дочери, Вас глубоко интересует. А хорошо ли Вы знаете, что такое интернат? Зайдите, посмотрите, чем занимаются там дети, попытайтесь включиться сначала в общие заботы, дела. Наверное, Ваш муж может рассказать много интересного воспитанникам, да и Ваш опыт, знания врача пригодятся. Вы будете дружить со всеми детьми, но со временем какой-то мальчик, а может быть, девочка потянется к Вам сильнее других. Или Вы сами к нему или к ней потянетесь...

Если ребенок является в семью «по распределению», чтобы «отбыть» выходной день, — это уже не дом. Ему должно быть здесь легко и радостно, он должен чувствовать, что здесь его ждут близкие, родные люди.

только в срок

Моей дочке исполняется семь лет в середине сентября. Обязательно ли ее отдавать в школу? Обстоятельства складываются так, что мне придется часто уезжать в командировки. Этого требует тема, над которой я заканчиваю свою работу в научно-исследовательском институте. Как мать, я беспокоюсь, что мое отсутствие может плохо отразиться на школьных делах дочери. Ведь в 1-м классе дети особенно нуждаются в родительской помощи и контроле. А вот если дочка пойдет в школу на будущий год, я смогу ей уделять внимание.

Е. ПЕТРОВА
г. Челябинск

Учитывается ли желание родителей при зачислении детей в школу? Могут ли принять в школу ребенка,

если до 7 лет не хватает двух месяцев? Имеет ли право школа проверять, насколько ребенок подготовлен к обучению? Об этом спрашивают многие родители. Редакция обратилась к заместителю начальника Главного управления школ Министерства просвещения СССР Кире Васильевне АГАФОНОВОЙ с просьбой рассказать читателям, каковы правила и порядок приема в 1-й класс.

— В 1-й класс принимаются дети, которым к 1 сентября исполнилось 7 лет или же исполнится 7 лет в сентябре. Даже если мальчик или девочка родились 30 сентября, никто не имеет права отказать им в приеме. На всех этих ребят распространяется закон о всеобщем, и все они должны стать первоклассниками. Учитывается ли мнение родителей? Только в том случае, если ребенок долгое время болел, перенес тяжелую операцию и ему нужно время, чтобы окрепнуть, поправить здоровье. Все другие мотивы — занятость родителей по работе, переезд в другой город (некоторые рассуждают: зачем отдавать в школу, если все равно на будущий год придется переводить в другую) — нельзя признать уважительными.

Прежде всего мы должны исходить из интересов ребят. Поясню эту мысль на примере семьи Петровых, которая обратилась в редакцию. Конечно, похвально, что мама беспокоится за дочку и хочет быть рядом с ней в первый, такой ответственный год обучения. А каково девочке? Все ее сверстники с тетрадочками и книжками сидят за партой, а она нет. Скорее всего, это отрицательно повлияет на самочувствие девочки. По всей вероятности, она будет снова посещать детский сад. Окажется в той же подготовительной группе, но с более младшими ребятами. То, чем они будут заниматься, ей уже известно, а значит, неинтересно. Редко бывая дома, мама тоже не сможет вносить что-то новое в жизнь дочки. Вот и выходит, что будет искусственно тормозиться развитие ребенка.

Впрочем, должна признаться, что сейчас редко приходится убеждать родителей в том, что задерживать ребенка дома вредно. Напротив, очень многие стремятся отдать детей в школу до семи лет. Они впадают в другую крайность. Родителям кажется, что их ребенок очень способный. И воспитательница в детском саду подтверждает, что он хорошо соображает, схватывает все на лету. Мама решает записать ребенка в школу и даже настаивает создать комиссию, чтобы все убедились, какой мальчик умный.

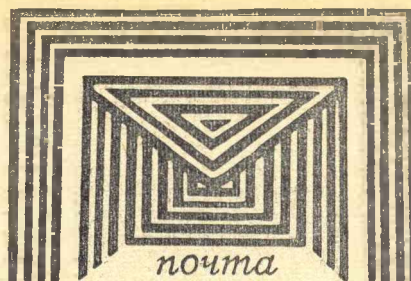
Охотно верю, что ребенок в шесть

лет умеет читать и писать. Но еще и еще раз напомню, что не только эти качества определяют готовность к обучению, но и умение сосредотачиваться, работать систематически. Школьные занятия — это большая психологическая нагрузка. И физическая тоже — четыре урока по 45 минут бывают утомительными для семилетних. А каково шестилетнему! Кто поручится, что психологические и физические перегрузки не скажутся потом? Именно поэтому мы настоятельно советуем родителям шестилеток — не торопитесь!

А как же проблема раннего обучения, о котором много сейчас говорят и пишут? Хочу, чтобы меня поняли правильно. Министерство поддерживает эксперименты, которые проводятся в этом направлении, изучает накопленный опыт. Но ведь одно дело, когда занятия проводятся только с шестилетками, — в этом случае учитываются возможности возраста, здесь и уроки выглядят иначе, и перемены. И совсем другое дело, когда шестилетний ребенок окажется в классе с семилетними или еще более старшими ребятами...

Итак, в 1-й класс записывают только с семи лет. Для этого родителям достаточно принести свидетельство о рождении и справку о состоянии здоровья ребенка.

Что касается проверки, готов ли ребенок к школе и насколько, то, думаю, учителю никогда не помешает познакомиться со своими будущими учениками до начала занятий. Но это узнавание ни в коем случае не должно превращаться в экзамен. Настоящий педагог выяснит все так, что малыши и подозревать не будут о «проверке»... Для них это должно остаться просто знакомством с учителем, со школой, с той новой жизнью, в которую они вступают.



из переписки

С. УЛЯХИНОЙ (г. Куйбышев): Для рубрики «Фото прислал читатель» негативы высылать не обязательно; нужен только глянцевый отпечаток размером 13 на 18 сантиметров.

ВОРОБЬЕВОЙ (Москва): Оценка по поведению выставляется только по четвертям и итоговая за год. В наказание за неуспеваемость неудовлетворительную оценку по поведению не ставят.

Т. ПОТОПИНОЙ (г. Сальск): О школьном киноклубе прочтите в нашем журнале (№ 3 за 1970 год, статья Л. Димкиной «Остается прекрасное»). А в 1967 году выходила книга О. Баранова «Киноклуб в Калинин» (издательство «Просвещение»).

В. ВОРОНОВОЙ (Хорезмская область): Даже если ученик не вернул вовремя книги в школьную библиотеку, не выдавать ему документов школа не может.

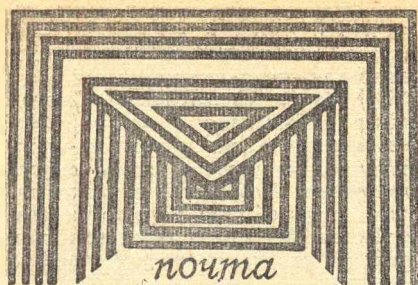
Ольге К. и ее подругам (Москва): О том, какую пользу народному хозяйству, технике, науке приносят полеты космонавтов, запуски спутников, вы прочтете в только что вышедшей книге К. Гильзина «Эра космическая» (издательство «Детская литература»).

А. И-ВОЙ (Пензенская область): Если девочка успешно учится, не стоит запрещать ей ходить по субботам на танцы. Ведь она там будет среди своих сверстников.

Л. ТИМОШЕНКО (г. Пролетарск): В школу, где обучение ведется с преподаванием ряда предметов на иностранном языке, принимаются дети, живущие в микрорайоне школы.

В. РАКОВУ (Москва): Правильно говорить «ньютон», а не «ньютон», «5 ньютон», а не «5 ньютон».

Н. Ф-ВОЙ (г. Винница): Думаем, что вам не следует настаивать на том, чтобы муж называл тещу мамой.



советы

непоседа

Через год мой сын пойдет в школу. Умственное развитие его не вызывает у меня никаких опасений, но очень беспокоит вот что: он очень неусидчив, слишком подвижен. Делает с удовольствием только то, что получается, иначе — начинает нервничать, не хочет доводить дело до конца.

С. МАТВИЕВСКАЯ
Ленинград

Сразу скажем: от Вас требуются долгие и постоянные усилия. Не надейтесь на два-три безотказных педагогических приема. Такие приемы придется искать постоянно — в литературе, в беседах с опытными педагогами, выдумывать самим. Например, можно сегодня как бы невзначай прочитать ему сказку про вред торопливости, завтра найти повод растолковать пословицу «семь раз отмерь — один отрежь», а потом несколько раз подметить на нем самом, как помешала ему торопливость и нетерпеливость. Или займите игру в разведчики — притаясь и подольше не выдавай себя...

Но скажем о двух вещах, которые надо иметь в виду всегда. Пусть у мальчика будут непременно поручения по дому — эпизодические и постоянные. Не стойте у него «над душой» — пусть самостоятельно действует, но результат контролируйте неукоснительно. (Постоянные обязанности — не значит все время одни и те же; один месяц он может отвечать, например, за то, чтобы цветы в доме не засохли, а другой — за то, чтобы на полочке в ванной был полный порядок...)

Все взрослые в семье должны уговориться не забывать осаживать мальчика, если он суетится, бро-

сает дело, не доделав. Не грех иногда пустить в дело и такое болезненное оружие, как насмешка. Но важно вместе с этим не забывать и похвалить его всякий раз, когда он проявит самостоятельность, деловитость. Первое без второго нанесет только вред, может привести к обидам, к замкнутости.

Ф. ИППОЛИТОВ,
кандидат психологических наук

очки

Когда сын поступал в школу, зрение у него было нормальное. Прошло несколько лет — и вот ему приходится надевать очки: близорукость минус три. Теперь в школу отправляется его сестра. Как уберечь ее зрение, как заметить первые признаки опасности?

Н. НАТОРЕЕВА
г. Ульяновск

Нагрузка на зрение у детей, поступивших в школу, резко возрастает. Это — одна из причин того, что близорукость впервые проявляется именно в первые годы.

Предупредительные меры широко известны, хотя и не выполняются подчас многими родителями: непрерывное чередование занятий и отдыха; правильное освещение рабочего места (достаточно сильный, но не слепящий свет должен падать слева); книги и тетради — на расстоянии 30—35 сантиметров от глаз; ни в коем случае не читать лежа; телевизор — в меру, ближе двух метров от экрана не садиться.

Развивается близорукость быстро, именно поэтому важно как можно раньше заметить ее первые признаки. Не косят ли глаза к носу или в разные стороны? Не жалуется ли ребенок на частые головные боли? На усталость в глазах? Не склоняет ли голову набок, разглядывая что-нибудь? Не читает ли, держа книгу близко к глазам?

В любом случае обязательна ежегодная проверка зрения у врача.

Ж. МИНАСЯН,
кандидат медицинских наук

толстая книга

От своей 8-летней дочери слышу: «Эту книгу читать не буду, потому что она большая». Я, конечно, поплажу, не делая, но все равно она книги в библиотеке старается вы-

брать потоньше. Она, конечно, любознательная, многим интересуется, но вот только «толстых книг» прямо-таки боится...

З. ЖОГЛЕНКО
г. Находка

Не вызвана ли боязнь «толстых книг» излишним «рвением» взрослых? Чтение для ребенка — поначалу очень нелегкий труд. То, что девочка «научилась читать» (знает буквы, складывает в слоги, не запинаясь на каждом слове), не значит еще, что она сравнялась с нами, взрослыми, в этом умении. Большие книги для нее — как бесконечно непосильная дорога. Девочка боится ее: зачем же отправляться в путь, если до конца все равно не дойдешь, а только измучаешься. Возможно, взрослые своими категорическими требованиями только подкрепляют эту боязнь.

Советуем ни в коем случае не заставлять, не требовать. Приносить ли домой большие книги? Да. Но такие, где есть четкое деление текста на небольшие отрезки — например, сборники сказок или рассказов. Объясните девочке, что читать их можно «по частям», не торопясь. И даже если вся такая толстая книга не будет прочитана до конца, ничего страшного не случится, потому что здесь, собственно говоря, «конца» нет.

Уверены, что постепенно, по мере того, как навыки чтения у Вашей дочери будут становиться все более прочными, она будет с удовольствием брать за все более «длинные» произведения.

В. РЫБАКОВ,
редактор отдела психологии
«Семьи и школы»

по-английски

Моему сыну 6 лет, а дочери 3 года. Уже несколько лет я подбираю детскую литературу на английском языке, начиная с книг для дошкольников. Но когда и как можно начинать ею пользоваться? Что касается родной речи, то сын уже чисто произносит все звуки, дочь пока нет. Ей, вероятно, пока нельзя присоединяться к занятиям? У меня неплохое английское произношение, но все-таки я боюсь самостоятельно начинать заниматься с детьми: вдруг допущу ошибки, которые потом будет трудно исправить. Можно

ли для постановки произношения использовать пластинки «Для вас, мальчики и девочки»?

Е. ИСТОМИНА
г. Архангельск

Думаю, что начать следует с занятий с сыном. Дочка пусть пока просто послушает, если захочет, а через год можно будет заняться и с ней.

То, что у Вас есть литература, хорошо, но она понадобится несколько позднее, когда дети овладеют известным запасом слов и выражений. А на первых порах в помощники лучше взять учебник и начинать с самого простого.

Далее. В возрасте 4—6 лет детей надо учить не чтению, а заниматься, как говорят методисты, «на устной основе», то есть Вы должны учить детей говорить о том, что им нужно: здороваться, благодарить старших, спрашивать родителей о чем-нибудь, говорить о доме, о вещах в доме, об игрушках, о товарах, о погоде...

Что касается набора пластинок («Английский для мальчиков и девочек»), то, вообще говоря, они выпущены для 10—12-летних школьников, но использовать их все-таки можно. Только слушать сразу всю запись не надо — для малышей это непосильно. Брать стоит небольшой отрывок (в печатном приложении ему будут соответствовать 3—4 строчки), объяснять, о чем шла речь, просить повторить по предложениям, а если будет трудно, то частями, а лишь потом все. Важно, чтобы ребенок правильно воспроизводил услышанное и понимал, что говорит (имитация прослушанного). Стихотворения и пословицы из этих же записей пусть заучат наизусть.

Постарайтесь достать в библиотеке пособия для изучения английского языка в детских садах. Желаем успеха в Вашем начинании.

Л. ЦЕСАРСКИЙ,
кандидат педагогических наук,
методист по иностранным языкам

откровенность

Отношения с сыном-десятиклассником неплохие. Только вот почти никогда не удается вызвать его на откровенный разговор о мечтах, жизненных планах, идеалах. В общем, не получается у нас серьезного мужского разговора...

Н. ЦЫПЛАКОВ
г. Рязань

Бывает так, что родители ждут, пока дети повзрослеют, чтобы начать общение с ними как с равными. Раньше они считали, что дети еще малы, чтобы говорить с ними о серьезных вещах, а вот теперь дети подросли, и пришла пора для серьезных разговоров. Но доверительное общение не возникает вдруг, оно должно складываться с самых первых лет жизни ребенка. А юношеский возраст, которого так ждали родители, как раз очень труден для установления контактов... Не беремся ничего утверждать (отношения родителей и детей — слишком деликатная сфера для того, чтобы можно было бы делать безапелляционные выводы), но попросим Вас прежде всего задуматься, не допустили ли Вы подобной ошибки когда-то?

Что же теперь делать? Вам не удастся узнать об идеалах сына из разговора с ним. А не пытались Вы то же самое узнать из наблюдений за его поведением? Каков он в отношениях с друзьями, с одноклассниками, каков он в совместных прогулках, в вылазках в лес, на речку? Может ли в трудную минуту прийти на помощь? Может ли (прямо или косвенно) показать свое отвращение к грубости, к жестокости? Приглядитесь к тому, какие книги он читает, какие фильмы ему нравятся. Это даст Вам куда больше знаний о сыне, чем попытки вытянуть на беседы.

Если сын увидит, что Вы его понимаете, считаетесь с его мыслями, поступками, взглядами, у него не будет, нам думается, причин таиться от Вас. Заслужите Вы его откровенность — он и сам поделится с Вами своими переживаниями, попросит совета и помощи. Только не тормозите его понапрасну.

А. ОСНИЦКИЙ,
научный сотрудник
Института
общей и педагогической
психологии
АПН СССР

сырое тесто

Когда я пеку пироги, ребята мои стараются не упустить случая полакомиться сырым тестом. Но я боюсь: не вредит ли им такое лакомство? Ведь это просто смесь муки, жира, воды...

Б. НАЧИНКИНА
пос. Малаховка
Московской области

Ребят понять можно — а разве мы сами не стараемся разнообразить наше питание? И еще причи-

на: дети любят возиться с тестом, лепить булочки и пирожки; быть может, они просто не в силах дожидаться, пока все испечется.

Вредно ли сырое тесто? Смотря какое и сколько. Кислое тесто, «подходящее» на дрожжах, — это, конечно, не просто смесь сырых продуктов. Небольшой кусочек такого теста обычно хорошо переваривается. Но много теста есть все-таки не стоит, может расстроиться желудок.

Что касается так называемого «пресного теста», то оно до выпечки действительно представляет из себя смесь сырых продуктов; есть его нельзя.

Р. ТОНКОВА-ЯМПОЛЬСКАЯ,
доктор медицинских наук

фамилия

Разошлась с мужем. После развода ношу свою девичью фамилию. Под этой же фамилией знают мою дочь в школе. Но в свидетельстве о рождении она записана по фамилии моего бывшего мужа. Знаю, что при получении свидетельства об окончании восьмилетки, при получении паспорта дети, у которых их «юридическая» фамилия и та, к которой они привыкли, материнская, — разные, очень переживают. Что можно сделать, чтобы дочь носила мою фамилию?

К. КОВА
г. Почеп Брянской области

Советуем обратиться в районный отдел народного образования. Если мать, у которой ребенок остался жить после расторжения брака, желает присвоить ему свою фамилию, органы опеки вправе разрешить это, исходя из интересов ребенка. Основание — статья 51 Кодекса о браке и семье РСФСР и соответствующие статьи Кодексов других союзных республик.

А. РОЗЕНОВЕР,
юрис

над детскими письмами

дань уважения

Дорогая редакция! Может, вам покажутся смешными или глуповатыми мои сомнения. Для вас уже давно-давно решены все вопросы, которые сильно и глубоко волнуют нас, только вступающих в жизнь.

По-моему, главное в человеке — гордость. Но ведь от взрослых слышишь: «Вы еще нуль без палочки, ничего не значите и не имеете права возмущаться, требовать уважения». Может, это и верно. Чтобы иметь «права», чтобы тебя уважали, надо получить специальность, иметь твердое место на земле. Чем значительнее документ об образовании, тем лучше.

Особенно трудно, когда сам себя не понимаешь, не знаешь, что такое гордость в тебе и в человеке вообще. Когда зудят родители и знакомые, не можешь понять, кто прав, ты или родители? То ли этот поступок горд, следовательно, положительный, то ли это — гонор, эгоизм, глупость, упрямство? Что, конечно, не к лицу.

Допустим, учитель сказал: вести в определенном порядке тетрадь, а ты пишешь по-своему, так как считаешь, что это абсолютно неважно; полагается в школу ходить в школьной форме, а ты допускаешь вольность, так как хочешь скрыть физические недостатки или находишь это более удобным, красивым; учитель в момент раздражения произнес обидные слова, ты отвечаешь резкостью; дома допустили бестактность по отношению к тебе или товарищу, ты обижаешься. Так стоит ли высказывать свое отношение в присутствии других или молчать, стерпеть — не связываться? Какие случаи следует считать пустяками, а к каким надо относиться серьезно?

Наташа П.

Вот такое письмо получила редакция однажды. Наташе мы ответили. Надеемся, ответ помог ей разобраться

в своих мыслях и сомнениях. Вместе с тем это письмо, как нам кажется, — хороший случай поговорить уже нам, взрослым, о том, что волнует, видимо, не одну Наташу П.

Наташа, конечно, заблуждается, думая, что все вопросы, волнующие тех, кто только вступает в жизнь, решены нами, взрослыми. Она и мысли не допускает, что нет на все случаи писаных правил насчет того, как жить человеку среди людей.

Но так или иначе письмо Наташи — еще одно свидетельство того, что от нас, взрослых, ждут ответов искренних и определенных.

Те «несколько биографических случаев», о которых рассказывает Наташа, — будто бы незначительные. Но такие мелочи и составляют повседневность, так называемую быденную жизнь, в которой формируется и проявляется человек.

Случай с тетрадями. Наташа хочет писать только по-своему, а не как требует учитель, потому что это «абсолютно неважно». Но можно ли настаивать на том, что «абсолютно неважно»? То есть возводить в принцип не пустяк даже, а нуль, ничто? А если не желать считаться с учителем, поскольку мне лично так удобнее, не получается ли: я — превыше всего, до других мне дела нет, то есть — пренебрежение к правам, достоинству другого? Так мы могли бы ответить Наташе и были бы правы. Но попробуем «на себя оборотиться». А сами мы не слишком ли часто в общении с «воспитуемыми» настаиваем на том, что «абсолютно неважно», в общем, и нам?

Вряд ли стоит затрачивать титанические усилия и на борьбу с теми деталями школьной формы, которые не нравятся, — отвечали мы Наташе. Сегодня они такие, завтра — другие. Неприятно, конечно, если форма не дает возможности скрыть физические недостатки, но тогда следует обижаться и на моду. Кому — на мини-юбки, кому — на максис. И будешь постоянно в состоянии войны со всем светом из-за того, что тебе что-то не подходит. Так мы ответили девушке, ответили честно. Но сами, сами-то мы не по пустякам ли растрачиваем свой авторитет, пытаемся где на два пальца удлинить юбку у школьницы, где на два пальца укоротить прическу у школьника.

«Учитель в момент раздражения сказал обидные слова, ты ответил резкостью...» Ведь не преследует же он систематически, не донимает, не унижает, а вышло так, что не сдержался в момент раздражения. Плохо, конечно, — сдержаться лучше, но такая ли уж это вина? И ученик

не сдержался. Кто же более виноват? В подобных ситуациях очень помогают всем известные элементарные правила поведения. Принято, например, что младший должен уступать старшему. Младшие нисколько не в ущерб в любом случае, ибо и они станут — увы! — старшими и в свою очередь будут получать положенную по старшинству дань уважения. Хороший совет мы дали Наташе. Но не забудем, что «сдержаться лучше» — это уж к нам самим относится. Не будем злоупотреблять «данью уважения!»

Дома допустили бестактность к товарищу, тоже, по-видимому, непреднамеренную. Правильно ли сделать замечание? Нет. Подчеркивать же чужую бестактность, да еще публично — еще большая бестактность. Наверное, Наташа прислушается к этим нашим словам, но и мы сами должны прислушаться к тону, каким делаем замечания взрослеющим нашим детям даже дома...

Даже когда претензии нетерпеливой молодежи принимают малопривлекательную форму, мы, взрослые, должны проявлять терпение, понимание. Окрики в духе: «Вы ничего не значите и не имеете права требовать» — мало помогают, только накаляют страсти. Желание все делать по-своему усиливается. Тогда трудно поучиться, что гордость не обернется упрямством, а настойчивость не предстанет в облике требовательности эгоиста.

Отказывая подросткам в праве думать, самим работать над характером на том основании, что они еще, дескать, ничего не дают, лишь берут, мы рискуем когда-нибудь услышать то же самое по своему адресу, когда сами станем лишь потреблять, брать.

Наташа пишет: «Чтобы иметь право на уважение и проявление своей гордости, надо получить специальность, иметь твердое место на земле. Чем значительнее документ об образовании, тем лучше». Что это, просто оговорка? Просто сказано влопыхах не то? Или горький вывод из увиденного, услышанного не раз и не два?

Нелегкая это наука — быть человеком, достойным уважения и имеющим право на самоуважение.

«Нас поучаете, товарищи взрослые, — может сказать кое-кто из юных. — А сами-то всегда поступаете как надо?..» Не всегда. Но, сказала бы я входящим в жизнь, не оправдывайте себя тем, что старшие не без изъяна. Постарайтесь быть лучше. Это в конце концов в ваших же интересах.

Но и мы сами стараемся быть лучше...

В. БОРНЫЧЕВА

И Я, КАК ОНИ?



Готова ли молодежь, выходящая в жизнь, к созданию собственной семьи? Этот вопрос всеми признается очень важным. Педагоги и философы, писатели и социологи на свой лад и своими методами пробуют решить его. Предпринимая исследование этой проблемы, мы с самого начала предположили, что без знания того, какова «взрослая семья», из которой выходят в жизнь юноши и девушки, каковы отношения внутри нее, мы не выясним, какими нравственными идеалами руководствуются молодые люди, вступая в брак, как родительская семья на эти идеалы влияет.

Не забудем, что повзрослевшие дети подвергают порой беспощадному критическому анализу семейную жизнь своих родителей. Романтические еще представления о том, как должно жить, сопоставляются с тем, «что есть в жизни». А поскольку житейский кругозор юношей и девушек во многом ограничен рамками семьи, в которой они выросли, постольку эта семья служит как бы оселком, на котором проверяется реальность идеалов и мечтаний...

Вот о той части нашего исследования, которое выясняло взгляд молодых людей на родительскую семью, мне и хотелось бы рассказать читателям «Семьи и школы». Я не могу выписать каких-либо рецептов на основе результатов, которые мы получили. Но, уверен, кое-какие выводы каждый извлечет для себя сможет. И вообще, небесполезно взглянуть на себя «со стороны».

Действующие лица — 16—17-летние юноши и девушки. Учатся в 10-м классе. Всего 211 человек. Анкета, естественно, анонимная.

любит, не любит...

Вопрос номер один: «Что, по Вашему мнению, связывает Ваших родителей, какое чувство?» 90 из 211 ответили: «Чувство любви». Заметим, что данная цифра мало расходится с результатами, приводимыми Н. Г. Юркевичем в книге «Советская семья». По его данным (опрашивались сами супруги), в тот момент, когда велся опрос, с любовью относились к своему супругу или супруге около 40 процентов женщин и мужчин.

Как видно, в двух семьях из пяти родители сумели пронести любовь через многие годы. Причем это не их собственное мнение, а мнение их детей, которые всегда чутко реагируют на характер отношений

своих родителей. А юношеские требования к любви чрезвычайно высоки. И очень огордно, что почти половина родителей, наших взрослых уважаемых людей, любят друг друга, выходит, по-юношески!

Примерно в пятой части семей родители связывает, по мнению их взрослых детей, симпатия. В трети семей — привычка. Трое сказали — безразличие. Четверо — неприязнь. Шестеро не дали ответа. Может быть, количество семей, в которых взрослые люди продолжают жить вместе в силу необходимости и обыкновенной привычки друг к другу, кажется несколько великоватым. Но ведь и любовь — не однозначное понятие, она с возрастом приобретает новые формы, становится более спокойной, рассудительной. Внешне она, любовь взрослых людей, проживших вместе много лет, кажется простой привычкой их друг к другу (и кажется не только детям, а порой и самим родителям). Но попробуйте нарушить эту привычку! Последствия могут оказаться самыми неожиданными.

Не исключено однако, что у части молодых людей складывается представление, что «любовь не обязательна». Возможно, это определяет их подход к своему браку. Но попытки молодых людей и свою жизнь с самого начала построить по принципу «не любовь, а привычка» оказываются часто тщетными. Отсутствие глубокого чувства, готовности жертвовать чем-то в пользу другого (а зачем — если «не любовь»?) разрушает молодую семью при первом же серьезном жизненном испытании.

а на работе?

Духовная общность мужа и жены, по нашему мнению, особенно ясно проглядывается в их постоянной заинтересованности трудовой и общественной деятельностью друг друга вне дома. Стремление вникнуть в «производственные дела» другого, помочь советом или просто поддержать в трудную минуту делает отношения между супругами особенно прочными. И на детях это сказывается благотворно. А. С. Макаренко писал: «Ваша активность в обществе или на работе должна иметь отражение и в семье, семья ваша должна видеть ваше политическое и гражданское лицо и не отделять его от лица родителя».

На вопрос нашей анкеты: «Обсуждают ли в кругу семьи Ваши родители вопросы, связанные с их трудовой и общественной деятельностью вне дома?» — только треть

десятиклассников ответили, что эти вопросы в семье обсуждаются всегда. 58 процентов дали ответ «иногда», 8 процентов ответили «никогда». Допустим, что многие из тех, кто ответил «иногда», просто недооценивают частоты и регулярности таких обсуждений (они, скажем, могут вестись в отсутствие детей). Допустим также, что в ряде случаев сказывается однообразный характер труда (что говорить об одном и том же). Но даже принимая все это во внимание, приходится отметить, что есть семьи, где родители не видят связи между собственной общественной активностью и воспитанием детей.

Попутно можно сказать, что подавляющее большинство родителей одобряют общественную активность своих детей. Но встречаются и такие, которым общественная активность детей совершенно безразлична (25 матерей и 47 отцов) или они даже настроены против нее (9 матерей и 6 отцов).

кто хозяин?

Все мы, семейные люди, должны — хотим мы этого или нет — какое-то время уделять приготовлению пищи, уборке квартиры, стирке белья, необходимым покупкам. Конечно, в «идеальном случае» вообще не вопрос, кто должен вести домашнее хозяйство. Дело это общее. Однако в жизни еще далеко не так. Чтобы выяснить, как же именно обстоит дело в наших 211 семьях, мы решили узнать, кто распоряжается в них деньгами. Нам кажется, что в семье тот, кто распоряжается деньгами, обычно является и основным организатором семейной жизни. От этого человека чаще всего зависит последнее слово в принятии каких-либо важных семейных решений.

Десятиклассники считают, что в 60 процентах семей деньгами распоряжается одна мать. В 38 процентах случаев деньгами распоряжаются оба. Встретилось лишь 4 случая, когда бюджетом распоряжается отец. Мы можем констатировать тот факт, что в наших семьях приоритет в распоряжении деньгами принадлежит женщинам. Мужчины же с минимальным недоломством отдают свои зарплаты женам, снимая с себя тем самым массу забот, связанных с принятием трудных каждодневных решений и ведением домашних дел.

Спрашивали мы и о том, как часто отец и мать помогают друг другу в ведении домашнего хозяйства. Лишь немногим больше поло-

вины юношей и девушек ответили, что всегда. Несколько менее половины ответили — иногда. Пять человек — никогда. С сожалением приходится признать, что у довольно значительной части наших мужчин еще сохраняется этаким барский (или полубарский) взгляд на женщину. В семье, где хлопочет главным образом жена, а муж иногда лишь снисходит до помощи, никакие беседы с детьми об уважении к родителям и особенно к матери не могут дать результата.

романтика и реальность

Как же в целом оценивают родительскую семью наши взрослые дети? Отвечая на вопрос: «Желаете ли Вы, чтобы Ваша семейная жизнь сложилась так же, как у Ваших родителей?», каждый пятый ответил: «Да», каждый десятый: «Больше да, чем нет», но почти половина: «Больше нет, чем да» и «Нет».

Было бы наивно ожидать, что все с чистым сердцем ответят «да». Практицизм, здравый смысл, терпимость, любовь, переходящая в привязанность, ясность позиции — все эти в принципе положительные качества взрослой семьи в глазах большей части молодежи не соответствуют их романтическим представлениям об их собственном семейном будущем.

И все-таки, видимо, дело не только в этом. Нам представляется, что родители сами мало делают для того, чтобы вместе с передачей основных идейно-нравственных принципов жизни происходила и естественная передача практической житейской мудрости, накопленной за долгие годы семейных отношений.

Еще в 1962 году известный советский социолог А. Г. Харчев, опрашивая 500 пар молодоженов, установил, что примерно пятая часть родителей не участвовала в решении вопроса о браке детей. В нашем исследовании лишь немногим более половины опрошенных указали, что на «трудные вопросы» жизни им отвечают родители. Не в этом ли еще дело?

*Л. МАКСИМОВ,
старший преподаватель
кафедры философии
и научного коммунизма
Ивановского
текстильного института
имени М. В. Фрунзе*

...Знакомая всем картина: группа малышей на игровой площадке детского сада. «Дети, с площадки выходить нельзя!» — строго говорит воспитательница. Большинство ребят безропотно принимают это к сведению. Но почти всегда находится «неслух», который словно ждал этих слов, — он тотчас направляется к калитке. Воспитательница перехватывает его у самого выхода, ведет обратно. Следует уже «индивидуальное внушение». Но не тут-то было: нашла коса на камень. Стоит отвлечься — и «невозможный ребенок» снова мчится к калитке. «Сражение» продолжается с переменным успехом; и если в таких случаях взрослый побеждает, то не потому, что он настойчивее, а потому, что просто-напросто сильнее.

Воздержимся пока от каких-либо рассуждений по поводу этой ситуации и «переместимся» с детской площадки в лабораторию физиолога.

...Взятая в руки курица судорожно бьется, чтобы вырваться на свободу. Зверек, лениво бродивший по вольтеру, едва часть этого вольтера отгораживают решеткой, сразу активизируется и пытается любым путем проникнуть в «запретную зону».

Подобная поведенческая реакция давно известна физиологам; она была описана еще И. П. Павловым и названа «рефлексом свободы». Смысл такого рефлекса понятен: только нарастание упорства при встрече с препятствием может позволить животному его преодолеть.

Если же, несмотря на все усилия, преодолеть препятствие или освободиться не удастся, поведение животного резко меняется — вместо активности и агрессии появляется неподвижность или даже своеобразное «оцепенение». Это также биологически оправдано: если силы неравны, бессмысленно тратить энергию на борьбу; надежду на спасение могут принести только отказ от своих намерений, покорность, а порой и полная неподвижность, так называемая «мнимая смерть».

Имеет ли это какое-то отношение к нашей детской площадке? Безусловно. Возможно, кому-нибудь и покажется обидным хоть в чем-то быть похожим «на какую-то курицу». Но ведь общебиологические закономерности касаются и нас с вами. И «рефлекс свободы» выражен у каждого ребенка, в особенности же ярко у детей подвижных, неуравновешенных, безудержных. А именно по их адресу чаще всего и звучит: «Не бегай, не шуми, встань в угол, не пойдешь гулять, не получишь обещанного подарка,

КОСА НА КАМЕНЬ

*Почему иногда
запреты не помогают?*



останешься без сладкого, не пойдешь в кино».

Нет спору: жизнь ребенка не может идти по принципу «все дозволено»; он должен следовать правилам человеческого общежития, уважать других людей, считаться с их интересами. Но из ничего все это не явится: к этому ребенка надо приучать. Приучать — долго; прямой запрет иному нетерпеливому воспитателю кажется более эффективным и быстродействующим. Для нас целесообразность многих «нельзя» самоочевидна; но такова ли она для пятилетнего малыша? Он зачастую видит в запрете лишь злую волю взрослого.

Естественно, чем больше ребенка ограничивают, чем больше ему запрещают, тем он становится настойчивее в попытках преодолеть запреты. Новое непослушание вызывает новую волну запретов и стеснений. Ответ не замедлит себя ждать: ребенок становится еще упрямее, непослушнее, «невыносимее».

Страсти постепенно накаляются. Часто и сам предмет спора уже оставлен в стороне; взрослый не смотря ни на что старается настоять на своем, а ребенок с порога отвергает любые ограничения.

Если, наоборот, вы без крайности не будете прибегать к запрещению, не будете применять наказаний, ограничивающих активность ребенка, то убедитесь, что он становится все спокойнее, мягче, послушнее. В тех случаях, когда его поведение кажется вам неуместным или «неудобным» (как в случае с «неслухом» на детской площадке), нужно не ограничение его активности (она же все равно никуда не денется), а ее переключение на другие занятия.

Но есть ведь и поступки абсолютно нетерпимые, есть действия, которые мы ни при каких обстоятельствах не можем позволить детям. Мы не можем допустить, чтобы ребенок бросался с кулаками на окружающих, швырял на пол посуду, мучил животных... Как же здесь быть?

Вспомним: если препятствие или сопротивление воспринимаются как непреодолимые, попытки настоять на своем сразу же прекращаются.

Поэтому в этих, относительно редких, случаях действия взрослых должны быть решительными и категоричными. Тут не следует допускать компромиссов, делать скидки на возраст, характер, болезненное состояние ребенка, его нервность. Ребенок должен с первого же раза убедиться, что здесь на его пути горит красный свет твердого «нельзя».

С. ФАЙНБЕРГ,
кандидат медицинских наук

наши права, наши обязанности

Отдел ведет
член коллегии
Министерства
внутренних дел СССР,
доктор юридических наук,
профессор
И. И. КАРПЕЦ

пока не доказано...

Ольга ЧАЙКОВСКАЯ

Всякое невежество — плохое дело. Невежество врача может стоить больному жизни. Невежество инженера привело бы к катастрофе — рухнет дом или обвалится мост.

Правовое невежество может не менее тяжело задеть любого из нас. Ведь закон, кстати сказать, это не случайное установление, неизвестно откуда взявшееся или придуманное кем-то просто так. Закон — отражение общественных отношений, обобщение наиболее типичных для данного общества явлений, тщательно отобранных и продуманных и потому — обязательных для всех. Незнание или непонимание закона может дорого нам обойтись. Вот послушайте.

Жила была семья, состоящая из троих: отца, матери и сына Севки, тринадцатилетнего. Это была семья, где все было ясно, весело и неразлучно. Отца с сыном связывала особая дружба. Авторитет старшего стоял высоко, что не мешало обоим мужчинам друг с другом валять дурака — так, словно они сверстники. Словом, все в этой семье было отлично.

И вдруг в один злосчастный день отца арестовали.

Севка был потрясен, жизнь его сразу стала другой.

Когда на следующий день после ареста Севка вышел из своей квартиры, соседняя дверь приот-

крылась, там сверкнул глаз и кто-то внятно сказал:

— У, ворюги проклятые.

Соседка была вадорной женщиной, на ее слова не стоило обращать внимание.

Войдя в класс, он увидел, что ребята сгрудились у парты, где сидела Клава, девочка из их дома, и успел услышать последнюю Клавиной фразу:

— Там, говорят, у них под полом столько золота нашли...

Севка сел за парту, ни на кого не глядя. Ему было бы полегче, если бы рядом сидел его друг Ромик, но Ромик болел и в школу не ходил.

Еле досидел он до конца урока. Он бежал, он спасался домой. Скорее бы увидеть мать, она должна была сходить в прокуратуру. Может быть, ошибка выяснилась и отец уже дома?

Но мать была одна, расстроенная и потерянная. Оказывается, отца действительно обвиняли в воровстве.

Года три назад его, инженера-экономиста, послали работать директором магазина. Он не хотел этого назначения, не знал сложной торговой профессии и потому, поработав всего несколько месяцев, ушел. И вот теперь оказалось, что в то время, когда он работал, в магазине было крупное хищение и

что арестованные жулики заявили на допросах, будто ворованными деньгами делились с директором. И в доказательство предъявили подписанные им счета и накладные, оказавшиеся фиктивными.

Шло следствие. А Севкина жизнь становилась все труднее. Выходя в школу, он рассчитывал время так, чтобы войти в класс в последнюю минуту, ни с кем не разговаривать и ничего не слышать.

А главное — Ромки все не было. И вот однажды, прибежав в класс, как всегда, перед самым звонком, Севка увидел Ромика. Севка сел рядом и тут же почувствовал, что кто-то легонько толкает его в спину. Он покосился через плечо — с задней парты ему под локоть ползла длинная бумажка с надписью и рисунком; бумажку принял Ромик, прочел, усмехнулся и тихонько стал подпихивать ее Севке. Читай, мол, читай.

Там был нарисован человечек в полосатой одежде каторжника, а внизу было четко написано: «Отец Севки К.».

В школу с тех пор он больше не ходил, а мать и не посылала, она сама была в том же состоянии, ее тоже окружало недоверие, за ее спиной тоже раздавались оскорбительные замечания. К тому же она знала многое такое, чего сын не знал. В учреждении, где работал отец, было собрание, там отца называли преступником, а директор заявил, что отец уже уволен.

И вот тут я хочу прервать мой рассказ, чтобы поразмыслить, как же это могло происходить — то, что происходило?

Оставим в стороне нравственную сторону этих событий — каждому ясно, что сын за отца не отвечает, что будь Севкин отец трижды виноват, никто не смел оскорблять и травить его близких. Взглянем на происходящее с простых и четких позиций закона.

Люди, окружавшие Севку, не имели ни малейшего представления о великом принципе, лежащем в основе нашего правосудия, — принципе презумпции невиновности. Что это такое?

Презумпция — это положение, которое признано справедливым до тех пор, пока не доказана его неистинность.

Презумпция невиновности означает, что человек в глазах закона не виновен до тех пор, пока в законном порядке не будет доказана его вина.

А что это значит — доказано в законном порядке? Это значит — доказано в судебном заседании и утверждено приговором суда. Иначе говоря, человек в глазах обще-

ства и закона визовсен только после того, как он признан виновным по приговору суда. До тех пор он в глазах закона не виновен.

Значит, и Севкин отец был еще не виновен в глазах закона.

Значит, на собрании никто не имел права называть его преступником, значит, администрация того учреждения, где он работал, не имела права его увольнять.

Но как же так, возразят мне, Севкиного отца арестовали по обвинению в хищении, следовательно в своем обвинительном заключении утверждал, что он виноват, прокуратура с этим заключением согласилась — как же после всего этого мы можем говорить, что он не виноват в глазах закона? Разве следователь и прокурор — это не представители закона?

Разумеется, и следователь и прокурор — представители закона, но все дело в том, что закон наряду с другими функциями, и среди них важнейшей — надзором за соблюдением законности везде, всегда и во всем — предоставил прокурору право обвинять, а вот признавать виновным — такое право предоставлено только суду. Суд может согласиться с обвинительным заключением, ему представленным, а может и не согласиться.

Но ведь Севкиного отца посадили на скамью подсудимых. Как же это получается — все время процесса на скамье подсудимых сидит человек, который в глазах закона невиновен? Значит суд судит... невиновного?

Да, представьте себе, это так. Сколь бы странно это ни звучало, это именно так. Человек, сидящий на скамье подсудимых, в глазах закона до приговора не виновен.

Почему же тогда его судят?

Да потому, что ему предъявлено обвинение, которое судьи нашли достаточно серьезным и обоснованным для того, чтобы рассмотреть его в суде — не предпреляя вопрос о виновности. Взявшись рассматривать, предположим, дело Севкиного отца, судьи исходят из такого рассуждения: «Этот человек обвинен в хищении, вот мы собрались, чтобы слушать его дело. Пусть прокуратура докажет нам, что он действительно это хищение совершил». И прокурор в суде обязан доказать, что Севкин отец совершил хищение. Если вина подсудимого не будет доказана, подсудимый будет оправдан.

Следует отметить, что и прокурор имеет право в суде отказаться от обвинения, если в процессе судебного заседания убедится в том, что доказательства, собранные следователем, неубедительны.

Если не доказано, что человек виноват, тем самым доказано, что он не виновен.

Иного положения дел и быть не может. Если бы закон не требовал от обвинения, чтобы именно оно доказывало вину, это бы значило, что подсудимому (или его адвокату) пришлось бы доказывать его невиновность, что невозможно.

Нельзя доказать, что ты не виноват (если не считать редчайших случаев, когда, например, у человека есть алиби: он был в другом месте во время преступления и не мог его совершить). Как ты докажешь, что ты не делал? Ведь событие, не бывшее, оно не оставляет следов, да и свидетелей у него, у не бывшего, не бывает.

Словом, человека, обвиненного прокуратурой, сажают на скамью подсудимых для того, чтобы в открытом судебном заседании детально рассмотреть вопрос о том, в самом ли деле он виноват и так ли виноват. В ходе этого расследования прокурор будет доказывать вину, ему станет возражать адвокат, выдвигая доводы защиты. А судьи, выслушав и прокурора и адвоката, составят свое собственное мнение и вынесут приговор.

А пока приговор не вынесен, никто не вправе сказать о подсудимом: «преступник».

Все помыслы, все надежды Севки теперь были сосредоточены на суде. Судьи разберутся. Они увидят, что отца оклеветали воры и жулики, которым выгодно свалить на другого хотя бы часть своей вины, — судьям тотчас это станет ясно.

В день суда Севка, которого ввиду его несовершеннолетия в зал не пустили, ходил вокруг судебного здания.

Ждал.

И вот, наконец, из здания суда стали выходить люди.

— Больно много дали, — слышалось в толпе.

— А что же, их по головке что ли гладить? Воровали — пусть отвечают.

Севка был уверен, что это осудили жуликов, а отец сейчас выйдет к ним таким же веселым и спокойным, каким он видел его всегда.

Но отец не вышел. Вышла мать, ее вели под руки ее братья, Севкины дядя, которых Севка последнее время не любил: ему все казалось, будто они верят, что отец преступник.

— Десять лет, — сказал Севке один из дядьев.

Севка повернулся и пошел.

До сих пор он жил надеждой, что отец вернется, что кончится этот дурной сон, а клеветники будут по-

срамлены. Он так ясно представлял себе, как придет в школу не то-ропясь, как сядет за парту, ни с кем не разговаривая и никого не удостаивая объяснениями — пусть сами узнают. А он, когда кончатся уроки, так же молча уйдет. К отцу.

Теперь все это рухнуло. Отца он больше не увидит — десять лет, это целая жизнь (ведь сам он прожил немногим больше). Да и отец, который был для него идеалом, значит, он не такой, каким казался?

Я не стану вам рассказывать, что было с Севкой дальше, скажу только, что его нашли и доставили врачам в глубоком беспамятстве.

Если бы те люди, что окружали Севку, знали основные положения закона и понимали их суть, они бы не допустили трагедии. «Да что ты, не отчаивайся, — сказали бы они ему, узнав об аресте, — твоего отца еще не осудили, значит, никто назвать его преступником не смеет. Подождем, что скажет суд».

А они вместо этого кричали бедному парню: «Почем краденое продаете?».

Но даже и после того, как суд первой инстанции вынес свой приговор, и тут надо бы помнить: приговор этот еще не вступил в законную силу. У осужденного есть еще право в течение семи дней принести жалобу в вышестоящий суд (в кассационную инстанцию). Если в течение этого срока жалоба не подана или если она отклонена кассационной инстанцией, вот тогда приговор вступает в законную силу.

Тех страданий, что выпали на долю Севки (сколь бы ни было велико потрясение, вызванное арестом), могло бы и не быть.

Иначе говоря, и после суда нужно было бы успокоить Севку, объяснив ему, что надежда еще не потеряна, приговор может быть изменен или даже отменен, — именно так, кстати говоря, и случилось: кассационная инстанция приговор отменила, Севкин отец был оправдан и выпел на волю.

Но не нашлось никого, кто сказал бы мальчику о существовании такой возможности.

Между тем если бы даже кассационная жалоба по делу его отца была отклонена и обвинительный приговор, таким образом, утвержден, все равно бы еще оставалась надежда. В нашем правосудии существует так называемый надзорный порядок, когда любое дело в любое время может быть вновь рассмотрено (только уже не по кассационной жалобе осужденного или его адвоката, а по протесту прокурора или судьи).

Видите, сколько оставалось еще возможностей.

Ну, а если бы Севкин отец в самом деле оказался преступником, изменилось бы что-нибудь от этого? Да, это была бы уже другая тема — трудная тема о близких того, кто осужден законом. Обвинительный приговор обязательно ударит по ним. А ведь близкие могут быть ни в чем не виноваты, и уж всегда ни в чем не виноваты дети.

Презумпция невиновности — это принцип юридический, он говорит о том, как относиться к каждому из нас закон. Но этот юридический принцип является также и великим нравственным правилом, основоположным в полном смысле этого слова, потому что на нем, как я думаю, должна основываться вся наша жизнь в ее человеческих отношениях, будь то дружба, любовь, товарищество, деловые или семейные связи.

Ведь принцип презумпции невиновности, созданный вековым опытом людей, является надежным щитом против подозрения, доноса или клеветы. В самом деле, там, где этот принцип бездействует, там человек беспомощен и беззащитен, он может стать жертвой недоразумения или злой воли и коварства. Правда, таких черных злодеев на свете не так уж много, но людей, по легкомыслию или невниманию разносящих полуправду, неправду и прямую клевету, таких не так уж и мало. Сколько разбитых судеб, сколько трагедий поруганного доброго имени, сколько погибших дружб, сколько разводов, ссор и никому не нужных страданий происходит от нашего неумения сказать: «Не верю!»

Вот именно — от неумения. Мы не умеем сразу потушить затеплившееся было в душе недоверие и порой даже сами его раздуваем. Мы не всегда способны задуть в зародыше подозрение, ответить презрением на клевету. Увы, мы прислушиваемся. Мы сомневаемся, а иногда, что еще страшнее, не сомневаемся и верим на слово там, где нужно отчетливо сказать: «Не верю».

Не верю, докажите, что человек виновен. И не какими-нибудь первыми попавшимися под руку, нет — неоспоримыми, неопровержимыми доказательствами. Только так. А если вы доказательствами не располагаете, то нам с вами и разговаривать не о чем.

Как-то совсем недавно все эти соображения относительно презумпции невиновности я излагала в школе перед ребятами старших классов. Я говорила о законе, ко-

торый охраняет каждого из нас, наше доброе имя, нашу честь и достоинство. Я говорила о неприкосновенности нашего дома, переписки и личности.

— Когда юристы хотят проверить что-либо правовую грамотность, — говорила я, — они обычно задают такой вопрос: «Вот вы едете в автобусе, и вдруг выясняется, что у кого-то пропал кошелек. Двери запирают и решают произвести повальный обыск. Дадите вы себя обыскать?» Что бы вы ответили на этот вопрос? — спросила я у ребят.

Ребята оказались людьми образованными.

— Нет, не дали бы! — кричали они в ответ. — Это было бы нарушением закона!

После этого ко мне подошла заведующая учебной частью. Ей беседа очень понравилась.

— Спасибо! — сказала она с чувством. — Большое спасибо! — и прибавила безмятежно: — А вот у нас недавно в одном классе была пропаша, так мы всех ребят обыскивали.

Честное слово, я не знала, куда глаза девать со стыда!

В том-то и дело, что нам нужно прежде всего воспитать самих себя — долго, упорно и терпеливо самовоспитываться. Ведь та же презумпция невиновности, она не заложена изначально в нашей природе, я бы даже сказала, что, напротив, нам с вами в какой-то мере свойственна некоторая подозрительность. Вы замечали? Если вы вдруг обнаружили отсутствие какой-нибудь вещи, первым вашим предположением бывает: «Кто-то взял!» (если это дома), «Украли!» (если это вне дома). Через минуту вы опомнитесь, но первым почему-то бывает именно такое — неразумное и паническое движение души. Это — в чистом виде презумпция виновности.

И зачастую первыми под эту презумпцию виновности попадают дети.

Вспомните: если у вас со стола исчезла авторучка или какая-нибудь другая вещь, вы, не задумываясь, говорите своему ребенку: «Это ты взял», а если оказывается, что не он, — не очень тревожимся. Не он, так не он, а вещь нашлась. Но ведь в этом «ты взял» (и не вопросительном «может быть, это ты взял?», а именно утвердительном), в нем недоверие, обида, оскорбление. Дети, кстати сказать, и в самом деле оскорбляются этой несправедливостью и остро ощущают безнадёжность своего положения: они не в состоянии доказать, что

не брали! А самое плохое, это когда ребенок не оскорбляется, не страдает, а привыкает к такого рода оскорблениям.

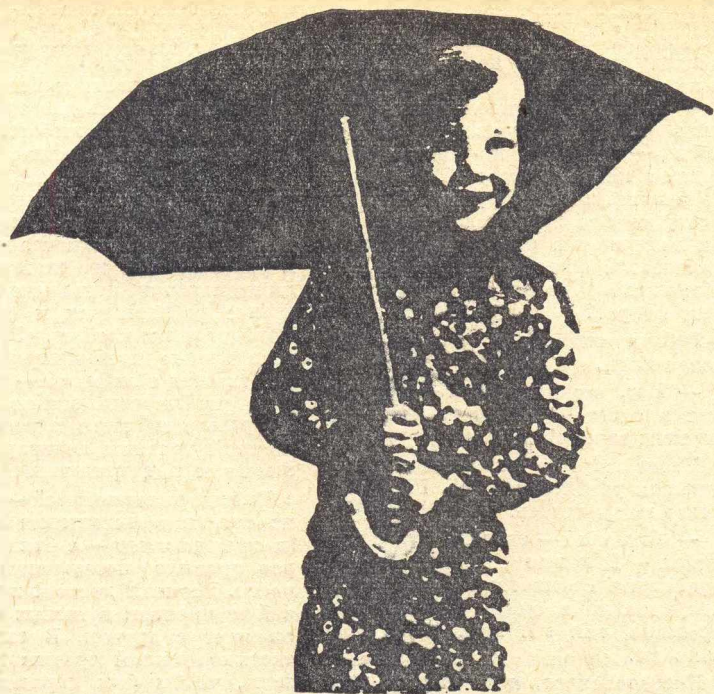
Эти бездумность и беспечность в обвинениях (пусть даже и по мелочам) пагубны для любого, и особенно для ребенка. Привыкая к атмосфере недоверия, он сам проникается ею. Он терлет уважение к людям и прежде всего к самому себе. А по мере того как человек растет и усложняются его жизненные связи и ситуации, недоверие в мелочах может разрастаться и стать взаимонедоверием вообще. «Это ты взял мою ручку» может перерасти в более тяжкие обвинения — где тут порог, чтобы остановиться? И как выбраться из этого топкого болота, из этой трясины недоверия, неуважения и подозрительности?

Выход единственный — изначально ввести в отношения с людьми (и прежде всего — с близкими) четкое правило презумпции невиновности. Все-таки должен же быть какой-то порядок в наших отношениях друг с другом. В самом деле, сколько усилий тратим мы постоянно, чтобы был порядок в квартире, как же можем мы допустить, чтобы тут, в самом важном и жизненно определяющем, царила бы такая опасная неразбериха. Это не значит, разумеется, что презумпция невиновности разрешит нам любые жизненные проблемы и оградит от всех бед. Нет, но она может предотвратить многие беды и несчастья.

Всякий человек в моих глазах порядочен, пока я не получил доказательств его непорядочности. Вы хотите меня убедить, что мой друг (жена, муж, брат, любой из близких) мне не друг и мне не верен, а я вам отвечаю: и слушать не хочу. В крайнем случае, если моя вера уже как-то и чем-то подорвана, я скажу, чтобы мне представили доказательства и чтобы без них ко мне не являлись.

Вы пришли мне рассказать, что наш сосед живет на деньги, добытые нечестным путем? Послушайте, если у вас нет тому доказательств, я советую вам: поостерегитесь. Вы рискуете не только перейти грань порядочности, но и прямо нарушить закон. Вас, стало быть, можно привлечь не только к нравственной, но и к уголовной ответственности — за клевету. Потому что каждый из нас в глазах закона порядочен и доброе имя каждого из нас защищено законом.

Видите, от чисто нравственных рассуждений мы с вами снова вернулись к закону. А произошло это потому, что наш закон и нравственность в основах своих совпадают.



ОПЕРАЦИЯ «ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ МАМЫ»

*«Моему сыну Алеше.
В собственные руки.
Совершенно секретно.*

*Завтра, в воскресенье, предлагаю
провести тайное совещание. На по-
вестке дня: день рождения мамы.
Место встречи — кафе-мороженое на
набережной. Время — 10.00 утра.*

*После совещания — соревнования
в стрельбе из воздушной винтовки
в тире возле кинотеатра «Спартак».
Папа».*

Такие совещания давно стали нашей традицией, и я уже не помню, когда мы провели первое. Мы проводили их в лесу и на берегу моря у костра, жаря шашлык из колбасы, запивая его ключевой водой. На этот раз погода была дождливой, и я выбрал недавно открытое кафе-мороженое.

Традиционными стали и совместные хлопоты по поводу дня рождения мамы. Я знаю, что вот так же они хлопочут вместе с мамой, чтобы придумать что-либо ко дню моего рождения. Право, мы не переоцениваем воспитательное значение таких «мероприятий» (об этом до сих пор просто не думалось), но они, эти «мероприятия», нам еще и нравятся, они нас соединяют теснее, дают выход радостному желанию сделать близкому человеку приятное. Не хочется рыться в бумагах и отыскивать все поздравительные послания и сувениры, которые я получил. Эти послания были разными, но их всегда от имени мамы и бабушки писал сын. Иногда он, может быть, слишком уж изощрялся в средствах выражения своих чувств, но я на это не очень обращал внимание, зная, что сами чувства горячи и искренни. Года два назад он писал:

*«Наш дорогой и любимый!
Вечный и незабвенный!
Всегда готовый!*

Поздравляем Вас, батя, с днем ангела, да и желаем всего наилучшего: чтобы настроение было бодрым, чтобы работа шла хорошо и весело, а чтоб грудь у Вас была широка, как Черное море. Приглашаем Вас сегодня пировать да плясать. Примите наш скромный дар благосклонно.

Явка на тир в обязательном порядке!»

Спустя неделю я ему, конечно, объяснил, что день ангела и день рождения не одно и то же, а «незабытым» чаще всего называют покойника... Если уж ты пытаешься подделываться под какой-то там стиль, то такие вещи нужно знать. Однако само послание меня растрогало.

Но сейчас речь не об этом. На повестке дня тайного совещания был вопрос: как мы отметим День Рождения Мамы?

Финансирование операции я, естественно, брал на себя. Попутно высказал соображение, что духи и чулки ни у одной женщины не оказывались лишними. Сын упрекнул меня в бедности воображения: духи и чулки мы уже дарили к 8-му Марта, и, наверное, нужно придумать что-нибудь другое.

Впереди была почти неделя, и мы решили искать красивый зонтик. Ах, как мы его искали, как спорили, какие хитрости применяли, чтобы выяснить у мамы, какой из виденных нами зонтиков больше всего ей понравится!..

Но это ведь полдела. Зонтик может купить каждый, а что мы сделаем к празднику собственными руками? Ну хорошо, я, скажем, вне очереди натру паркет и приму самое дельное участие в приготовлении праздничного пирога, а ты?

— Тереть паркет — это больше ногами, чем руками... — заметил сын. — А что, если я сделаю закладку?

— Опять?

Собственноручно изготовленную закладку для книг он подарил матери в прошлом году.

— А в тир мы сегодня пойдем? — спросил сын, отодвигая пустую вазочку из-под мороженого.

— Намек понял, — сказал я. — Сначала нужно решить главное.

— А я без намека. Давай подарим маме лучшую мишень.

— А если лучшая будет не твоя? — Ну и что?

— Тебе станет обидно, а мне тебя будет жаль. Послушай, — сказал я, — а что, если мы выпустим ко дню рождения мамы домашнюю стенгазету?

— И что?

— Ничего. Просто это будет веселая стенгазета, где каждый мо-

жет писать что хочет, критиковать кого хочет...

— Каждый?

— Да.

— Кого хочет?

— Ага.

— И я могу даже тебя?

— Конечно.

— Согласен. А теперь пошли в тир.

Чтобы уравнивать шансы, я держал винтовку на весу. Алексей стрелял с упора. Мишень у него оказалась лучше.

— Ну что? — торжествующе спросил он.

— Подарить можно. Но стенгазету все равно выпустим.

Мы решили назвать ее «Рожки да ножки». Опыта у нас не было, и мы начали с того, что на листе бумаги крупно написали разноцветными карандашами заголовок. Потом приклеили большой фотоснимок мамы с надписью:

«Для одного из нас она Марочка, для другого — мамуля, но оба мы ее любим и сегодня поздравляем с днем рождения.»

Ура!

В нижнем правом углу мы поместили извещение от редакции:

«Редакция газеты «Рожки да ножки» поздравляет свою почетную сотрудницу с ...дцатилетием, желает ей здоровья, успехов в работе и счастья в личной жизни.»

Вместо подписи мы изобразили красным карандашом сердце, пронзенное двумя стрелами.

Однако места на листе оставалось много. Что поместить еще? Телеграммы! Начали поступать телеграммы. Мы их стали клеить под общим заголовком — «Поток приветствий».

Места все еще оставалось много. Но и времени до дня рождения было несколько дней. Свернутую в трубочку стенгазету мы до поры прятали под кроватью.

Как-то сын решил в нижнем левом углу собственноручно изобразить родителей. Получилось похоже. А на следующий день я оказался перед необходимостью срочно написать такую заметку:

«ЗАЯЦ-ХВАСТА»

Вот мы и дожили до двоечек. По алгебре — «баран», по истории — полнейшая неизвестность, по русски — грубейшая ошибка. А причина — в самоуверенности и зазнайстве. «Я — самый, самый...» — только и слышишь от одного молодого человека.

Советую также некоторым молодым людям меньше увлекаться драками. За себя стой, но первый не лезь. И будь собраннее. Это — главное, чего всем нам не хватает.

Папа».

Не хотелось мне это помещать в праздничную газету, но никуда не денешься. А события вдруг начали развиваться с невероятной быстротой. Прошел день, и рядом с моей критической заметкой был приклеен безжалостно вырванный из школьного дневника лист с «пятерками» по алгебре и истории. На мой взгляд, это было слишком уж. Газета еще не вышла в свет, а страсти достигли накала. На этот раз редакционное совещание проходило бурно. Результатом его была следующая сентенция, которую мой сын позаимствовал из книги Феликса Кривина и поместил в нашей газете (за точность цитаты не ручаюсь):

«Видно, зря идальго прожил век, Не снискал он славы и почта... Санчо Панса, трезвый человек, Плачет над могилой Дон Кихота».

Я не стал выяснять, кто в данном случае прототип Санчо, а кто — Рыцаря Печального образа. Важнее было другое: газета начала жить, она приобрела свой неповторимый облик. Уже потом в ней стали появляться объявления («Объявляется конкурс на лучший распорядок дня для Алеши. 1-я премия — шоколадка. Срок — вечер 1 октября. Вечером будем обсуждать»), шутки, стихи и даже сообщения о научных открытиях. Вот несколько примеров:

«Алеша: Хорошего Пушкина я нарисовал?»

Мама: А зачем ты рисуешь Пушкина?

Алеша: Тренируюсь. Раньше тренировался на курице, а теперь на Пушкине.

Бедный Пушкин! И сейчас его не оставляют в покое».

Эту публикацию подготовила мама. Сын не остался в долгу.

«Мама: Дорогой, как ты думаешь, если вынести крем для «наполеона» на балкон, дождь не пойдет?»

Папа: Первый раз слышу, что крем может вызвать дождь...»

Автор — Алеша.

Ну и т. д. На этом «и т. д.» мне, пожалуй, удобнее всего было бы закончить, но не буду лукавить. Был случай, когда папа в компании друзей выпил лишнее... Нет-нет, с нашей мужской точки зрения все было вроде бы в норме — никто никого не обидел, никто никому не сказал грубого слова, но, по-видимому, мы были все-таки шумливы и малопривлекательны. Проснувшись на следующий день, я обнаружил на столике у кровати записку: «Вчера был самый плохой день в моей жизни. Алеша».

Болела голова, и на душе было так же гадко, как и во рту. А тут еще эта записка... Что с ней делать? Я наклеил ее на лист стенгазеты.

Критиковать, так невзирая на лица. Да и поделом мне. Тоже еще гусар нашелся. Вчера, кажется, даже песни пел.

Подумав, я написал внизу: «Больше этого не будет». И поставил дату. А вечером увидел рядом с припиской дорисованный красным карандашом большой вопросительный знак. Я узнал почерк жены.

Но как же это понимать? Я, так сказать, проявил сознательность, сделал покаянное заявление, а теперь что же выходит? То ли этот вызывающий вопросительный знак ставит под сомнение мою искренность, то ли превращает мое собственное заявление в вопрос ко мне же: «Больше этого не будет?» Будто я и не осознал ничего! Обидно...

В молчаливый спор между родителями вмешался сын. Он заклеил все это место листом чистой бумаги, а потом написал: «Буду мыть ноги каждый день без напоминаний». Ясно, что парень решил отвлечь огонь на себя. Шутка ли — каждый день мыть ноги без напоминаний! Поверьте, я это оценил. И в который раз подумал: все-таки великая это сила — мужская солидарность.

Но вернемся к дню рождения мамы — ведь большинство этих стенгазетных историй произошло уже потом. А в День Рождения мы встали затемно, когда мама еще спала. (Спала! Я-то знаю, что она только делала вид, будто спит.) Мы ходили по комнате босиком, на цыпочках и шелестели бумагой. Прежде всего нужно было прикрепить плакат: «Да здравствует наша именинница!». Потом — пришили кнопки к стене газеты.

Наконец, мы опять спрятались под одеяла, и мама получила возможность проснуться. Первым делом она заглянула под подушку — там ее ждала шоколадка с запиской: «Посмотри на секретер». На секретере лежала Алешина мишень — этому подарку он придавал немаловажное значение — и еще одна записка: «Посмотри на стену зеркала». Все это время мы наблюдали, притворяясь, что спим. Стенгазета маму поразила — этого она не ожидала. Но там была еще одна записка: «Посмотри на вешалку». На вешалке висел яркий, как хвост жар-птицы, зонтик. Мама не выдержала и как была в халате и слепках на босу ногу пошла с раскрытым зонтом к зеркалу, чтобы посмотреть, насколько он ей идет. Тут уж не выдержали и мы — нас, что называется, распирало от избытка чувств. Ясно было, что операция «День Рождения Мамы» удалась полностью.

С. КРЫМОВ
г. Ялта

Приключения Кубарика и Томатика, или Веселая математика

Л. ЛЕВИНОВА, Г. САПГИР

Ваши малыши, как и вы когда-то, любят слушать сказки. Мы надеемся, что им понравится новая сказка. Но скажем вам по секрету от детей: это не просто сказка. Авторы ее хотят, чтобы малыши, которым еще не очень-то скоро идти учиться, познакомились с некоторыми понятиями математики.

Обучать можно по-разному. Самый неудачный способ — пытаться внушить ребенку, что он уже большой, а большие дети должны учиться. Маленького ребенка необходимо учить так, чтобы он не заметил усилий взрослого, который стремится дать малышу не только определенный круг знаний, но и научить применять знания в привычной, но каждый раз изменяющейся обстановке. Мы сделали попытку в сказочной форме и на доступных для ребенка дошкольного возраста примерах развить у детей некоторые элементарные математические представления. Наша сказка адресована детям от трех с половиной до четырех лет. Конечно, сказку мо-

жно читать детям и более старшего возраста, но математический материал доступен ребенку четвертого года жизни и, пожалуй, слишком прост для детей постарше.

Всего в нашей книге 40 глав. За один раз не нужно читать больше чем одну главу. Если читать по одной главе два раза в неделю, книга будет прочитана за пять-шесть месяцев. Полезно повторное чтение некоторых глав и даже всей книги. Прочитав одну главу, в ближайшие два-три дня постарайтесь выполнить те упражнения, которые рекомендованы к данной главе, и только потом приступайте к чтению очередной главы. Там, где по ходу сказки ребенку предлагаются вопросы, при первом чтении не требуйте, чтобы ребенок обязательно ответил на них. Закончив чтение одной главы, рассмотрите иллюстрации, предложите детям с вашей помощью пересказать текст и ответить на вопросы. Перед чтением следующей главы (через два-три дня) попытайтесь выяснить, усвоил ли что-нибудь ребенок. Для этого предложите ему ответить на некоторые вопросы предыдущей главы. Чтение, беседа с ребенком, рассматривание иллюстраций, ответы ребенка на вопросы займут 10—15 минут. Этого вполне достаточно, чтобы привлечь внимание на некоторые стороны действительности, которые могут описываться с помощью математики, но слишком мало для того, чтобы дети могли усвоить предложенное содержание. Поэтому покажите детям, что явления, о которых говорится в сказке, встречаются и в реальной жизни: в комнате, во дворе, на кухне и на улице. Предметы реального мира можно сравнивать, описывать и рассматривать с точки зрения тех или иных математических зависимостей.

Внимательно прочитайте предисловие и послесловие к каждой главе. Там даны советы о том, как можно использовать окружающую обстановку для закрепления тех или иных математических представлений детей. Не зная конкретных условий вашей жизни, трудно предусмотреть, что именно из окружающей обстановки можно использовать для развития математических представлений ребенка. Поэтому следует рассматривать наши советы не как обязательные требования, а как примеры, на основе которых вы сами придумаете разнообразные интересные задания своим детям.

АВТОРЫ

ОТ РЕДАКЦИИ. Нам остается добавить, что книга, с которой вы начинаете знакомиться в этом номере, готовится к печати издательством «Педагогика». Издательство намерено выпустить со временем и продолжение сказки о приключениях Кубарика и Томатика для более старших детей.

1. ОТКУДА ВЗЯЛСЯ КУБАРИК

Эта глава знакомит ребенка с главными героями книги. Цель главы: показать, что, собирая по одному предмету, можно получить много предметов.

В одном маленьком домике жил один маленький человечек. Звали его Томатик. Потому что у него всегда были щечки красные. И еще он носил зеленый колпачок.

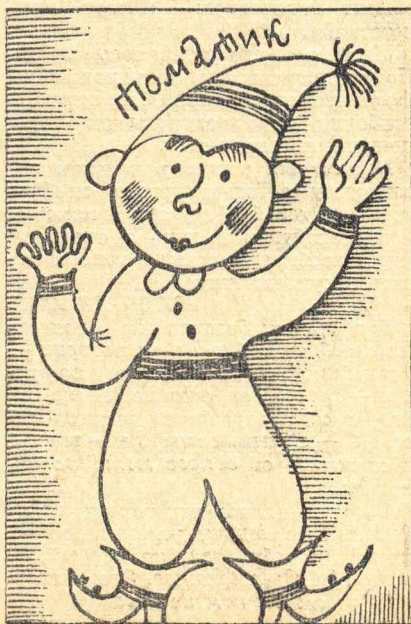
Этот маленький человечек Томатик очень хотел стать большим Волшебником. Но как стать волшебником, он не знал. А помочь ему было некому. Тогда Томатик решил найти себе друзей. Ведь настоящие друзья, если надо, всегда помогут. Вышел Томатик на крылечко и сказал такуюговорилку:

— На лужайку
Поглядим:
На лужайке —
Дуб один.
Дуб зеленый,
Поскорей
Отыщи-ка
Мне
Друзей.

На лужайке и вправду рос дуб. А под дубом было видимо-невидимо желудей. Они были похожи на смешных человечков в шапочках на бекрень. Томатик поднял один веселый желудь, потом еще один, еще один и еще один... Много желудей набрал Томатик. Полную горсть.

Пришел маленький человечек домой. Разжал ладошку и сказал: «Давайте дружить».

А озорные желуди рассыпались. Кто куда. Ни одного не осталось.



Попробовал Томатик подружиться с разноцветными камешками, но и они разбежались.

«Что же делать?» — задумался Томатик. И вдруг вспомнил...

Были у него цветные кубики. Что хочешь можно было из них построить. А что если их сделать своими друзьями?

Взял Томатик красный кубик, потом зеленый кубик, потом снова красный, потом опять зеленый... Много цветных кубиков. Нет, кубики никуда не убежали. Положил он кубик на кубик. И вдруг кубики запрыгали. И сложился из них ослик не ослик, лошадка не лошадка. Кубарик. Вот такой.

— Я уже немного волшебник, — сказал сам себе Томатик.

Итак, ребенок познакомился с тем, что, собирая по одному предмету, мы получаем много предметов. После чтения предложите ребенку показать один, один, еще один желудь и много желудей; один, один, один камешек и много камешков; один, один, один кубик и много кубиков.

Покажите это ему на тех предметах, которые его окружают.

Первое время ребенку будет трудно находить в окружающей обстановке по одному и много предметов. Поставьте сами рядом друг с другом несколько («много») игрушек и отдельно одну игрушку, несколько стульев и один стул, несколько конфет и одну конфету. После этого можно искать «много» и «один» предмет, и не создавая специальной обстановки. Возможные предметы: посуда в шкафу, книги на полке,

игрушки в уголке. Примерные вопросы ребенку: «Сколько у тебя машин? (Много: одна синяя, одна красная, еще одна синяя и зеленая). Сколько у тебя кукол? (Таня, Галя, Валя, Марина, Нина — много кукол). Посмотрим на посуду, которая стоит в буфете. Чего у нас тут много? (Тарелок, чашек, вилок, ложек). А что у нас есть по одному? (Чайник, кофейник, сахарница)».

Можно устроить игру, поочередно с ребенком называя предметы, которых в комнате много и по одному.

С удовольствием поиграет малыш и в такую игру. Сначала познакомьте его со сказкой «Волк и семеро козлят». Сделайте сами хотя бы из бумаги козу и козлят. Уточните, что коза одна, а козлят много. Ребенок закрывает глаза, взрослый в разных местах прячет козлят. Коза кричит «Ме-е!» — ребенок «просыпается» и начинает поиски козлят. Как только ребенок находит одного козленка, коза снова кричит «Ме-е!». Взрослый объясняет, что коза просит поискать еще одного козленочка. Игра продолжается до тех пор, пока не найдутся все козлята. Коза говорит ребенку «спасибо» за то, что он помог ей найти всех козлят, и теперь у нее опять много козлят.

2. КАК У ТОМАТИКА ПОЯВИЛСЯ ПОМОЩНИК

В этой главе продолжается знакомство с понятиями «один» и «много». Показано, что, убирая по одному предмету, в конце концов мы приходим к тому, что не оста-

ся ни одного предмета. Вводятся понятия «совсем нет», «ни одного», «нисколько».

Кубарик топнул ножкой-кубиком. И сказал:

— Здравствуй. Хочешь со мной дружить?

— Очень! — обрадовался Томатик.

— Как я рад, — подпрыгнул Кубарик.

— А еще больше рад, — крикнул Томатик.

— А я рад до самого потолка! — И Кубарик подпрыгнул до самого потолка. И вдруг... споткнулся о камешек.

— Какой у тебя в домике беспорядок, — сказал Кубарик. — Камешки, желуды на полу. Где же мы будем играть?

— Сейчас уберем, — сказал Томатик. — Ты убирай желуды. А я соберу камешки.

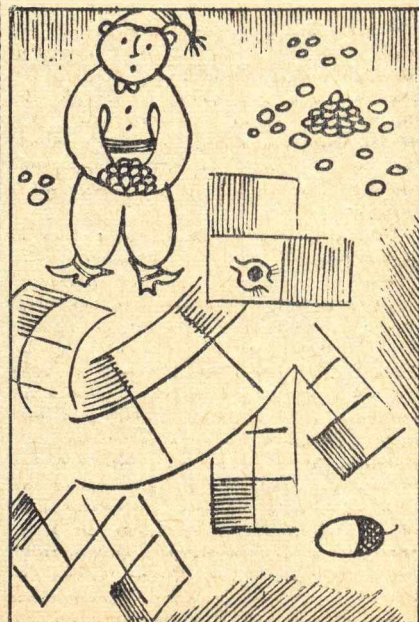
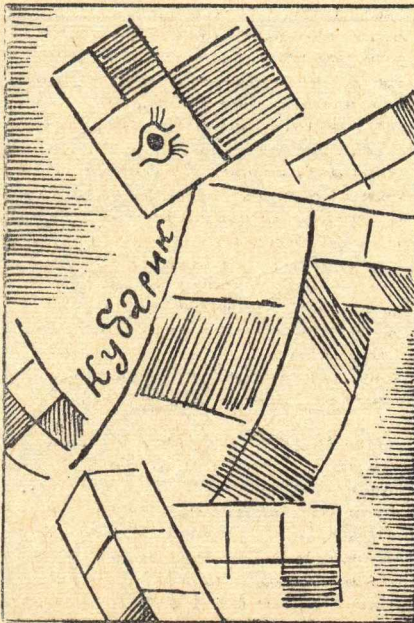
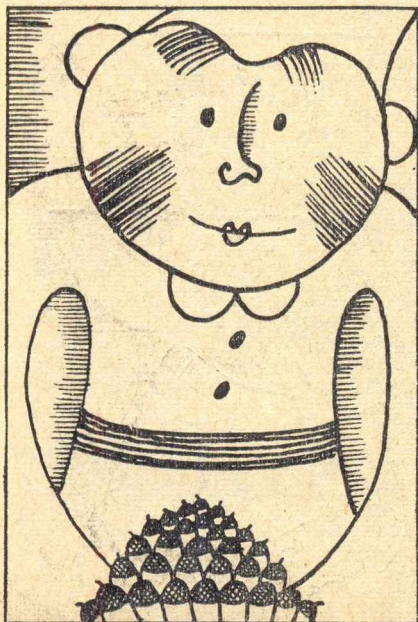
И он взял из кучи камешков сначала один камешек, потом еще один, еще один. А Кубарик начал желуды по одному выкатывать. Кубиком-копытцем.

«Посмотри на картинку. Сколько камешков в руках у Томатика? (Много). Сколько камешков ему еще осталось убрать? (Много). Сколько желудей катит Кубарик? (Один). Сколько желудей ему еще надо убрать? (Нисколько, ни одного)».

Наконец в домике стало чисто. Кубарик подпрыгнул и проехался по полу. На всех кубиках-копытцах.

— Как много места стало! Твой домик, по-моему, вырос.

— А я вырос? — спросил Томатик.



— Чуть-чуть, — ответил Кубарик. — Ты научился убирать комнату.

— Я хочу стать большим-большим Волшебником, — вздохнул Томатик.

— Подожди. Не все сразу, — ответил Кубарик.

Для закрепления представлений, полученных ребенком из этой главы, можно выполнить следующие упражнения.

Возьмите тарелку, положите на нее, например, 6—8 огурцов.

«Сколько у меня здесь огурцов? (Много). Будем брать по одному огурцу. Я взяла один огурец и ты возьми один огурец. По сколько огурцов мы взяли? (По одному). Сколько огурцов осталось? (Много)».

«Возьмем еще по одному огурцу, потом еще по одному. Сколько огурцов осталось на тарелке? (Ни одного). Что надо сделать, чтобы на тарелке стало много огурцов? (Положить огурцы в тарелку). Сколько теперь огурцов в тарелке? (Много). Сколько огурцов у мамы? (Ни одного). Сколько огурцов у тебя? (Ни одного)».

В возрасте 3—4 лет дети охотно угощают своих кукол, животных. Этот интерес можно использовать для закрепления представлений о количестве.

Можно поиграть в игру: «Угадай, сколько кубиков в руке?» Берут мелкие кубики и прячут один, много (5—6) или ни одного кубика в сжатой ладони. Пусть ребенок, когда угадывает, пользуется словами «один», «ни одного», «много». Например, спрятан один кубик, а ре-

бенок говорит, что много. Взрослый, раскрывая ладонь, спрашивает: «Сколько?» и тем самым побуждает к ответу: «Один».

3. ДРУЗЬЯ РИСУЮТ

В этой главе продолжается знакомство с понятиями «один» и «много». Дети учатся отвечать на вопрос «Сколько?» Для ответа на этот вопрос не надо пересчитывать грибы, достаточно, если ребенок правильно покажет на рисунке и объяснит, где один гриб, а где много грибов. Вводится сравнение количества. («Что больше: один или много?»).

И тут Кубарик увидел на полке коробку цветных карандашей.

— Это твои карандаши? — спросил Кубарик.

— Мои, — ответил Томатик.

— А я люблю рисовать, — сказал Кубарик.

— А что ты любишь рисовать? — спросил Томатик.

— Я... я люблю, чтобы было много карандашей.

И они сели рисовать.

Томатик вынул из коробки один коричневый карандаш. А Кубарику отдал все остальные. Чтобы Кубарик не обиделся.

Увидел Кубарик, что Томатик рисует гриб. И начал тоже быстро рисовать грибы.

«Подумай, сколько грибов нарисовал Томатик? (Один). Сколько грибов нарисовал Кубарик? (Много). У кого грибов больше? (У Кубарика много, а у Томатика один. Много больше, чем один)».

Томатик нарисовал один гриб. А Кубарик много грибов: и желтый, и синий, и красный, и даже зеленый.

— Сколько у тебя красивых грибов! — сказал Томатик. — А у меня всего один.

— Зато у тебя самый главный, Боровик, — сказал Кубарик.

— Хочешь, я подарю тебе свой самый главный гриб? — спросил Томатик.

— А тебе не жалко? — удивился Кубарик.

— Не очень, — сказал Томатик.

— Тогда я подарю тебе все свои красивые грибы! — сказал Кубарик.

И они поменялись картинками.

«Посмотри, сколько грибов стало у Томатика. (Много). А сколько у него было раньше? (Один). Сколько грибов стало у Кубарика? (Один). Сколько у него было грибов раньше? (Много)».

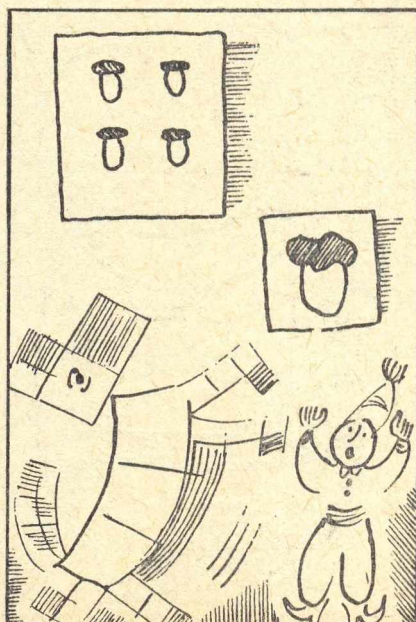
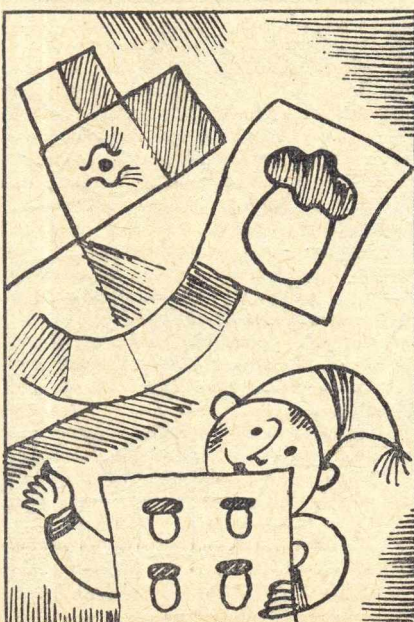
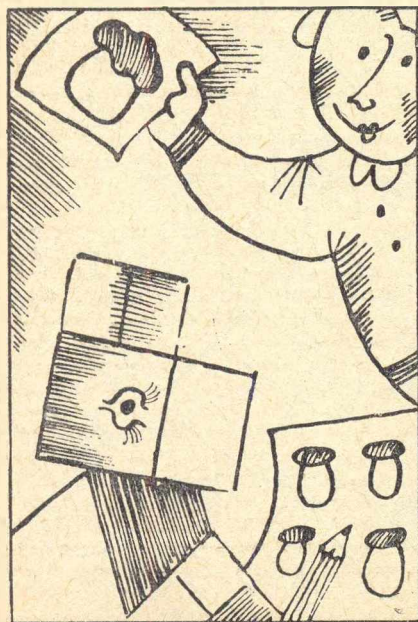
Раньше у Томатика был один гриб, а теперь много. А у Кубарика, наоборот, было много, а стал один. Зато самый главный.

Решили друзья повесить рисунки на самом видном месте. Встал Томатик на спину Кубарику. И повесил рисунок вверх — под самым потолком. А Кубарик не мог достать так высоко. И повесил свой рисунок вниз, у самого пола.

«Кто повесил рисунок выше? (Томатик). Чей рисунок висит ниже? (Рисунок Кубарика)».

Отошел Кубарик. Посмотрел. Головой покачал.

— Нет, так не годится. Главному грибу скучно одному.



— Давай положим их вместе, — предложил Томатик.

— Куда? — удивился Кубарик.

— В лукошко. Нарисуем зеленое лукошко и положим.

И они нарисовали зеленое лукошко. Сняли рисунки со стены. И положили все нарисованные грибы в нарисованное лукошко.

«Сколько грибов лежит в лукошке?»

Много разных грибов и один белый гриб. Полное лукошко получается.

— Пусть это будут наши общие грибы, — предложил Кубарик. — Мы же с тобой друзья.

— А я песенку придумал. Про грибы, — сказал Томатик. И они запели:

— Мы с тобой поем и пляшем.

Здесь лежат в лукошке нашем

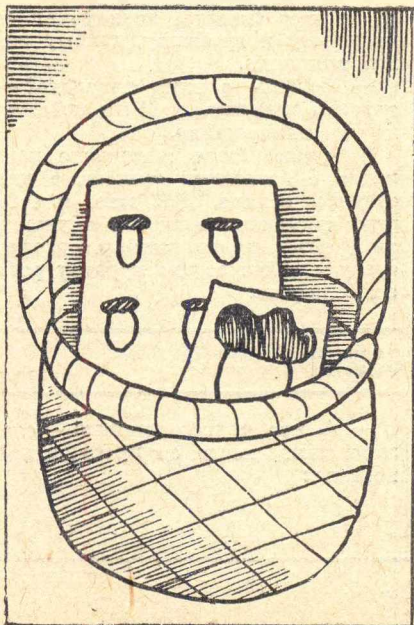
Сыроежки и лисички,

И опять-невелички,

Поглядите, как велик

Самый главный — Боровик.

Поупражняйте ребенка в сравнении количества «много» и «один». Сравнить надо один и три, один и четыре, один и пять предметов и т. д. Хотя взрослый берет каждый раз разное количество предметов, ребенок характеризует их одним и тем же словом — «много». Так дети подводятся к пониманию того, что слово «много» обозначает неопределенное количество предметов. Дети учатся отвечать на вопросы: «Чего здесь больше? Каких вещей меньше?» и обосновывать, объяснять свои ответы. Если малышу трудно ответить на вопрос «Почему?», за него отвечает взрослый.



Примерные вопросы взрослому:
«У нас больше чашек или чайников? (Чашек.) Почему? (Чашек много, а чайник один. Много больше, чем один). У нас меньше стульев или столов? (Меньше столов). Почему? (Стол один, а стульев много. Один меньше, чем много).»

Можно поиграть в игру: «Угадай, в какой руке больше камешков?»

Взрослый в одну ладонь прячет один камешек, в другую несколько камешков. Ребенок показывает, в какой ладони, по его мнению, больше, а в какой меньше камешков. Затем взрослый разжимает ладонь и вместе с ребенком сравнивают количество камешков. Необходимо каждый раз менять количество камешков в правой и в левой руке. Вопрос задается в двух вариантах: «Где больше камешков?», «В какой руке меньше камешков?» Вместо камешков можно использовать любые мелкие предметы.

Такую же игру можно провести с крупными предметами или игрушками, расставляя их в разных местах комнаты: «Больше кукол сидит за столом или лежит в кровати? Меньше машин у тебя в углке или у меня в руках? Больше тарелок в серванте или на столе? Меньше ленточек у тебя на голове или у меня в руках?»

4. ЧТО ЕЩЕ РИСОВАЛИ ТОМАТИК И КУБАРИК

Эта глава знакомит детей с понятиями «длиннее», «короче», «равные по длине».

— А теперь давай еще что-нибудь нарисуем, — сказал Кубарик.

— Давай. Я нарисую поезд, — сказал Томатик.

— Тогда я тоже нарисую поезд, — сказал Кубарик.

И они стали рисовать. Томатик нарисовал сначала паровоз с черной трубой, а затем к паровозу стал прицеплять вагончики. Один вагончик, еще один, и еще один, и еще. Много вагончиков нарисовал Томатик.

И Кубарик тоже нарисовал паровоз с черной трубой. И стал прицеплять к нему вагончики. Один, еще один. И всё. Устал Кубарик вагончики рисовать.

— У меня много вагончиков, — сказал Томатик. — Вот какой длинный поезд.

— А у меня — длиннее, — сказал Кубарик. — Смотри!

— Как ты сравниваешь! — сказал Томатик. — Надо поставить паровоз к паровозу. Рядом.

И они поставили свои нарисованные паровозы рядом. Сразу стало видно, что поезд Томатика длиннее, а поезд Кубарика — короче,

— Подумаешь, — сказал Кубарик. И обиделся.

Паровозы пыхтели, гудели, дышали. Было видно, что они хоть сейчас готовы отправиться в путь. Но железной дороги не было.

— А я нарисую длинную железную дорогу, — сказал Кубарик.

И нарисовал длинную железную дорогу перед своим поездом. Тогда Томатик взял и нарисовал свою железную дорогу. Короче, чем у Кубарика. Чтобы Кубарик не обиделся.

— А у меня дорога длиннее, — обрадовался Кубарик. — Мой поезд далеко уедет.

Обидно стало Томатику, что Кубарик хвалится.

— А я нарисую длинный-длинный мост!

И Томатик нарисовал вот такой длинный мост.

— А я еще длиннее мост нарисую! — сказал Кубарик. Но у него кончилась бумага и мост получился не очень длинный.

— Давай сравним, чей мост длиннее! — предложил Томатик. И сравнили мосты по длине.

— Видишь, ничей не длиннее. Мосты одинаковые по длине.

— Ура! Одинаковые! — закричал Кубарик и обнял друга.

Важно не только показать детям, что предметы могут иметь разную длину, но и научить сравнивать их по длине. Способ уравнивания нужно показать несколько раз: положить два предмета рядом, подравнять концы с одной стороны. Если ни один конец с другой стороны не выступает, мы говорим, что эти вещи равны по длине. Если выступает один конец, мы говорим, что этот предмет длиннее. Взрослый обязательно в своей речи должен пользоваться словами: «длиннее», «короче», «равные по длине». Если малыши вместо «длиннее» говорят «больше», его нужно поправить: «Правильно, больше по длине. Говорят: «длиннее». Ребенок может сказать, например, так: «Этот карандаш длинный, а этот короткий». И в этом случае требуется уточнить: «Этот карандаш длиннее, а этот короче». Когда сравнивают одинаковые вещи, обязательно надо уточнить, что они равны по длине. Ребенок говорит: «Карандаши одинаковые». Взрослый уточняет: «Да, они одинаковые по длине. А по цвету разные: один синий, другой красный». Первое время лучше сравнивать вещи, которые по длине значительно отличаются друг от друга. Можно сравнить длину двух веревочек, ленточек, палочек, огурцов, морковок, игрушечных вагонов, тележек и т. д.

Художник В. Стацковский

МИТЯ НА ДАЧЕ

сборы

— Завтра едем на дачу, — однажды сказал дедушка. — Я закажу такси.

— Лучшее в электричке, — сказала мама. — Не укачало бы его в такси.

— С чего это его укачает, — сказал папа. — И троллейбус и автобус он переносит отлично, перенесет и такси.

И они стали брать Митины вещи и укладывать в чемодан. Уложили и одежду, и книжки, и игрушки. Танк сначала не лез в чемодан, но потом влез, когда баба няня села на крышку чемодана.

— Никогда бы не подумала, — сказала мама, — что у него столько барахла.

— Больше, чем у нас с тобой, — сказал папа.

— Да ему больше и требуется, — сказала мама.

Хотели впахнуть в чемодан и стеганое одеяло, но оно никак не хотело впахнуться. Решили положить его прямо в кроватку, а кроватку поставить на грузовик.

В ПУТИ

С утра все говорили о том, что сразу после обеда поедим.

Дедушка, придя к обеду, сказал: — Выбирайтесь, там внизу две машины, и легковая и грузовая. А спать он будет уже на даче.

Баба няня сказала:

— Присесть полагается и помолиться.

Все сели, Митя на коленях у бабушки, а потом спустились вниз.

За воротами на улице стояли две машины. Папа взял Митину кроватку и чемодан и поднял на грузовик.

Митя подумал, что и его посадят туда же, но ему пришлось вместе

со всеми сесть в легковую машину. Это было жалко, потому что на грузовике он не ездил еще никогда.

— Ну, прощайся с городом, — сказал папа. — Не скоро его увидишь. — И Митя помахал в окошко рукой.

Долго ехали по улицам, потом мимо какого-то очень большого зеленого сада. Бабушка сказала, что это лес.

В лесу Митю ненадолго высадили из машины и показали ему гриб. До этого он видел гриб только на картинке, тут он был непохожий — на тонкой гнилой ножке, и из него вылезали маленькие черные му-

ПРО МИТЮ И НАСТЮ

равьи. Дедушка сказал, чтобы Митя не смел брать его в рот, потому что это поганка.

Но кроме запретной поганки в лесу оказались маленькие белые цветочки, они росли прямо из зеленой травы. Мите позволили их рвать, только, к его огорчению, они ничем не пахли. Зато маленькая шишка, валявшаяся среди них, прекрасно пахла новогодней елочкой и подарками.

— Ты у нас, оказывается, любитель природы, — сказал папа.

Бабушка сказала:

— Я это давно поняла. Разве ты не видел, как он относится к цветам и голубям. Его надо окружать прекрасными вещами.

— Кажется, достаточно окружен, — сказал папа.

— Я хочу сказать, — объяснила бабушка, — красивыми вещами. У него очень развито чувство прекрасного.

— Ничего еще в нем не развито, — сказал папа. — Только развивается пока что.

— А мы должны помочь этому развитию, — сказала бабушка.

— А я в детстве был такой же? — спросил папа.

— Да, — сказала бабушка. — Немножко в другом роде. Ты был спокойнее. Не лез пальцами в дверные щели и не лопал сырую картошку.

— А сырая картошка — полезная, — сказал папа. — У Джека Лондона сырой картошкой спасаются от цынг.

— Какая цынга может быть, — сказал дедушка. — Не говорите всуе, терпеть не могу. Откуда цынга в наше время у нашего ребенка.

— Ты, кажется, засыпаешь, наш ребенок, — сказала мама. — Потерпи, скоро приедем — завалишься.

И правда, скоро они остановились у зеленой лужайки, за нею стоял маленький домик, а на лужайке катались какие-то желтые шарики.

— Сматри, Митя, — сказал папа, — это цыплята, а с ними курочка ряба.

— Баба, — сказал Митя, «ряба» он не мог сказать, хотя узнал ее по хвосту и гребешку, такому же, как в книжке.

— Хочешь с ними погулять? — спросил дедушка, и Митя побежал по зеленой лужайке.

В домике были маленькие комнатки с большими окнами, в них светило солнце. Бабушка и баба няня повесили занавески и уложили Митю в его кроватку, он заснул сразу и видел во сне курочку рябу с цыплятами.

сашка

— А кто к тебе пришел! — сказала мама, когда он проснулся, и позвала:

— Саша!

И в комнату, топая сандалиями, вошел мальчик. Он был чуть-чуть побольше Мити и с такой же светлой растрепанной головой. И сразу очень понравился Мите.

За ним вошла какая-то женщина и спросила:

— А не помешает он вам?

— Ну что вы, — ответила мама, и женщина сказала:

— Ну, Сашка, ты же смотри, не обижай маленького, а я за тобой приду.

— А чего у тебя есть? — спросил мальчик у Мити. — Какие игрушки?

В ответ мама открыла чемодан, чтобы Саша рассмотрел игрушки. Он рассматривал, а Митя сквозь сетку кровати смотрел на него с любовью.

Утром, едва проснувшись, он позвал:

— Сашка!

Это имя было какое-то веселое, Мите больше нравилось, чем «Саша».

И играть стало веселей, когда появился Сашка. У него были для игры какие-то камушки и деревянные брусочки, и даже маленькие цветные стеклышки, и иногда он дарил Мите какую-нибудь из этих прекрасных вещей.

— Не порезал бы он ручки этими стеклышками, — говорила няня, но папа и мама отвечали:

— Ничего, пусть пользуется всем, что ему перепадает от жизни.

Вначале Митя побаивался курочки рябы и не очень охотно выходил на лужайку перед домом. Но увидев, что Сашка не боится, стал выходить смелее.

корова

По вечерам теперь Мите стали давать молоко, не такое, как в городе, а гораздо вкуснее. Он его любил и, едва начинало темнеть, говорил:

— Молока!

Няня брала кувшинчик и куда-то уходила, и, когда возвращалась, кувшинчик до краев был полон пенным белым молоком.

Однажды няня сказала:

— Пойдем посмотрим коровку, которая нам дает молочко.

Они пошли по улице и вошли в какой-то двор. Там был сарай, а в сарае Мите показали что-то большое коричневое с белыми пятнами:

— Вот коровка, — сказала няня. — А вот у нее рога.

Вошла Сашкина мама с ведром, поставила около коровы скамеечку, села на нее, а ведро подставила под корову. И стала давить корову пальцами, а из коровы в ведро потекло белое молоко. Когда его набралось полведра, Сашкина мама перелила его в баночки и в Митин кувшинчик.

— Вот видишь, — сказала няня, — откуда берется молоко.

И Сашка представился Мите еще более счастливым: ведь у него были и чурочки, и цветные стеклышки, и эта большая корова с рогами, а у Мити только игрушки. Никогда еще Митя не встречал такого важного человека, как Сашка. Он с каждым днем любил Сашку все больше. Когда его теперь спрашивали:

— Как тебя зовут? — он отвечал:

— Сашка.

И если ему говорили: «Нет, тебя зовут Митя» — он сердился, как сердятся мужчины, и кричал:

— Сашка, Сашка! — пока они не соглашались:

— Ну хорошо, пусть Сашка!

божья коровка

Приехал в гости другой дедушка и подарил Мите большого железного жука с веревочкой и с черными пятнышками на красной спинке. Если потянуть за веревочку, жук весело бегал по полу. Мама сказала Мите:

— Это — божья коровка.

А няня сказала:

— Жук!

Но Митя уже знал, как это называется, и ответил:

— Не-не! Божья коровка.

И подумав, добавил:

— Божья коровка — божье молоко.

— Посмотри-ка, — сказала мама папе. — Сообразил.

— Да он уже все соображает, — сказал папа. — Кроме того, что он — не Сашка.

путаница с бабами

Что-то много у Мити получилось баб. Кроме той бабушки, что дома, бабы Ирины, есть еще другая бабушка, есть баба прабаба, есть баба няня, а теперь и курочку рябу Митя стал звать «баба». И сам заметил, что запутался с этими бабами и не всегда знает, какую как называть. Чтобы облегчить себе это дело, стал курочку называть «апа», а заодно стал называть так и яйца, потому что няня сказала, что их дает курочка. И теперь, когда у него спрашивают, что ему дать на завтрак, он отвечает: «Апа».

лес

— Сегодня пойдем в лес по грибы, — сказали Мите утром.

Он обрадовался, потому что помнил, как побывал в лесу по дороге на дачу, и потому что Сашка ходит по грибы каждый день, а Митя ни разу еще не ходил.

На веранде поставили ведро с водой и сказали:

— Сюда мы будем класть горюшки.

После обеда мама взяла свою большую сумку, а папа взял плетеную корзинку, а Мите дали его игрушечную корзиночку, и все пошли в лес.

Мите очень понравилось, когда между деревьев и кустов закрались нянины платые и по зеленой траве стали ступать мамины красные туфли, ему это показалось очень красиво. Первый гриб нашел папа, второй няня, третий мама. Митя уж думал, что он ничего не найдет, как вдруг увидел под деревом желтоватую шляпку. Он бро-

сил ся туда и сломил красивый гриб на белой ножке, запачканной землей. Поднял его над головой и прокричал:

— Гриб!

Оглянулся и увидел еще много таких же грибов. И принялся собирать их обеими руками.

— Это грибы — маслята, — сказала няня. — А этот — горькушка, что с ними надо делать?

Митя, к своему удовольствию, тотчас вспомнил, что надо делать с горькушками, взял гриб из няниных рук и побежал обратно домой.

— Интересно, — сказала няня. — А про ведро он вспомнит?

— Не беспокойтесь, — сказал папа, — вспомнит.

И правда, Митя прямиком побежал к ведру с водой и утопил в нем горькушку. И когда его похвалили и назвали умником, он понимал, что заработал эти похвалы. Недаром же про него даже в песне пели, что он молодчик.

Кроме грибов они принесли из лесу много шишек. Большими Митя поделился с Сашкой, а маленькие мама убрала, сказав:

— Мы их зимой повесим на елочку.

как митя спас зайчика

Хороший человек Митина баба няня, но однажды она сделала ужасную вещь: рассказала Мите историю, из которой он узнал, что где-то близко от него творится что-то такое страшное и непонятное, чего даже во сне Митя не хотел видеть.

Начиналась эта нянина история как будто даже весело:

Раз, два, три, четыре, пять.

Вышел зайчик погулять.

Тут пока все было благополучно: гулял себе зайчик с длинными ушами и кудым круглым хвостиком, белый и мягкий, как тот, который днем лежит на полке в шкафчике с игрушками, а ночью — с Митей в его кроватке.

Гулял зайчик, смотрел на машины, дома и снежинки, может быть,

заходил лапками в лужи, может быть, перепало ему что-нибудь из еды — яблоко или морковка, игрушечного зайца Митя кормит морковкой. Веселился зайчик, дышал воздухом — и...

— Вдруг, — сказала баба няня, — охотник выбегает, прямо в зайчика стреляет. Пиф-паф, ой-ой-ой, умирает зайчик мой.

Митя понятия не имел, что значат слова «стреляет», «умирает», но почему-то понял, что с зайчиком случилась страшная беда, и горько заплакал. И когда баба няня опять начинала «Раз, два, три», он говорил: «Не-не-не» — и даже дрался, чтобы ему больше не рассказывала про эти ужасы. А с игрушечным зайцем стал еще ласковей.

Про все это узнали мама и папа, они обо всем узнавали, и мама спросила:

— Тебе не нравится, что зайчик умирает.

— Да, — сказал Митя.

— А он и не умирает вовсе, — сказала мама. — Баба няня не так рассказывает. Вот послушай, как было дело:

«Пиф-паф, ой-ой-ой,

Убегает зайчик мой».

Вот как надо правильно, — закончила мама.

— Правильно, — сказал Митя, — теперь правильно.

— Конечно, — сказала мама. — Так и только так. А теперь ты сам мне это Расскажи.

И Митя рассказал.

И все в его рассказе было правильно, и баба няня от него научилась рассказывать как надо, и зайчик никогда уже не умирал больше.

у прабабушки

Одно жалко: что всё, даже самое хорошее, когда-нибудь кончается. Вот и дача кончилась, приехали оба дедушки и повезли Митю обратно в город вместе с мамой, папой, няней, игрушками и с ведром соленых грибов.

Дома ждала их бабушка, она очень им обрадовалась, особенно Мите и грибам.

Дедушка сейчас же позвонил по телефону прабабе и сказал ей так:

— Зря ты волновалась, мы уже дома и на именинах твоих будем всей ротой.

Митя обрадовался, услышав слова «именины», он ожидал от этих именин много вкусного и приятно-го. Весь день он повторял: «абабе», что означало: «к прабабе», а его утешали, что обязательно к ней поедут, только сначала Митя должен победать и поспать.

Он все это проделал добросовестно, а потом они нарядились и поехали на трамвае к прабабе.

После долгой разлуки Митя опять увидел ее окно, огоньки в окне и сказал:

— Наш дом.

— Наш, наш! — сказал дедушка и, показав пальцем вверх, спросил: — А звездочки ты видел?

Митя посмотрел вверх и там тоже увидел маленькие огоньки. Он догадался, что это и есть звездочки, и ответил:

— Да.

— Там тоже наш дом, — сказал дедушка. — Везде, везде наш дом. Ну, пошли пирог есть. — И они все вошли в лифт.

В передней уже было тесно от пальто и шапок, и из комнаты были слышны голоса. Прабаба сидела в кресле нарядная, и посреди комнаты на длинном столе горело много свечек и стояли блюда с какой-то едой. Митя стал на пыпочки и заглянул, что там есть. Настя в розовом платице подбежала к нему и заглянула тоже. Митя взял с тарелки кусок колбасы и дал ей.

Потом прабаба, как всегда, целовала им ручки и каждую ямочку на ручках отдельно. А они ей подарили цветы.

— Как выросли, милые вы мои, — говорила прабаба и почему-то плакала. А Настя у нее спросила.

— Ты видишь мое новое платье?

— Вижу, вижу, — сказала прабаба, — а вы были у дедушки?

В ее квартире, за одной из дверей, есть еще один дедушка. Митя и Настя побежали к нему. Митя открыл его шкаф и увидел много



интересного. Дедушка подарил Мите сахар, завернутый в бумагу. Митя сказал:

— Еще, — и дедушка дал еще, а Митя позвал:

— Настя! — И когда она прибежала на его зов, он подарил ей сахар.

— Что это вы едите? — спросила прабаба, когда они к ней вернулись. Папа посмотрел и сказал:

— Это сахар, какой дают в ресторанах и поездах. Должно быть, дед вывез из какого-нибудь путешествия.

Митя вспомнил, как много разных вещей у дедушки в шкафу, и решил побывать у него еще раз. Он показал дедушке на проигрыватель и пластинки, давая понять, что хочет музыки. Дедушка понял и завел ему музыку. Митя полизал кучку пластинок, лежавшую на столешке. Это было не особенно вкусно, но очень необычайно, и Митя позвал опять:

— Настя! — Он любил делиться с другими всем, что имел.

Настя прибежала на его голос и тоже немощно полизала пластинки. Но ей, должно быть, они совсем не понравились, она поскорей стала заедать их колбасой.

— Где вы с Митей пропадали? — спросила у нее прабаба, увидев ее опять. — Нам без вас скучно.

И Митя с Настей стали бегать и танцевать, и танцевали до тех пор, пока их мамы не сказали, что пора по домам.

В ту ночь Митя совсем не спал. Только он начинал дремать, как видел Настю с ее черными глазками и с торчащим из зубов сахаром. Ему хотелось бегать с нею, и он громко звал:

— Настя! — и тянулся к ее розовому платику, но она убегала от него.

плохой гога

Митя — хороший, это всем известно. Мама, папа, бабушки, дедушки, баба няня, прабаба — тоже хорошие. Очень хорошим был Сашка. Но вот появился нехороший чело-

век, совсем даже плохой — мальчик Гога.

Этого мальчика придумал дедушка. Почти каждый день он рассказывал хорошему Мите про плохого Гогу.

Этот Гога всего боится.

Этот Гога не хочет одеваться.

Он вечно плачет, так что всем на него противно смотреть.

Он вырвал лист из дедушкиной книги.

Он лезет в кошачью миску и в мусорное ведро.

Он дергает кошек за хвосты и за уши.

Хороший Митя ничего подобного не делает.

Если какая-нибудь игрушка оказалась сломанной, это дело рук плохого Гоги.

Когда однажды в комнату через открытую форточку залетел воробей, плохой Гога стал хватать его руками, чтобы сделать ему больно; а хороший Митя отогнал плохого Гогу и дал воробью крошек.

И Мите нравится слушать про то, как безобразничает плохой Гога. Слушая эти истории, он лучше понимает, до чего хорош хороший мальчик Митя.

настя у себя дома

Когда Митя ушел с именин, он, прежде чем сесть в трамвай, долго стоял на остановке. То есть, конечно, стояли папа, мама, дедушка и бабушка, а Митю они по очереди держали за руку, иногда поднимая его, чтобы он смотрел в ту сторону, откуда шли трамваи. Еще много народу стояло на остановке, и, присмотревшись, Митя увидел, что недалеко от него стоит и Настя со своим папой. Настю Митя узнал по ее капору, а папу ее — по большой бороде, Митя этой бороды немножко боится, а Настя — ни капельки.

Далеко над рельсами завиднелись огни — подходил трамвай. Он подошел, светя всеми своими окнами, но еще раньше него подошел большой косолапый автобус, и Митя увидел, что Настя со своим папой, с капором и папиной бородой

вошли в автобус и уехали, и понял, что теперь он, должно быть, не скоро ее увидит: она жила где-то в совсем другой стороне, откуда приезжают на автобусе.

Это он угадал правильно, она жила на той стороне, которая называется Выборгской и куда ехать надо по мосту через реку.

Там жила Настя с папой, мамой, бабушкой Марией Михайловной, сестрой Машей и игрушками, которых у нее было очень много. В том числе были два больших мохнатых медведя, один коричневый, а другой был когда-то белый, а теперь стал серый. На серой его мордочке чернели только глаза и нос. Однажды он потерял свои глаза, и бабушка Мария Михайловна срезала со старых Настиных туфелек пуговицы и пришила их белому медведю вместо глаз, и он опять стал медведь хоть куда.

Была еще коричневая обезьяна по имени Макака, которую Настя особенно любила.

Очень много было разных кукол, и девочек и мальчиков, и мебель, и посуда, и плита с кастрюльками, и разные одежды, которые спила Маша своим куклам. У одной куклы было даже пальто с воротником из меха.

Были игрушки, которые папа вырезал Насте из бумаги или слепил из пластилина, Настя и сама любила лепить из пластилина, но ей это не всегда позволяли, потому что после этого пол во всей квартире начинал прилипать к подошвам, а Настины рукава были измазаны почти до плеч.

Иногда папа расставлял эти вылепленные и вырезанные фигурки на сиденье большого кресла и говорил, что это театр, а Настя садилась перед креслом на маленькую скамеечку или просто на полу и смотрела представления про Красную Шапочку, Серого волка и бабушку, или про Кота в сапогах, а потом сама показывала эти представления маме и Маше.

В куклы папа тоже очень интересно играл — и купали их они с Настей, и спать укладывали, и пили чаем. Папа насыпал в сахарни-

цу настоящий сахарный песок и на игрушечных тарелках раскладывал кусочки настоящей колбасы, а бабушка Мария Михайловна сердилась, зачем переводят добро.

Бабушка Мария Михайловна была украинка и говорила как-то особенно, и Настя перенимала этот говор. Когда какая-нибудь кукла ей надоедала, Настя отсаживала ее в сторону и говорила:

— А иди ты к бісу.

А когда у нее что-нибудь не получалось, она говорила:

— Не буде діла.

Она пела по-украински: «Як бы я була цыганкой» и «Ихалы цыганы з ярмарки домой». Бабушка Мария Михайловна этих песен не пела, откуда же Настя их узнала? Они словно по воздуху прилетели к ней неизвестно откуда.

Такие истории как про зайчика и охотника Настя уже позабыла, она была старше Мити, и читала наизусть:

У лукоморья дуб зеленый,

Златая цепь на дубе том —
и дальше, до самого конца.

Ей много раз это читали, вот она и запомнила. Она и сама уже знала буквы, знала, что Н — это ее буква, а М — Машина, и даже могла эти буквы нарисовать карандашом.

Папа, укладывая ее спать, пел над нею те песни, которые пели ему, когда он был маленьким. Чаще всего он пел песню про мальчика Юрочку, хотя Настя девочка. Пел он и про то, как у сороконожки народились крошки, и про котаворкота, и другие песни, тоже очень хорошие. Он их все помнил и говорил, что эти же песни Настя будет петь своим деткам.

И за все это Настя любила своего бородатого папу больше всех.

— Что ты видела во сне? — спрашивали у нее утром.

— Папу, — отвечала она.

— А что он делал? — спрашивали.

И она отвечала иногда:

— Делал подарки.

А чаще отвечала:

— Играл.

А когда на лето Настя с бабуш-

кой Марией Михайловной улетала в Омск к тете Нине, то с мамой и Машей Настя прощалась дома, а папа провожал их и сажал в самолет и не уходил, пока самолет не улетел в небо.

Когда прилетели к тете Нине, Настя сначала ей все рассказывала, но скоро засучала и сказала бабушке Марии Михайловне:

— Теперь поедем в Ленинград. Надоело в Омске.

И бабушке с тетей Ниной пришлось ее уговаривать, чтобы она согласилась остаться в Омске.

У тети Нины была для Насти приготовлена грядка, на грядке росла редиска. Настя копала грядку маленькой лопатой и выдергивала из земли редиску с длинными хвостиками, а потом за завтраком они эту редиску съедали.

Это было очень интересно, а еще интересней было ходить с тетей Ниной в баню. Ванны у тети Нины не было, и Насте казалось, что в бане мыться куда веселей. Клубился теплый пар, из всех стен торчали краны, из них шумно хлестала вода. Перед Настей ставили полную шайку, и она плескала из нее воду куда хотела и сколько хотела. А помывшись, они с тетей Ниной повязывали головы платочками и шли домой пить чай с вареньем.

Прекрасней же всего было, когда тетя Нина давала Насте большой зеленый веник и приказывала себя шлепать.

Все лето прожила так Настя, а потом они с бабушкой Марией Михайловной полетели обратно в Ленинград.

Только самолет сел на землю, как к ним вбежал папа и схватил Настю на руки. Он ее целовал, а она трепала ему бороду, она эту бороду за лето почти забыла, а сейчас вспомнила опять.

Дома были мама и Маша, и все игрушки, и ванночка. Мама посадила Настю в ванночку и сказала:

— А ты из нее выросла.

Потом уложила Настю в кроватку и сказала:

— И из кроватки выросла. Знаешь, что? Сложим-ка мы ее и поставим на антресоли.

— А на чем я буду спать? — спросила Настя.

— А тебе новую купим, — ответила мама.

— А на этой кто будет спать? — спросила Настя.

— Пока никто, — сказала мама, — а потом, может быть, у тебя будет братец или новая сестра, и они будут спать на этой кроватке.

— Нет, — сказала Настя, — не надо.

— Как не надо? — спросила мама.

— Не надо их здесь, — сказала Настя решительно.

— А куда же их девать? — спросила мама.

— А мы их пошлем в Омск, — сказала Настя.

Должно быть, ей подумалось: чем оставаться тут и завладеть ее кроваткой и игрушками, пусть лучше в Омске тянут редиску из грядки.

— Вот послушай, как она рассудила, — сказала мама папе.

— Детская ревность, — сказал папа. — Очень естественно.

— Думаешь, ревность? — спросила мама. — А не жадность?

— Ревность, — сказал папа. — Ребенок любит свой мирок и дорожит им и не хочет, чтобы его разрушали. И пусть дорожит, это очень даже хорошо. Если хочешь, это первые зачатки патриотизма.

— Может быть, ты и прав, — сказала мама.

— Конечно, прав, — сказал папа, — как всегда. Вдумайся, ведь патриотизм — это наша привязанность к тому, что нас окружает.

— Только ли? — спросила мама.

— Ну, у взрослого над этой привязанностью еще всякие духовные надстройки, но у нее пока что основное — любовь. И лично мне, как хочешь, это очень даже нравится.

— Нет, — сказала мама, — надстройки нужны обязательно.

— Придут, — сказал папа.

— Да, вероятно, — сказала мама.

— Ну, конечно, — сказал папа. — Уже приходят. «У лукоморья дуб зеленый» и «иди к бісу» — чем тебе не надстройки?

природа



природа

Такие важные открытия

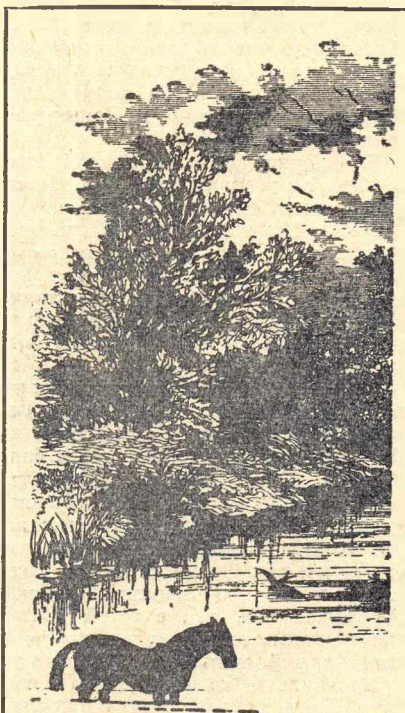
В тех отчетах о научных наблюдениях, что вы сейчас читаете, не содержится важных открытий. Впрочем, как посмотреть на это, — бывают ведь открытия для себя, и важность их не уменьшается оттого, что кто-то сделал их раньше... Мы много и справедливо призываем воспитывать в детях любовь к природе. Не будем отрицать, что может быть прекрасным и просто любованием теми красотами, которые дарит нам она. Но верно и то, что глубокое чувство единства с нею, стремление охранять ее и умножать ее богатства могут возникнуть лишь на основе знания.

Прочитайте то, что пишут дети. За строками, порой неуклюжими (мы намеренно не исправляли ничего), вы увидите, конечно, главное: дети любят наблюдать, любят открывать. И на очень многое способны. Согласитесь: мы сами не всегда в состоянии увидеть столько неприметных мелочей, сколько видят они.

Сочинения и письма детей предоставил редакции и подготовил к печати учитель-биолог Алексей Иванович Быхов. Он уже давно работает с ребятами, поэтому поверим ему, когда он говорит, что первые впечатления о природе, первое знакомство с нею важны необыкновенно; а ведь это первое знакомство начинается уже тогда, когда малыш держит за руку отец или мать...

курице на удивление

В это лето я жила на даче. У наших соседей были куры. Меня очень занимала одна курица — наседка. Она очень долго сидела на своих яйцах. И вот однажды из яиц вылупились цыплята. Они бы-



ли такие маленькие, желтенькие, забавные! Курица очень заботилась о своих цыплятах. Если они далеко отходили от нее, она звала их. Когда начинался дождь, курица расставляла крылья, и все цыплята бежали прятаться под эту крышу. И вот однажды, когда начался дождь и когда курица вот так расставила крылья, все цыплята собрались около наседки. Только один цыпленок не шел к матери, а плескался в луже, под дождем. И тут я заметила, что этот цыпленок был совсем не цыпленок, а утенок!

Каково было удивление курицы, когда она увидела, что все цыплята под ее крыльями, а тот цыпленок — нет! Курица забыла даже про своих цыплят и смотрела, широко открыв глаза. Оказывается, хозяйка подложила нечаянно под наседку утиное яйцо. И вот вылупился утенок.

Летний дождь быстро прошел, и курица с цыплятами и утенком пошла бродить по двору.

Таня ВАЛПОЩЕНКО,
ученица 5-го класса

зелёное чудовище

Летом я была в Киеве. Однажды мы с мамой поехали на пляж. На так называемую Венецианскую протоку. Приехав, расположились на берегу в леске. Мама читала, я лежала несколько секунд, ничего не делая. Вдруг мне показалось, что что-то еле заметное ползет по земле. Этим чем-то оказалась гусеница. Очень большая: сантиметров шесть и толстая; она была лохматая-лохматая, темно-серая, с чуть заметными коричневатыми пятнами на спине. Брюшко у гусеницы было твердое, с какими-то коготками. Я дотронулась до нее палочкой, она мгновенно отреагировала, вся как бы подпрыгнула, извиваясь, что я сама вздрогнула. Гусеницу решили посадить в банку, которую взяла с собой для питья, но этим дело не кончилось.

День был очень жаркий, мы отправились купаться. Входя в воду,

природа



природа

я увидела какого-то «зверя». Он был зеленого цвета, с толстым хвостом, занимавшим примерно две трети туловища, с большой головой, с подобием крылышек, с двумя парами ног на груди и с парой ног, как говорится «коленками назад», сзади. Мама выплеснула это «ужасное чудовище» (около двух с половиной сантиметров длины) на берег. Я дотронулась до него, и из конца хвоста брызнул фонтанчик какой-то жидкости. Я тут же решила, что это ядовитая защита. Перед нами встала задача: куда его посадить? Я обегала весь пляж в поисках бумажного стаканчика, но нашла вафельный с мороженым. Все-таки на одном из столиков около палатки стояло то, что мне было нужно, правда с солью; я огляделась, высыпала соль и бежать, зажав стаканчик в руке. Налив воду, пустили в нее «зеленого». Через некоторое время у него выпучились глаза, через конец хвоста все время выходили струи. Мама предположила, что при помощи них он движется, но я не согласилась.

Придя домой, я выяснила, что насекомое, выпускавшее «ядовитые струи», было не чем иным, как личинкой стрекозы. Я посмотрела на глаза, они были точно такие, как у стрекозы.

Оля НОВИКОВА,
ученица 7-го класса

и как у дятла не болит голова?

Летом я отдыхала в деревне в Вологодской области. Леса там очень большие и густые. Есть и хвойные, и лиственные, и смешанные леса. В основном там сажают рожь, горох и другие культуры для скота. Там очень много молочных ферм, телятников, скотных дворов. Большое внимание уделяется коровам. Вот почему вологодские молочные продукты высококачественные. Мы очень часто ходили в лес. Я замечала очень много зверюшек, которых увидеть для москвича целое событие. Часто попадались белочки, но они очень пугливые, не



то что в ботаническом московском саду. Здесь белочки совсем ручные, а там нет, там дикие. Мы, притаившись, часто наблюдали за едой этого симпатичного зверька. Движения у белочки резкие. Она резко перескакивает с места на место, оглядывается по сторонам (тоже резко) и почти всегда у нее поднят хвост. Еще мы видели, как дятел долбит своим крепким клювом ствол дерева. Он долбит ствол очень сильно и всем своим корпусом. Мы удивлялись: как у него не болит голова? От такой долбежки не мудрено заработать головную боль (только не для дятла).

Еще мы ходили на болото. Там болота не такие, как мы представляем себе, они мшистые. В болоте очень много всяких разновидностей мхов. Красный, желтый, зеленый — много цветов, очень резкий контраст. Мы собирали там морошку, чернику, бруснику и костянику. Морошки многие даже и не видели. Эта ягода северная и растет только в этой зоне. Она очень красивая, как гроздь винограда, только, конечно, намного меньше. Она сделана как будто из воска. Она желтая, и на ней красные пятнышки, и наоборот. Во мху очень много растет сыроежек. Это очень красиво. Мне очень понравилось там. Я многое узнала.

Маша ИВАНОВА,
ученица 6-го класса

милый агат и непослушный синтаксис

Это лето я провела в колхозе, где живет моя бабушка. В колхозе была кобыла Варька, за которой ухаживала бабушка. Когда я пришла, у Варьки был жеребенок. Он был очень маленький и неуклюжий. Он не мог стоять и ходить. Я спросила у бабушки, назвала ли она его как-нибудь, и очень обрадовалась, когда узнала, что нет. Мне очень хотелось самой дать ему кличку. Бабушка не возражала, и я назвала его Агат, так как он был весь черный и только с одним бе-

природа



природа

лым пятнышком на шее. Я убедил бабушку, что сама смогу его вырастить, и жеребенок перешел на мое попечение. Каждое утро я носила еду Варьке и Агату, который еще сосал молоко у матери. Потом бабушка отдала Варьку в колхозную конюшню, и мне пришлось самой поить Агата молоком из соски. Было очень забавно смотреть, как он высасывал молоко своим ртом.

Когда Агат научился ходить и бегать, я стала выводить его в поле, где он пасся. Тут я ему давала вволю порезвиться, а сама купалась с девочками в речке, которая протекала неподалеку, или просто наблюдала за Агатом. Однажды Агат убежал в лес, и я долго не могла найти его. Тогда собрала всех ребят на поиски с лошадьми. Мне дали в колхозе жеребца Синтаксиса, очень непослушного и резвого. (В колхозе я научилась ездить верхом. Может быть, и не очень хорошо, но лошади меня все-таки слушались, а вот этот Синтаксис совершенно отказался подомной идти). Все давно уже уехали в лес искать моего Агата, а я стояла в поле и ничего не могла поделать с Синтаксисом. А когда я поехала в лес (он все-таки пошел), я уже искала и Агата и ребят. Вскоре по крикам и топоту копыт я их отыскала. Все ребята были на большой поляне и стояли, окружив Агата. Мне рассказали, что он попал в овраг и не мог вылезти оттуда. Мы все вместе доехали до опушки, а там ребята поехали развозить лошадей по конюшням. Я отдала им Синтаксиса и повела домой Агата. В поисках я не заметила, как пролетело время. Мне здорово влетело от бабушки и за то, что потеряла Агата, и за то, что поздно вернулась домой. Было уже десять часов вечера. Я всю ночь не спала, все боялась, что Агат опять убежит, хотя он никак не мог этого сделать, так как сарай, где он был, всегда закрывался на ночь на замок.

Когда пришло время мне уезжать в Москву, я очень расстроилась. Мне ужасно не хотелось расставаться с моим милым Агатом, к которому я так привыкла, хотя я ничего не могла возразить против

того, что Агата нельзя держать в Москве. Но я обязательно вернусь к нему на следующий год.

Лена ОРЛОВА,
ученица 7-го класса

новый сорт колокольчиков?

Когда я была в небольшом лесу, я услышала пение какой-то птички. Это было даже не пение, а чирикание или пищание. Чирикала она довольно-таки громко. Пропищит она раза три свое «пи» — и перелетает на другую ветку. Причем большинство веток было не выше двух метров над землей. Вся птичка была небольшая, коричневая, с воробья. Я так и не знаю, как она называется.

Один раз, когда мы пошли купаться, недалеко от берега (в воде) я увидела несколько цветков; причем на одном стебле было два-три цветка, каждый длиной полтора-два сантиметра. Наверное, это был какой-то вид лилии.

Недалеко от нашей дачи мы обнаружили гнездо. Оно было небольшое. Там сидело 3—4 птенчика, еще совсем слепые. Они были рыженькие. Ребята несколько раз их навещали, а через полторы-две недели птенчики исчезли. Я думаю, это были воробьи.

Однажды мы обнаружили чуть ли не заросли чистотела, который (как ни удивительно) никто из местных жителей не рвал. А когда посмотришь на эти заросли, кажется, что это желтое море: столько его было много.

Когда мы шли раз купаться (по просеке), мы вдруг увидели птенца, как видно только что оперившегося. Гнезда искать было невозможно: вокруг много деревьев, да еще он скакал с места на место. Видно было, со временем окраска у птенца будет очень красивая: перышки в крыльях у него были небесно-голубого цвета, остальная часть еще серая и коричневатая. Нам его стало жалко, к тому же он так жалобно кричал, что мы принесли его домой и посадили в клетку, сделанную еще в прошлом году для

ежа. Мы кормили его червячками, когда он кричал, и немножко попили. Но на следующее утро мы нашли его уже мертвым, видно от голода, так как птицы начинают кормить своих птенцов чуть ли не с трех часов утра.

Когда мы ходили в лес, я увидела очень странные колокольчики (длиной три-четыре сантиметра), у которых зубчики не как у полевых затуплены, а острые-острые. И листья напоминают листья крапивы. Может быть, это какой-то другой сорт колокольчиков?

Лена СОЛОВЬЕВА,
ученица 7-го класса

из переписки коллег

Здравствуйте, Алексей Иванович! Мы получили Ваше письмо, спасибо. Мы живем хорошо. Я наблюдал, как растет подосиновый гриб, он за ночь вырос на 3 сантиметра. Еще я наблюдал за рыбками-петушками, как они живут. Мы смотрели в телескоп и видели Юпитер и его 4 луны. До свидания. Володя Руденко. (Первоклассник).

Здравствуйте, Алексей Иванович! Целый месяц сидел на даче и вот выбрался в Москву. Сейчас я читаю «Птицы и звери земного шара», очень увлекательная книга. Уже дописываю отчет. Останется сделать коллекцию, переписать дневник. Пузырчатка у меня живет, я кормлю ее циклопами. Орхидея мало-помалу засыхает; что с ней делать? Посоветуйте мне, Алексей Иванович, когда Вы приедете, не забудьте хорошеньких квакшей, сейчас я буду делать террариум для них (и как разводить мушных червей?).

Ну а самое главное чуть не забыл сказать. Я поймал в нашем лесу здорового ужа. Измерить его я не могу, потому что надо сунуть руку в бочку, где он сидит. Он шипит и извивается, и мне страшно. Как его приручить к рукам? Ему наловил головастика. Он лежит, а потом внезапный рывок — и головастик в пасть. Ну вот и все. Володя Горюнов. (Шестиклассник).

... И вот однажды монотонное течение дачной жизни было нарушено.

С вечера мы с мужем объявили детям, что завтра все вместе уходим из дому на целый день.

— Куда?

— Пойдем куда глаза глядят.

Дети пришли в восторг от полной неопределенности предстоящего, а мы, уложив их спать, еще раз уточнили маршрут. Километра на три тянулся наш лес. Мы должны были его пересечь и выйти в поле, к совхозным фермам. За полем снова начинался лес, километра через два он расступался перед синим-синим озером. К этому-то озеру мы и решили направиться.

Рано утром наш маленький отряд вышел из дому. Погода не подвела: день обещал быть ясным и жарким. В старый рюкзачок мы сложили продукты, миски, кружки, ложки, объемистый перочинный нож, спички. Дети взяли по маленькому ведерку — на привале для воды, а на обратном пути — для грибов.

— А мы не заблудимся? — предусмотрительно осведомился сын, когда мы вошли в лес. — Ведь у нас даже компаса нет.

— Мы пойдем по солнцу, и оно приведет нас домой.

Осмотревшись, мы все вместе определили, что идем на юг. Опасность заблудиться значительно поубавилась.

Мы шли не быстро, но все-таки шли, а не гуляли. И очень скоро увидели, что дети не умеют ходить. Поначалу они лихо обгоняли нас, прыгали и кувыркались в траве, но вскоре стали заметно отставать, и нам пришлось останавливаться и поджидать их.

Мы устроили привал и поняли, что так до озера мы не дойдем.

— Надо беречь силы. Попробуйте шагать под какую-нибудь песню, сразу станет легко. — И дети, напевая «По долинам и по взгорьям», снова двинулись в путь.

Теперь ритм не позволял им утомляться. Теперь они шли уверенно, бодро. На привалах валялись в высокой душистой траве и... впервые в жизни по-настоящему знакомились с лесом. «Лес — это когда много, много деревьев», — вот, пожалуй, и все, что могли раньше сообщить дети о лесе, среди которого жили все лето. Ну, вот хотя бы муравьиная куча. Что в ней интересного? Правда, ежели рас-

событие семейного значения

МНОГО, МНОГО ДЕРЕВЬЕВ

шевеливать ее палкой — тогда другое дело: муравьи засуетятся, забегают. И вдруг сегодня дети увидели, что муравейник — это большой, очень сложный по архитектуре дом, а его жители — неутомимые труженики. Они не просто бегают — они работают.

— Посмотрите, какие в лесу зеленые дубы. А у нас в поселке голые. Непарный шелкопряд уничтожил листву. А здесь, в лесу, на страже муравьи. Вон видите, как муравьишки тянут в дом гусеницу!

Рядом, на кустарнике, поселилась целая колония тлей.

— Они здесь не случайны — муравьи пасут это стадо зеленых мошек, потому что питаются их «молоком». Это, так сказать, муравьиная молочная ферма.

А обыкновенная серая лягушка, оказывается, умеет показывать фокусы. Во-первых, если ее положить на ладонь на спинку, то она, как загипнотизированная, будет лежать столько, сколько пожелаешь, и не дрогнет на ее теле ни один мускул. А во-вторых, если перед лягу-

шонком посадить муху, то она исчезнет так быстро, что заметить этого человеческий глаз не в состоянии. Только в кино при замедленной съемке можно увидеть, как изо рта лягушонка высовывается длинный язычок и захватывает муху.

На одном из привалов из норы вдруг выскочил ежик — мы, видимо, испугнули его, потому что днем он обычно отсыпается.

Вопросам и любопытству детей не было конца. Мы отыскали птичье гнездо, из которого уже улетели птенцы, рассмотрели, как оно прочно и уютно. Обнаружили в нашем лесу ядовитые растения — вороний глаз с черной аппетитной ягодиной и волчье лыко — кустарник с одуряющим сладким запахом гиацента. Отведали сочного щавеля и кислой «заячьей капустки».

В полдень вышли к озеру. Собрали хвороста, разложили костер, соорудили очаг. В одном ведерке варился суп, в другом кипятился чай. Грибы мы нанизали шляпками на пруты, и скоро над углями жарился ароматный лесной шашлык. Обед вышел на славу.

Часа через два собрались в обратный путь. Дети подхватили ведерки, но...

— Так уходить нельзя. Надо засыпать костер землей, а то может случиться лесной пожар.

Ловко орудуя ножом, муж взрывал землю, а дети засыпали ею дымящуюся золу.

— А теперь соберите с поляны все до клочка бумаги.

Потом мы опять поглядели на солнце и общими усилиями нашли север — туда теперь лежал наш путь.

Дорога снова шла через лес — теперь уже знакомый, интересный, полный жизни. Он представлялся детям огромным многоэтажным зданием. У него есть подвал — в подземелье сплелись корни и укрылись норы. Потом — мох, трава, выше — кусты и несколько зеленых этажей крон. Весь этот дом плотно населен. И все его обитатели живут одной жизнью...

Дома ужинали мы, надо сказать, с отменным аппетитом, но все дружно признали, что наш обед у костра был вкуснее. Бабушка попробовала обидеться. Но дети тут же стали ее утешать:

— Мы тебе завтра лес покажем. Ты его никогда-никогда не видела. Знаешь, какой он интересный!

Г. ТЕРЕХОВА



*Об увлечении
подростков
детективными фильмами,
детективной литературой
и о том, что с этим делать*

Пожалуй, нет ни одного жанра в искусстве, который вызывал бы такую настороженность, а порой и явное недоверие у воспитателей, как детектив. Интонация некоторых писем, пришедших в редакцию, довольно-таки резкая: «Стоит обратить серьезное внимание на то, что на экране и по телевидению за последние годы резко увеличилось количество фильмов детективного жанра. Я считаю — это опасность, которую преуменьшать нельзя», — пишет учительница Ю. Морозова из

Можайска. В других письмах желание посоветоваться. Читатель из Калуги С. Митрофанов рассказывает про своего сына-четвероклассника, который и читает только детективы и в кино предпочитает фильмы про загадочные убийства. «Жена приходит в отчаяние и просит повлиять на Вадика. А я думаю: что я буду ханжить и говорить ему какие-то слова, в которых и сам не уверен. Сам-то я, чего греха таить, раскрываю журнал и смотрю, нет ли там детектива. А в воспитании детей,

по-моему, самое главное — честность».

Что ж, стоит подумать и поработать с читателями.

В детективном жанре (как, впрочем, и во всяком другом) бывают произведения высокого художественного уровня, а бывают и слабые, ничего не дающие ни уму, ни сердцу. И это различие очень важно: хороший детектив может стать помощником воспитателя, его природа глубоко нравственна — разоблачение зла, наказание виновного, защита того, на кого случайно упали обвинения и кто не в состоянии сам себя оправдать. Хороший детектив несет в себе стусок энергии, учит активности, причем активности осмысленной и направленной, увлекает атмосферой интеллектуальной напряженности. Разве не в рассказах Конан Дойла подросток впервые постигает силу логического мышления? «Дедуктивный метод» оседает в сознании так же прочно, как и образ человека, который, никуда не выходя из своей квартиры, решает сложнейшие задачи, разоблачая самых таинственных и неуловимых преступников.

В классическом детективе речь всегда идет не о преступлении, а о человеке. В чем причина успехов романов Жоржа Сименона, большей частью объединенных фигурой комиссара Мэгре? В первую очередь в привлекательности самого этого образа. Достижения Мэгре в расследовании преступлений объясняются не столько «сверхпроницательностью», как у надменных героев иных сочинений, сколько превосходным знанием жизни, условий существования тех людей, с которыми его сталкивает профессия. Очень часто Мэгре выглядит не обвинителем, а защитником своих подсудимых, он вызволяет их из трудных ситуаций, помогает им.

Вот, к примеру, повесть «В подвалах отеля «Мажестик», которая была напечатана у нас впервые в «Комсомольской правде». Редакция, рекомендуя повесть своим читателям, увидела в ней нечто большее, нежели занимательную беллетристику. И это большее — в тех красочных картинах жизни довоенной Франции, которые щедро разбросаны по страницам повести. Путешествуя вслед за Мэгре, расследующим убийство богатой американки, мы попадаем в разные круги французского общества. С каким знанием дела описан, например, труд служащих фешенебельного отеля, изнуряющий труд, который призван обеспечить не только действительные потребности, но и любые прихоти богатых постояльцев «Мажестика». Вот Проспер Донж, буфет-

чик отеля — он ежедневно встает в пять утра, затем едет на велосипеде из парижского пригорода в центр, чтобы с 6 утра до 6 вечера проработать не разгибая спины в огромных, но все же тесных, пропитанных всевозможными запахами подвалах огромной гостиницы. И если подросток, увлеченно проглотив «Отель Мажестик» из-за его напряженного сюжета, обратит внимание и на такие стороны повести, то он не проигрывает, а выигрывает.

К числу хороших мы можем отнести те детективы, которые связаны с открытием каких-либо новых сторон жизни. Недавно вышла книга Виктора Смирнова «Тревожный месяц вересень». Мы попадаем в украинское село вскоре после его освобождения от фашистской оккупации. В лесах еще прячутся банды националистов, которые терроризируют население, убивают людей. С одной из таких шаек вступает в бой главный герой книги, демобилизованный по ранению боец Советской Армии. Повесть написана в лучших приключенческих традициях, ее сюжет все время держит читателей в напряжении, а между тем читатель-подросток узнает из этого «детектива» об одной из трудных и героических страниц в истории нашей родины.

Примеры детективов, имеющих несомненное воспитательное и познавательное значение, можно умножить. Это и очень серьезный кинофильм, призывающий к гражданскому мужеству, «Обвиняются в убийстве», и многосерийный телеспектакль Ольги и Александра Лавровых «Следствие ведут знатоки», где сделана попытка разобраться в корнях ничем внешне не примечательных преступлений.

К сожалению, во многих детективах мы узнаем главным образом о том, что на свете есть преступники и милиционеры, которые их ловят. Но это нам в принципе уже известно.

Нет ничего легче, чем придумать таинственное ограбление, совершенное под покровом ночи, преступника в кожаных перчатках и маске, но обязательно теряющего на месте преступления обрывок рецепта или трамвайный билет, который, как выясняет дотошный следователь, был оторван полгода назад на маршруте № 27. Обыкновенно даже находится наблюдательная старушка, которая запомнила молодого парня, оторвавшего именно этот билет. Далее выясняется, что данный парень к данному ограблению никакого отношения не имеет. Но как же попал билет на место преступления? — размышляет следователь, утопая по примеру Шерлока Холмса в табач-

ном дыму. И вот катится по отполированным рельсам 27-й трамвай, виноват, 27-й сюжет, состоящий из подобных головоломных хитросплетений, ничего не дающих ни уму, ни сердцу, и вполне попадающий под известную эпиграмму Минаева:

Легко все это пишется

и без труда читается,

И из голов читателей

тотчас же испаряется...

Да, и книги такие пишутся, и фильмы такие снимаются, и телеспектакли ставятся. Ну вот из не очень давних зрительских впечатлений: «Я, следователь», «Ищите девушку», «Неожиданное рядом», «Кража»... При подробном разборе в каждом из них можно найти достоинства — удачно сыгранная роль, выразительный эпизод, остроумная реплика. И все же эти удачи — частные, в главном же эти фильмы страдают общим недостатком: они мало что прибавляют к нашим знаниям о жизни. Нет, конечно, из них можно усвоить кое-что: например (это из фильма «Я, следователь»), что надо быть бдительным в отношении случайных знакомств и ряд других столь же полезных и общеизвестных сведений.

Но в таком случае, может быть, стоит согласиться с читательницей журнала Ю. Морозовой, и самим не ходить на эти картины, и детей всячески отговаривать? Но уж давно известно: запреты — не самое лучшее, что можно придумать, ибо ведут они обычно к прямо противоположным результатам. Напротив, учиться и учить вдумчиво подходит к каждой прочитанной книге, к каждому увиденному фильму — вот за это действительно стоит бороться.

Завораживающая сила динамичной кинокартины или остросюжетной книжки чаще всего подавляет способность детей оценивать, рассуждать. Им одинаково нравятся все — и хорошее и посредственное. Вот тут-то и следовало бы побеседовать с ними о фильме: что в нем хорошего, что плохого, что в нем им нравится, и все ли должно нравиться... Само собой разумеется, для этого надо быть в курсе чтения и кинорепертуара своих детей. (Надеюсь, что мой совет будет воспринят многими родителями не без удовольствия.)

Плохо, когда подросток ничего, кроме приключений, читать не хочет. Но стоит ли опускать руки, когда мы сталкиваемся с подобными явлениями? Ведь увлечениями можно руководить, направлять их, и это всегда гораздо более действенно, чем применение заградительных мер.

Всеволод РЕВИЧ

Бабушка поэта, дочь известного исследователя Средней Азии Г. С. Корелина, постоянно писала и переводила. Русский читатель обязан ей знакомством со многими сочинениями Бальзака, Гюго, Флобера, Мопассана, Лессаж, Тенкерея, Динкенса, Вальтер Скотта, Гольдсмита, Брет Гарта, Бичер Стоу... «Характер на редкость отчетливый соединился в ней с мыслью ясной, как летние деревенские утра, в которые она до свету садилась работать, — вспоминал уже прославленный внук. — Все это вязалось с пламенной романтикой, переходящей иногда в старинную сентиментальность. Она любила музыку и поэзию, писала мне полухитливые стихи, в которых звучали, однако, временами грустные ноты:

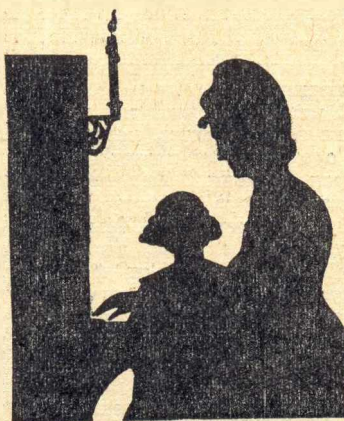
Так, бодрствуя в часы ночные
И внука юного любя,
Старуха-бабка не впервые
Слагала стансы для тебя».

Александр Блок с детства был погружен в атмосферу любовного отношения к литературе.

Мать Блока Александра Андреевна и ее сестры — «унаследовали любовь к литературе и незапятнанное понятие о ее высоком значении». Анна Андреевна писала оригинальные стихи и переводила с французского — Бодлера, Верлена, Гюго... Мария Андреевна переводила с трех языков — польского, немецкого и французского. Но настоящей литературной известностью пользовалась лишь старшая сестра Екатерина, сборник стихов которой был удостоен почетного отзыва Академии наук. Ее повесть «Не судьба» печаталась в «Отечественных записках» за 1881 год, а рассказы были напечатаны отдельной книгой.

Отец поэта, Александр Львович, потомок лейб-хирурга Иоганна Фридриха Блока, возведенного при Павле I в российское дворянство, напечатал всего лишь две небольшие специальные книги (он был профессором Варшавского университета по кафедре государственного права) и последние двадцать лет жизни трудился над разработкой и обоснованием теории классификации наук. «Выдающийся музыкант, знаток изящной литературы и тонкий стилист, — отец мой считал себя учеником Флобера. Последнее и было главной причиной того, что он написал так мало и не завершил главного труда жизни: свои не престанно развивавшиеся идеи он не сумел вместить в те сжатые формулы, которые искал; в этом искании сжатых форм было что-то судорожное и страшное, как во всем душевном и физическом облике его. Я встречался с ним мало, но помню его кровно». Родители Блока разошлись еще до его появления на свет. Будущий поэт родился 16 (28) ноября 1880 года в

детство замечательных людей



СЛОВО

доме деда, известного ботаника Андрея Николаевича Бекетова, ректора Петербургского университета и близкого друга Дмитрия Ивановича Менделеева, чья дочь стала впоследствии женой Блока. Покупая именина, они даже обосновались по соседству — менделеевское Боблово всего лишь в

семи верстах от Бекетовского Шахматова, погруженного в «глубокий обморок сирени». Это о нем Екатерина Бекетова написала стихи, прославленные рахманинским романсом:

Путру на заре,
По росистой траве
Я пойду свежим утром дышать;
И в душистую сень,
Где теснится сирень,
Я пойду свое счастье искать...

А самым первым вдохновителем юного поэта, начитавшись которого он невольно хватался за перо, был Жуковский. «Сочинения» начались чуть ли не с пяти лет. Из своих коротеньких стишков и рассказов Сашура, как звали его домашние, настойчиво пытался составить периодическое издание — журнал или альманах. Но предприятие обычно заканчивалось на первом же номере. Больше других поспособствовало журналу «Корабль» и еще «Вестнику», выходившему уже в гимназические годы Блока. Действенными сотрудниками и корреспондентами журнала были бабушка, мать, тетка, двоюродные братья. Блок оставался бессменным редактором «Вестника» все время его существования — целых три года.

«Писатель — растение многолетнее, — сказал Александр Блок в 1909 году. — Как у ириса или лилии росту стеблей и листьев сопутствует периодическое развитие корневых клубней, так и душа писателя расширяется и развивается годами...»

«Жизненных опытов» не было долго, — вспоминал Блок в «Автобиографии». — Смутно помню я большие петербургские квартиры с массой людей, с няней, игрушками и елками — и благоуханную глушь нашей маленькой усадьбы». Из-за этой «социальной отрешенности» первая попытка Блока напечататься в настоящем журнале закончилась, по его собственному выражению, анекдотом. Осенним дождливым днем он пришел в кабинет старинного знакомого семьи В. П. Острогорского, редактировавшего тогда журнал «Мир божий», и «с волнением дал ему два маленьких стихотворения, внушенные Сирином, Алконстом и Гамаюном В. Васнецова. Пробежав стихи, он сказал: «Как вам не стыдно, молодой человек, заниматься этим, когда в университете бог знает что творится!» И выводил молодого поэта «со свирепым добродушием».

Созрев и развившись, душа поэта приняла судьбу Родины как свою кровную. Проникновенный лирик создал знаменитую поэму «Двенадцать» — гимн революции, открывшей новую эру в истории человечества.

В. ШАТЧЕНИН

старинные наставления



чужая сторона

В некоем селении настал продолжительный голод и одна из отождивших собак решила перебраться в какое-нибудь другое, благоденствующее место.

После долгой дороги прибрела она в отдаленные края, где дела жителей шли куда лучше. Теперь ей не надо было долго разыскивать насущное пропитание — на заворках хватало костей и обледков, а не то перенадали и целые кусочки от добродушного хозяина или жалостливой хозяйки.

И все было бы прекрасно, если бы не сородичи-собаки, которые то и дело нападали на чужеземку. Наконец, вовсе не стало от них житья. «Нет! Уже лучше своя сторона, — подумала собака, — там хоть и голодно, да не так страшно».

Вот вернулась она в свое селение, окружили ее знакомые собаки и принялись расспрашивать: «Где была? Что видела? Какие там обычаи? Хорошо ли живется?» — «Э-э, да что говорить, — ответила путешественница, — вроде бы всем хороша другая сторона, одно плохо: и я ей, и она мне — чужая».

жадный сосед

Однажды жарким летним днем измученный зноем крестьянин прилег отдохнуть под деревом на окраине своего поля. И видит сквозь блаженную по-

лудрему: из норы в корнях дерева появился вздутый капюшон большого страшного змея. «Наверное, это божество, Хранитель поля, — подумал крестьянин, — а я-то ни разу не почтил его приношением. Знать, от того и нет мне ни в чем удачи!»

На другой день пришел он к дереву с тарелкой молока, поставил ее к норе и громко сказал: «О, Хранитель поля! До вчерашнего дня я не подозревал, где ты живешь, и лишь потому не оказывал тебе должного внимания. Будь же теперь милостив». Сказав это, он удалился, а когда вернулся за тарелкой, увидел на ней новенький золотой. С тех пор так и повелось: крестьянин приносил молоко, а затем возвращался и забирал очередную монетку.

Но вот как-то пришлось ему отлучиться по неотложным делам, и он попросил соседа отнести молоко к норе, а в награду пусть, мол, заберет все золотые, которые соберутся за дни его отсутствия. Сосед исполнил просьбу, а когда действительно увидел на тарелке обещанный золотой, воспалился от жадности и подумал: «Наверное, эта нора просто набита деньгами. Надо убить змея и тогда все деньги достанутся мне одному».

На следующее утро он, как обычно, принес молоко, спрятался за деревом, подстерег змея и ударил его дубинкой. А тот, едва оставшись в живых, изловчился и укусил обидчика...

Так кончают те, кто не довольствуется справедливой частью и в жадности покушается на все.

достоинство друга

В заброшенном городе среди развалин домов и храмов издавна поселились мыши и благоденствовали в покое и изобилии. Но вот владыка слонов, окруженный тысячами сородичей, повел своих подданных на водопой через разрушенный город, и обитатели развалин пережили черный день — слоны потоптали несметное число несчастных мышей.

«Если они еще разок пройдут этой дорогой, — решили оставшиеся в живых, — некому будет продолжать наш род. Остаётся отправить к слонам посольство и умолять пощадить город».

Мышиные послы явились к владыке слонов и почтительно

сказали: «Божественный! Недалеко отсюда, в заброшенных развалинах, находится наше жилище. Когда вы прошли мимо него, тысячи из нас погибли, не успев укрыться. Если есть у вас сострадание, идите в следующий раз другой дорогой. Ведь даже слабые друзья могут понадобиться, когда придет время». Мудрый владыка слонов милостиво кивнул, соглашаясь с по-слами.

А потом случилось так, что многочисленные охотники окружили стадо, опутали слонов крепкими канатами и привязали к толстым деревьям. Услышав про это, мыши тысячами явились на помощь и перегрызли путы.

Не дели друзей на слабых и сильных, главное достоинство друга — верность.

коварная лиана

В отдаленном лесу росла смоковница с развесистыми ветвями. Год за годом давала она приют большой стае птиц, пока однажды весной не показалась среди корней дерева слабенькая лиана. Старая мудрая птица увидела ее и сказала: «Эта лиана может принести нам большое несчастье. Надо подумать, как избавиться от нее, или пора искать себе другое место». Но ее никто не послушал. Со временем лиана обвилась вокруг ствола и однажды, когда птицы улетели, охотник взобрался по ней и опутал гнезда силками. А в сумерках вся стая попала в сети.

Сколько бед могли бы пройти стороной, если бы не легкомыслие и беспечность!

две головы

Некогда, говорят, жили на реках и озерах громадные птицы с двумя головами. И вот как-то одна из них, а вернее одна из ее голов, нашла в воде особенно лакомый кусочек. Вторая голова попросила: «Дай и мне половинку». — «Вот еще!» — ответила первая. Тогда та, не помня себя от обиды, проглотила ядовитую водоросль и обеим головам пришел конец — ведь желудок у них был общий...

Раздор между близкими никому не приносит пользы — голов в семье много, а корень один.

*музыка
и каждый из нас*

*Фотографии —
на 2-й странице
обложки*



НА УРОКАХ В ШЯУЛЯЕ

Письмо Рамунасу, будущему музыканту

Дорогой Рамунас, прими мои поздравления. Я поздравляю тебя и твоих родителей, мать и отца Даудоравичюс, с великим событием: с твоим, Рамунас, появлением на свет. Я поздравляю и литовский город Шяуляй, который именно в миг твоего, Рамунас, рождения перешел в категорию городов с населением в 100 тысяч человек.

Тебе, малыш, здорово повезло. Не потому, конечно, что о рождении стотысячного жителя города сообщила газета и ты с первого же дня жизни стал известен всему Шяуляю. Ведь сейчас ты об этом не догадываешься. А за годы, пока ты будешь расти, о скольких еще событиях — очень важных и не очень — расскажет городская газета!.. Но повезло тебе потому, что родился ты именно в Шяуляе и в весьма удачное время: в начале 1972 года. Почему повезло? Сейчас скажу. Но так как лично тебе мои объяснения пока не нужны, я со страниц журналов скажу об этом твоим родителям, твоим землякам в Шяуляе и всем, кто захочет прочесть мое письмо к тебе, дорогой Рамунас.

Представь себе город, все жители которого поют, играют на различных инструментах, любят серьезную музыку, но прочь послушать и легкую, эстрадную, умеют танцевать. Обращаю внимание на слово *все*. Пусть при этом никто не подумает, что жителям такого города только и дела, что петь, играть и плясать. Думаю, что если и в детской сказке описать подобную жизнь, она покажется чересчур однообразной, а город слишком шумным и в результате, наверное, скучным. Нет, в городе, какой я хочу вызвать в вашем воображении, каждый трудится и живет так, как и все люди во всем великом множестве наших городов и поселков: здесь работают на заводах и фабриках, водят машины, мостят улицы, строят дома, торгуют в магазинах и чинят сносившуюся обувь. Но еще и поют. Еще и играют в оркестрах и у себя дома. Еще и слушают музыку на концертах. Все. Когда этого хочет душа и когда это позволяет время.

Есть все основания верить, что Шяуляй в недалеком будущем станет именно таким городом — Городом Любящих Музыку.

При городском исполнительном комитете создан Музыкальный совет. В него входят представители городской администрации, ведающие делами культуры, образования, работы с молодежью и, естественно, музыканты. В поле зрения совета — все, что связано с музыкальной жизнью города. Однако основ-

ное внимание направлено на вопросы музыкального воспитания, и значение деятельности совета в этой сфере трудно переоценить. Чего же совет, а вместе с ним и городские власти хотят добиться? Чтобы через воспитание музыкой прошел *каждый ребенок*, едва он переступает порог яслей, детского сада или школы. Музыкальный совет пользуется правом наблюдать и контролировать работу всех детских учреждений и делать заключение о качестве этой работы.

В Шяуляе именно так вопросы музыкального воспитания и рассматриваются: как вопросы *общественного, государственного* значения.

...В 8.30 утра я сижу на парте в дальнем углу музыкального класса 12-й школы Шяуляя. Педагог Эдуардас Бальчитис открывает шкафы, возится с розетками, вилками и проводами и ворчит: «Разве я хороший педагог? Хороший педагог должен все приготовить заранее. А у меня никогда нет времени...» Появляется кто-то из учеников и, изобразив расстроенную физиономию, сообщает, что не было каких-то ключей и что-то не могли взять из другого класса или, наоборот, что-то не могли там оставить, но теперь уже ключи нашли... «Ладно, давайте, заходите скорее», — говорит учитель. До чего же обычная картина! Урок начался с опозданием на пять минут, но когда он начался... Необычными были все оставшиеся сорок минут.

Дети — мальчишки и девочки 4-го класса — вошли и встали у парт. Учитель, не присаживаясь к пианино, берет для настройки аккорд и негромко поет: «С добрым утром, школьники!» Знаете, как звучит такой простейший звукоряд: до, ре, ми, фа, соль, соль, соль? Так вот, вместо этой скучной гаммы звучит приветствие учителя. А ученики хором отвечают в обратном движении, сверху вниз (соль, фа, ми, ре, до, до): «Здравствуйте, учителя!» (Так я перевожу с литовского, чтобы «уместить» приветствие в шесть слогов). Новый аккорд, на ступень выше — и вновь звучит приветствие; теперь еще раз — ниже, и вот уже дети распелись, настраивались и — хором можно спеть веселую песенку! Знак учителя, все садятся, и начинается игра: в руках у Эдуардаса Бальчитиса появляются карточки с нотными изображениями звуковых длительностей — чередование четвертей, восьмых, пауз и т. д. «Раз-два! Раз-два!..» — негромко считает учитель, под этот счет быстро меняет высоко поднятые в руках карточ-

ки, а дети, глядя на них, в заданном учителем темпе ритмично хлопают. Хлоп — четверть... Хлоп-хлоп... — две восьмые. Тишина — пауза... А я, сидя в своем углу, думаю, какая же бездна времени обычно уходит на то, чтобы научить детей хотя бы механически следовать нотному счету!..

Темп ускоряется, усложняются ритмические фигуры, учитель выстраивает на доске картонки в длинную ритмическую фразу, и ладошки ребят начинают ее вразнобой репетировать. Знак учителя — внимание, пробуем все вместе! — раз-два!.. Кто-то ошибся, кто-то не успел, начинают сначала — и вот четко, слажено, весело «прохлопали» всю фразу! Всё! Чуть раскраснелись, заблестели глаза — все довольны, будто побегали немного на переменке...

Но учитель уже взял на клавишах два звука, поднял ладонь, и надо эти два звука спеть: «Со-о-ль...» — тянут дети, ладонь учителя опускается ниже, меняется жест, и ученики уже легко и точно переходят на более низкую звуковую ступеньку: «Ми-и».

Тут мне не обойтись без нескольких специальных терминов: Эдуардас Бальчитис ведет сейчас сольфеджирование (пение, при котором произносятся не слова, а названия нот), употребляя при этом для обозначения высоты того или иного звука жестикуляцию — ручные знаки. Дети, глядя на руку педагога, которая наглядно демонстрирует движение звуков вверх и вниз, как бы «видят» мелодию, и это необычайно помогает быстрому развитию музыкального мышления.

Так, по ручным знакам, поют сперва хором; потом несколько учеников по очереди. Потом учитель подождал к себе одну из девочек, и она с удовольствием сменила его: подняла ладошку и стала показывать один знак за другим, а класс, глядя на нее, петь.

Несколько минут — закончено и с этим. Начинается новая часть урока, за которой я наблюдаю как за интереснейшим представлением: открывается шкаф, и Эдуардас Бальчитис, загадочно улыбаясь, достает из него инструменты: барабанчики, треугольник, бубен, марacas, палочки...

Ага, вот почему он улыбается! Ребята в нетерпении тянут руки: кому достанется барабан? Кому бубен? Треугольник? Хитрый учитель не спешит: «Ну-ну... Хорошо... Бубен... Кому же, а? Кто хорошо пел?.. На, Юргис, возьми ты!» И Юргис — самый счастливый человек на свете, потому что сейчас он станет ударять в этот бубен и

его будет слышно на весь класс и даже в коридоре!..

Инструменты розданы, распределены роли: «Ты ударишь на «раз». У тебя пауза... Ты, Гражина, стучишь по треугольнику на «раз» и на «два», ты, Юргис... А все остальные вместе с оркестром поем ту песню, что мы разучили в прошлый раз. Внимание!»

Внимание! Внимание, родители! Внимание, учителя! Внимание все люди, которые хотят, чтобы в детстве у детей было много счастливых минут и часов! Слушайте, как поют дети на уроке Эдуардаса Бальчитиса! Слушайте, как звучит их маленький оркестрик! Смотрите, сколько радости на их лицах! Они готовы не расставаться с этим детским счастьем — не расставаться с музыкой еще очень долго!.. И я думаю, они-то с ней не расстанутся...

Между тем отложены ударные инструменты, закончено пение, но знакомая мелодия возникает снова: каждый вынул из портфеля тоненькую пластмассовую дудочку (скажу по секрету — ту дешевую игрушку, что покупают малышам просто так, «подудеть») — и звучит теперь унисон дудочек. Кто-то молчит: не выучил. Кто-то ошибся: учитель поправил. А теперь дудочки, ударные и голоса исполняют песню еще раз — и она умолкает.

Учитель предлагает одному из ребят что-то сыграть на своей дудочке, тот бойко начинает, но под конец сбивается. Ничего — все равно за это пятерка. Играет затем девочка — у нее получается слишком отрывисто, учитель берет дудочку, показывает лишний раз всему классу, как надо ставить пальчики, как надо дуть, чтобы получался ровный, красивый звук, и ребята впервые узнают новый термин: «легато» — плавно.

Но покончено и с дудочками. Включен магнитофон. Какие инструменты звучат? Ребята внимательно вслушиваются. «Канклес!» — узнают они один за другим литовский народный инструмент, напоминающий наши гусли. «Верно», — говорит учитель, — ну а какое на строение, какой характер у музыки?» «Лиричная!» — говорит кто-то. Учитель не очень доволен ответом, слишком уж это общее понятие. И наперебой раздаются слова, которые по-литовски звучат так же красиво, как и по-русски: нежная, мягкая, светлая... «Верно! А еще?» Прозрачная, задумчивая... «Хорошо, кто найдет еще слово?» Как вечерняя заря...

И вдруг — звонок! «У-у-у...» — раздается недовольное гудение в классе. Недоволен и Эдуардас Баль-

читис. Хотя и не остывший от работы — от вдохновенной работы, — он качает головой и говорит мне:

— Ну вот, видите? На слушание не осталось времени. Нет, я действительно плохой учитель. Я увлекаюсь, начинаю импровизировать... Так мало успеваю за урок.

Я смотрю на него во все глаза: и это он говорит всерьез? И это — мало? За 40 минут?! Так что же тогда по его представлениям много?

— Я вас могу повести на урок в другую школу, в седьмой класс. Там я с ребятами занимаюсь уже четвертый год.

— А здесь, с этим классом сколько лет занимаетесь?

Он смеется, и я узнаю от него поразительную вещь: оказывается, эту школу только недавно выстроили (между прочим — великолепное здание, школьный дворец), вступила она в строй уже после начала учебного года. Школа построена не в новом районе, а в центре, и все дети, конечно, учились раньше в других, соседних школах, которые стали теперь разгружать. Понятно, что никто не хотел освобождаться от лучших учеников, и потому в новой школе сейчас повышенный процент «трудных» детей.

И вот с такими-то несложившимися, нелегкими коллективами четвероклассников Эдуардас Бальчитис поздней осенью приступил к занятиям. До той поры ребятам были знакомы обычные уроки музыки, где единицы, может быть, и поют, а большинство развлекается, как может... Значит, то, что я видел, — результат всего лишь трех-четырех месяцев работы! Причем Бальчитис — принципиальный противник занятий сверх часов, отпущенных на музыку программой: иначе, говорит он, моей методике не будут верить другие педагоги...

Урок, который он вел в 7-м классе школы имени Ю. Янониса, заставил меня все сорок пять минут задавать себе одни и те же вопросы: «Неужели это обыкновенные школьники? Неужели я не в музыкальном училище? Сорок пять минут один раз в неделю — и такие результаты?» Если бы я не видел, как шел урок, а только слышал его, например, в записи на пленку, я бы на все эти вопросы говорил «нет», «нет» и «не может быть». Но это был обыкновенный школьный урок. До того обыкновенный, что одного из мальчишек учитель выгнал за дверь. («Парень неплохой, — сокрушенно говорил потом Эдуардас, — но что-то с ним непонятное происходит. Стоит, руки в карманы, демонстративно ничего не делает. Я его раз попросил, чтобы

работал, другой, потом пришлось выгнать. Что? Он был огорчен? Вы видели? Ну тогда хорошо».)

Урок значительно отличался от того, что я видел в 4-м классе, хотя методы, способы обучения, показа, проверки были теми же. Но имеем дело с более младшими, Э. Бальчитис строил урок на активности, так сказать, «игровой», на детской любознательности, на непосредственном интересе ребенка к звуку, к движению, к ритму. Здесь же подход был иной: старших ребят учитель вовлек в настоящую творческую работу, он заставлял их прятать мышление, будил воображение, фантазию, ставил задачи, которые преодолеть бывало нелегко. Психологически это единственно верный подход: семиклассникам подавай твердые орешки, на манную кашку они не согласны.

Здесь уже в большом объеме демонстрируются серьезные музыкальные знания, а главное — развитое умение «внутренне» слышать музыку, музыкально «мыслить».

Урок начинается унисонным распеванием — необычайно чистым, без единой фальшивинки — нескольких гамм. Из одной тональности, следуя «молчаливым» — ручным знакам педагога, ученики переходят (модулируют) в другую: до-мажор, ре-минор, до-мажор, фа-мажор... И любой из учеников верно определяет звучащую тональность. Затем учитель рукой импровизирует — один, другой, третий ученики и все вместе поют слуховой диктант. Затем учитель берет две указки — белую и синюю — и на таблице, изображающей звуковую «лестницу», начинает указывать звуковые ступени. Класс, разделенный пополам, поет в два голоса, следуя движениям указок учителя. Напряженность, внимательность, удивительное творческое единство учителя и детей! Импровизация закончена — начались ритмические хлопки по карточкам, которые сменяются с такой быстротой, что и это упражнение превращается в азартное «действие», где просто невозможно ошибиться и сбить общий четкий ритм, испортить работу сорока человек! Синкопы, шестнадцатые, ноты с точками — познают сложнейшие ритмические построения.

Включен магнитофон. Звучит оратория литовского композитора Э. Вальсиса «Не трогайте голубой глобус». Произведение это, посвященное жертвам минувшей войны, написано современным музыкальным языком, и оно не простое по форме. Ребята слушают музыку. Потом, когда она умолкает, обсуждают: что выражает музыка? Ка-

кими средствами? Был ли отрывок полифоническим? Какая полифония (контрастная, имитация)? Какой пел голос (сопрано, меццо-сопрано)? Какие звучали ударные инструменты?

Все встают. Одна из девочек запекает протяжную литовскую песню. Хор присоединяется. Поет другая девочка, третья — звучат песни разного характера: и живые, и задумчивые — и поются они чисто, красиво, с чувством.

Сели — и у каждого в руках по две небольших трубочки. Это скудчай — народные инструменты, которые до последнего времени были полузабыты, а теперь стараниями литовских фольклористов вновь вызваны к жизни.

Взмах учителя-дирижера — и разом, весело, будто компания ребят бросилась плескаться в солнечную речку, заиграли скудчай! Каждый на своей трубочке может сыграть лишь одну ноту — представляет, какая слаженность нужна ансамблю? А у ребят не то что слаженность — прямо-таки виртуозность, настолько четко, ярко, выразительно они играют!

Потом было и пение под аккомпанемент скудчай; было и разучивание новой пьесы по партитуре, когда казалось, что я нахожусь на репетиции настоящего оркестра — настолько «влезали» школьники в свои листочки с нотами!.. И было знакомое мне недовольное «у-у-у...» всего класса, когда прозвенел звонок с урока.

Итак, о чем же я рассказал? О прекрасных уроках прекрасного педагога? Что ж, резонно скажут мне, повезло детям.

Отвечу на это вполне определенно: Эдуардас Бальчитис — действительно прекрасный педагог. Но он же первый будет глубоко переживать, если то, что делается в Шяуляе, я или кто-то другой отнесут на счет его собственных качеств. Он постоянно подчеркивает, что создавал и отработывал методику, доступную *любому* педагогу, пригодную для *любой* школы. «Я — плохой учитель», — говорит Э. Бальчитис и знакомит меня с молодой учительницей Т. Новиковайте, которая перед началом учебного года за несколько недель (!) изучила все, что написано по новой методике, и теперь ведет блестящие уроки («Куда лучше, чем я»).

«Мне приходится выгонять из класса», — говорит Э. Бальчитис и рассказывает о школе, где, к изумлению директора, самая лучшая, идеальнейшая дисциплина царит на уроках музыки: там учительницу Я. Вайткене дети обожают.

И еще Бальчитис ведет меня в

школу, где по новой методе ведет занятия немолодой уже педагог М. Курила. Он опытный руководитель самодеятельных хоров, его детский духовой оркестр известен во всей Литве. И вот теперь он с энтузиазмом обратился к тому, чтобы и его занятия на уроке дали тот же блестящий результат, что и внеклассная работа с детьми. И первые результаты уже значительны.

Все то, что я видел и слышал на уроках в школах Шяуляе, — это не единичный успех одного человека, а успех особой системы преподавания музыки в школе. Системы, которая нашла поддержку как у других учителей, так и у городской администрации. Сегодня все двенадцать школ города занимают по новой методике. Взявшись за разработку своих методов преподавания музыки — а точнее, методов развития музыкального мышления и методов музыкального воспитания в условиях школьного урока — Эдуардас Бальчитис был вооружен глубокими знаниями в этой области. Он окончил по специальности «музыка» Вильнюсский педагогический институт, затем в Москве, при НИИ художественного воспитания АПН СССР окончил аспирантуру и защитил диссертацию, получив степень кандидата педагогических наук. Он много преподавал в школах, наблюдал за детским восприятием музыки.

Сейчас Э. Бальчитис руководит кафедрой музыки Шяуляйского пединститута, занимается с будущими педагогами начальной и средней школы, но еще и ведет уроки у школьников. Он является одним из авторов новых учебников музыки для литовских школ (готовятся к печати). Разработать новую систему (а она разработана в деталях, вплоть до точной почасовой и даже поминутной разбивки программы), а главное, убедить в ее жизнеспособности было нелегко. Но Э. Бальчитис опирался на помощь и поддержку тех энтузиастов, кто в Литве работает в том же направлении, что и он. Это вильнюсские педагоги А. Пеличяускас, И. Пятрошюс (он придумал много простых и удобных приспособлений для кабинетов музыки, предложил делать скудчай из пластмассы), шяуляйские преподаватели З. Ринкявичюс, В. Сургаутайте, С. Синкявичюс из города Капсукаса и многие другие, а также ряд литовских композиторов, которые пишут музыку для школьных учебников и пособий.

Несколько лет, прошедших с начала этой огромной работы, позволяют увидеть уже, что благотвори-

ные перемены коснулись всего, что связано с детским музыкальным воспитанием: музыкального образования будущих педагогов в Шяуляйском институте; музыкальных занятий в дошкольных детских учреждениях; уроков музыки в средней школе.

Музыкальный совет при горисполкоме занят постоянным улучшением условий для музыкального воспитания. Сейчас во всех школах работают высококвалифицированные музыканты-педагоги, большинство из которых — с высшим образованием. В каждой школе создан кабинет музыки. Меняется в хорошую сторону и положение с музыкальными воспитателями в садах. Совет следит за постановкой концертной работы. Город ставит вопрос о штатной должности инспектора-консультанта, который, являясь образованным музыкантом, вел бы организационную работу (смотри, конкурсы, праздники песни и т. п.). Или такая, казалось бы, мелочь: должность настраивщика школьных пианино, — разве она не нужна?

Атмосфера пристального общественного внимания ко всему, что связано с проблемой «музыка и дети», существует в этом небольшом литовском городе.

...Так разве не повезло стотысячному жителю города Рамунасу? Разве не повезло ему, что родился он в Шяуляе в начале 1972 года? Музыка не обойдет его стороной. Она — я уверен — поможет ему вырасти добрым, красивым юношей. И я хотел бы когда-нибудь, когда ты, Рамунас, будешь молодым человеком, а Эдуардас Бальчитис и я станем уже далеко не молодыми людьми, встретиться всем троим в Шяуляе и вместе послушать хорошую музыку.

До встречи, Рамунас!

Феликс РОЗИНЕР



книжные доктора

Свитки из папируса — так выглядела книга в античной Греции, в древнем Риме, в старом Египте. Папирус изготовлялся из сердцевин тростникового растения. Свитки и делавшиеся позднее кодексы — книги из папируса — очень боялись влаги и в большинстве своем не дошли до наших дней. Только в сухом климате Египта папирусные свитки сохранялись немного лучше, хотя и там их погубило от войн, пожаров и просто от времени тоже достаточно много. Первые папирусные свитки, сохранившиеся в Европе, были открыты в 1752 году при раскопках древнего города Геркуланума, некогда засыпанного пеплом при извержении Везувия. Находились они в доме консула Кальпурния Пизона, обладавшего большой библиотекой. Трудно сказать, сколько погубило драгоценных свитков, прежде чем люди поняли, что это такое. Ведь сплюснутые, обуглившиеся останки меньше всего напоминали классические рулоны свитков, хорошо известные по античным изображениям. Рабочие приняли эти странные предметы просто за обуглившиеся дерево и уголь и поэтому помещение, где их найдено было больше всего, так и назвали «лаковой угольщика».

Когда же, наконец, стало ясно, что произошла первая встреча с античной книгой, впечатление, произведенное на современников, оказалось невероятно сильным. Знаменитая писательница мадам де Сталь, посетившая раскопки, рассказывала, что она боялась дышать, «чтобы дыхание не размело этой пыли, в которой, может быть, еще дремлют благородные мысли». Однако не все, столкнувшиеся со спасенными сокровищами, оказались столь осторожными, как мадам де Сталь. Нашелся некий Камилло Падерни, который без малейшего душевного трепета решил развернуть и прочесть найденные книги. Дело это требовало величайшего терпения, потому что обугленный папирус очень легко рассыпался, но Падерни был человеком решительным. Он смело разрезал свиток вдоль острым ножом — и тот распадался на две половины. Падерни перерисовывал буквы, видимые на поверхности каждой из них. Потом соскребывал верхний слой, чтобы увидеть следующий, который после перерисовки уничтожал тоже. Работал Падерни быстро, и всего лишь за год уничтожил таким образом 142 папируса из найденных 800... Он, наверное, успел бы сделать гораздо больше, если бы, к счастью, не нашелся талантливый человек, который знал способ спасения обугленных свитков. Это был генуэзец Антонио Пиаджио, высокообразованный человек, бывший управляющий художественной галерей в Ватикане.

Пиаджио, всей душой стремясь спасти бесценные рукописи, приступил к работе с величайшим терпением. Он изобрел специальное приспособление, при помощи которого начал медленно разворачивать найденные свитки. Работа подвигалась медленно — за семь лет удалось развернуть и прочесть только семь свитков... В течение всего XIX века и первой половины XX века лучшие специалисты, химики и реставраторы тщетно пытались найти более быстрый способ развернуть геркуланумские свитки, не уничтожив их навсегда. Во время

Мы привыкли относиться к книге как к величайшему чуду и порой забываем, что было к ней и совсем другое отношение. «Уж коли зло пресечь, собрать все книги бы да сжечь», — грибоедовский Фамусов в этом своем стремлении был, увы, совсем не один.

Римские цезари приказывали сжигать неудобные им книги, забивать насмерть их авторов, казнили даже переписчиков... Но особенно плохо приходилось книге в мрачные времена средневековья. На кострах инквизиции погибали и авторы еретических книг, горели и сами эти книги... Опасно было не только писать, но и издавать книги, которые содержали хоть малейшую критику церковных деяний. Достаточно сказать, что инквизиция сожгла переводчика на французский язык книги Эразма Роттердамского «Похвала глупости» Беркена и замечательного лондонского издателя Этьена Доле... Особенно преследовались церковью произведения античных авторов, считавшихся бесконечно греховными. Мы привыкли верить в могущество написанного слова, но ведь до наших дней дошло только 7 из 123 трагедий Софокла и столько же — из 90 произведений Эсхила. В средневековых монастырях монахи трудолюбиво, ради спасения души, выскабливали со страниц старых пергаментных книг творения античных авторов и в сотый и тысячный раз переписывали евангелие и его богословские толкования...

Тем больше славы и уважения заслуживают люди, во все времена пытавшиеся спасти книгу от забвения и смерти. И в наши дни не исчезла надежда отыскать неизвестные творения древности. Если пользоваться медицинской терминологией, можно сказать, что иногда книгу воскрешают после клинической смерти. Так произошло, например, со многими палимпсестами. Палимпсесты — это как раз и есть те пергаментные книги, первоначальный текст которых был выскоблен монахами. Еще в начале XIX века такие книги пытались обрабатывать химическими реактивами, чтобы восстановить первоначальные строчки. Но способ этот не давал хороших результатов и часто разрушал пергамент. И только когда было изобретено фотографирование в ультрафиолетовых и инфракрасных лучах, многие палимпсесты оказались прочитанными. И вот благодаря этому отысканию мы становимся свидетелями настоящего чуда: сивозь бесконечные строчки псалмов святого Августина проступают неизвестные доселе страницы знаменитой книги Цицерона «Республика» или комедий Плавта...

Но книгам угрожали всегда не только войны и пожары, невежество и злоба. Часто старые издания погибали от излишней влажности или сухости

в книгохранилищах, от плесени и насекомых-вредителей. Сейчас во всех крупных библиотеках есть отделы гигиены и реставрации книг. Здесь работают подлинные книжные доктора, пытающиеся уберечь книги от самых различных заболеваний, начиная с «книжной чумы» — плесени и кончая повреждениями от бактерий, старением бумаги или действием света. Увы, самой нестойкой оказывается современная бумага, изготовленная из древесины. Срок ее жизни — всего лишь около пятидесяти лет, а старая бумага из тряпья могла прожить лет двести, а то и больше при благоприятных условиях хранения. Недаром сейчас на повесте дня стоит вопрос о применении для издания книг бумаги из синтетических волокон.

А что же делать с ценными книгами, бумага которых становится совсем ветхой? Сейчас «книжные доктора» применяют для таких книг новые методы «лечения». Бумажные листы покрывают прозрачными химическими составами и помещают под пресс. После этого бумага делается прочной и гладкой, не боится никаких вредителей, а текст можно легко прочесть. Много труда приходится затратить, чтобы спасти от разрушения древние книги, сильно пострадавшие от времени. В своей работе «Люди, книги, библиотеки» Б. Горбачевский рассказывает, как был реставрирован пер-



книжные доктора

венец русского книгописания «Остромирово евангелие». В 1957 году этой книге исполнилось 900 лет. «Накануне этой даты, — пишет Б. Горбачевский, — работники отдела гигиены и реставрации книг Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина совместно с крупными советскими учеными реставрировали 294 пергаментных листа знаменитой рукописи. Это был нелегкий труд. Книга требовала основательного ремонта. Одни листы осыпались покоробленными, другие сильно загрязненными. На многих листах виднелись толстые следы потеков воска. Грубые заплатки на местах разрыва пергамента изуродовали текст. Краски и чернила настолько потускнели, что некоторые страницы было трудно читать. Осыпались золото и краски на заставках и заглавных буквах.

Почти два года продолжалась работа. Реставраторы обошлись без единого химического реактива, пользуясь для промывки пергаментных листов дистиллированной водой. Под специальным прессом они растягивали и разглаживали пергамент. После окончания реставрации листы «Остромирова евангелия» были полностью восстановлены».

Работники книгохранилищ постоянно просматривают книжные фонды, чтобы своевременно найти «заболевшие» книги, изолировать их, чтобы

не заразили других (многие книжные болезни заразны так же, как и человеческие), и передать «больных» для «лечения».

Однако так же, как и у людей, главная забота у «книжных докторов» не «лечение», а предупреждение болезней. Для этого в книгохранилищах не должно быть резких колебаний температуры. (Лучшая температура для книг — 16—18 градусов тепла.) И света книги боятся; особенно страшны им прямые солнечные лучи. Если вы проходили в Москве мимо нового здания Библиотеки имени В. И. Ленина, то, наверное, обратили внимание на матовые окна книгохранилища, пропускающие только рассеянный свет. Очень боятся книги и излишней влажности, и сухости воздуха, плесневых грибов и насекомых — жуков. Известно два случая полного уничтожения книг в библиотеке исторического общества в Массачусетсе (США) этими жуками. Поэтому книги время от времени дезинфицируют, а в помещении книгохранилища специальные приборы следят за постоянной влажностью воздуха.

Но это все в крупных библиотеках. А как наладить жизнь книг у нас дома, чтобы болезни угрожали им как можно реже? Вероятно, не стоит забывать о том, что чем чаще книгу снимают с полки, тем меньше опасностей ей угрожает. Можно вовремя заметить и грибковые заболевания, и повреждения, вызванные насекомыми, и вовремя провести дезинфекцию формалином (протереть книги тампоном, смоченным этим веществом). Книжные шкафы время от времени надо проветривать. И особенно тщательно нужно бороться с пылью, помня о том, что она вредна не только книгам, но и человеческим легким. Книги на полках должны быть расставлены достаточно плотно, но не чрезмерно тесно, а то и не вытащишь. Плотная расстановка, кроме экономии места, еще и предохраняет книги от пыли. Словом, советов может быть много, и самый, наверное, главный рецепт от книжных болезней заключен в афоризме Макаренко: «Книги — это переплетенные люди, и заслуживают столь же бережного обращения».

Есть много изданий, посвященных истории воскрешения старых книг, их лечению и реставрации. Перечислим некоторые из них: Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о книгах. М., 1959; Немировский Е. Л. и Горбачевский Б. С. С книгой через века и страны. М., 1964; Берков П. Н. О людях и книгах. М., 1965; Овсянников Ю. М. Путешествие в страну Разума. Очерки о Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина. М., 1962.

Л. ГРЕБЕННИКОВА

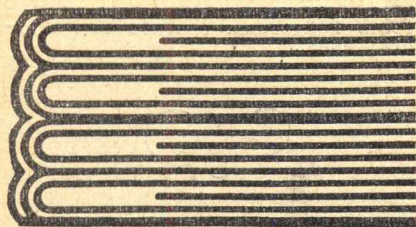
этих экспериментов многие рукописи были полностью испорчены, а положительных результатов так и не было получено. До сих пор приспособление Пиаджио — единственное, позволяющее добиться успеха. Но как же медленно подвигается дело — до сих пор треть найденных свитков еще ждет прочтения...



В отделах редких книг крупных библиотек хранится много рукописных и печатных изданий, сохранившихся в считанных, а то и единственных экземплярах. Реставраторы проявляют чудеса терпения и мастерства, чтобы сохранить эти ценнейшие издания от действия времени и всевозможных врагов книг. Но как сделать эти редкости достоянием читателей? Ведь порой не только работать с ними — лишний раз перелистать эти издания опасно. И как быть жителям далеких городов? Можно, конечно, снять книгу или рукопись на фотопленку в уменьшенном виде — иначе говоря, создать микрофильм. Но микрофильм можно прочесть только в библиотеке — нужны специальные аппараты для чтения. А между тем есть очень интересный способ создания копий редких книг, в точности воспроизводящий все особенности оригинала. И каждый может иметь такую копию у себя, в домашней библиотеке. Это так называемые факсимильные издания. В середине прошлого века изданием факсимиле древних иллюстрированных рукописей особенно прославился французский издатель Кюрмер, применявший все новейшие тогда методы полиграфии и не жалевший никаких средств, чтобы как можно лучше передать внешний вид оригинала. Одно из лучших его изданий — факсимильное воспроизведение исключительно красивой книги эпохи Возрождения — молитвенника французской королевы Анны Бретонской. Поля этой рукописи художник украсил знаменитым орнаментом, представлявшим собой зарисовки с натуры всех цветов Франции во всем их многокрасочном великолепии. Считается, что этот молитвенник мог бы служить и пособием по ботанике. Иногда факсимильные издания сами становятся библиографическими редкостями. Вот любопытная история одной из таких перепечаток. Как известно, знаменитый французский революционер Жан-Поль-Марат был убит кинжалом в тот момент, когда он читал последний номер своей газеты «Друг народа». Экземпляр газеты с пятнами крови Марата сохранился и впоследствии оказался в антикварной лавке Тибо. Когда сыну Тибо Анатолию исполнилось 19 лет, отец подарил ему номер «Друга народа» с кровью Марата. Страстный книголюб Анатолий Тибо, которого весь мир знает под именем Анатоля Франса, решил издать для своих друзей факсимильную фототипию этого номера. Было напечатано всего лишь пятьдесят экземпляров...

В нашей стране факсимильные издания тоже появляются довольно часто. Так, в любой районной библиотеке можно встретить на полках, скажем, прекрасную репродукцию легендарной газеты Герцена «Колокол», полностью воспроизводящую все особенности подлинника.





В роскошной упаковке

Жан-Луи Кюртис. МОЛОДОЖЕНЬ. Роман. Перевод с французского Л. Лунгиной. «Новый мир», № 8 и 9, 1971 год.

Впервые мы встречаем их на берегу моря. Вокруг молодой французской четы, совершающей свадебное путешествие по Италии, разлита атмосфера счастья. Все окрашено лазурью: блеск волн, оттенки высокого неба, прозрачный воздух...

На грешную землю нас возвращает неожиданный возглас Вероники:

— А почему мы купаемся на самом дешевом пляже?

Мы приглядываемся и восхитительному побережью и только тут замечаем какие-то странные, даже не сразу нам понятные перегородки. Увы, пляжи действительно перегорожены, и чем дальше мы отходим от Энгельсиора, где нежатся на солнце сильные этого мира, тем дешевле оценивается доступ к морской воде и золотому песку. Недаром Жиль называет прогулку по пляжу предметным уроком экспериментальной социологии, недаром эти перегородки на пляже символизируют в его представлении перегородки внутри буржуазного общества.

Но что касается личного счастья молодоженов, то тут мы все еще настроены идиллически и первую небезважную тучку расцениваем покачалу так же, как и сам молодой муж: думаем, что всё пустыни, что Вероника ребячлива по характеру, отсюда и эти детские мгновенные прихоти. Мы вместе с Жилем добродушно улыбаемся, когда Вероника признается ему в своем жгучем желании — хоть один сутки прожить в роскошном отеле, готовом пожрать за двадцать четыре часа весь их недельный бюджет.

— Хоть на одну ночь, дорогой! А потом будем всем рассказывать, что мы жили там все время!

Смешная девочка... Ребячья фантазия... Странно только, что все ее желания скроены по одному образцу. Хоть раз пообедать в самом дорогом ресторане! Хоть разок сходить на самый аристократический пляж!

Только к концу путешествия начинает трезветь бедный влюбленный. Еще вчера он пытался отнестись к «современной свободной манеры». Сегодня он с болью, но уже с полной определенностью записывает в дневник окончательный вывод насчет неумных требований его жены. «Это роднички из огромного подспудного озера». А озеро это — жажда роскоши, стяжательская алчность к вещам, тщеславное желание блистать...

Молодожены возвращаются в Париж, где им предстоит хлопотливые будни. Поиски доступной квартиры. Покупка мебели. Самоутверждение в обществе. И теперь уже без всяких ребяческих интонаций, а напротив, с некоторым даже металлом в голосе Вероника требует от мужа «продажничества по службе». Это требование энергично поддерживает ее отец, ветеринар, врачующий собак и кошек в «изысканных домах».

«Я был всего лишь молодым инженером, занимающим пока вполне скромную должность, — записывает Жиль в своем дневнике, — с точки зрения тех ценностей, которые он (отец Вероники) признавал и которым поклонялся, я был вообще вне игры...»

Жиль ищет более выгодной работы. Он выходит из дому ранним утром, когда над городом еще струится нежная сиреневая дымка. Но ближе к полудню великолепие неба и земли уже задымлено выхлопными газами. Идя вслед за Жилем, читатель видит людей из различных слоев общества.

Вот технократы — «соль земли второй половины 20-го века». Ну, например, те, что заправляют в «Юниверсал моторс». Они требуют от Жилия письменного обязательства, напоминающего об обряде пострижения в монахи. «Илянусь посвятить все свое время, все свои способности и силы исключительно службе компании...»

А вот и рядовые граждане, несущиеся, как в марафонском беге, в погоне за счастьем, вернее за мифом о счастье. За деньгами, за материальными ценностями, за настовыми привилегиями...

Нам приоткрывается и мир «газетных полос, любительских кинокамер, транзисторов, телевизоров, переизбытка художественных впечатлений». Ведь «потребительское общество» — это не только обладание красивыми, умными, услужливыми вещами. Это

еще и «цивилизация досуга», это общество, где для многих понятие о счастье связано с непрекращающимся праздником.

Особенно бездумно предаются развлечением самые молодые, кому еще нет двадцати. Вот они танцуют. Пользуясь их скоплением, писатель показывает нам их крупным планом, через восприятие Жилия.

«Все эти подростки безупречно элегантны... Дети потребительского общества, они сами похожи на продукты потребления высшего качества в роскошной упаковке. Так и хочется купить их с пяток и унести домой в целлофановых пакетиках».

В такой мягкой, иронической форме подает нам Жиль страшную, в сущности, мысль: человеческие существа, обезличенные и стандартизированные, — такой же «поточный» продукт капиталистического производства, как любой другой.

Главная удача романиста — два центральных женских образа, в которых наиболее полно выражается дух времени. Это уже знакомая нам Вероника и ее подруга Ариана, которую Жиль метко окрестил амазонкой потребительского общества.

Ариана — это как бы второе «Я» Вероники, ее идеал, ее учительница жизни и в то же время предмет постоянной зависти. Именно Ариана воплощает в себе тот самый миф о счастье, за которым так иступленно гонится Вероника, сокрушая на ходу преданное сердце Жилия, а позднее бросающая на этой дорожке и свое дитя.

Что же входит в состав Арианного счастья? Квартира в доме люкс «для молодых административных кадров». Весь набор самонавейшей домашней техники. Мебель, обитая нейлоновым плюшем на водостойкой основе. Ну и, конечно, «всякие там штучки-дрючки»: стереофонический суперпроигрыватель, магнитофон и прочее... Предметом почти религиозного культа служат в этой семье два автомобиля новейших марок.

Вещи! Вещи! Вещи! Ненасытная страсть обладания ими сжигает Веронику. Даже в добрые минуты, поверяя мужу свои мечты и планы, она говорит только о покупках («Мы отхватим...»). И какая ярость овладевает молодой женщиной, когда она встречает непреодолимые препятствия на пути своего стяжательства! «Я чувствую себя обчитанной», — говорит она со слезами на глазах.

Обчитанности! Точное словцо... Оно стирает с красивого лица современной «утонченной» женщины весь грим. Уже без тени сомнения, с холодным отчаянием Жиль заносит в свой дневник страшные для любви слова: «В Веронике сидит какой-то чудовищный невидимый спрут, кото-

рый мириадами своих присосок стремится перекачать в себя всю материальность мира».

Как возмущилась бы Вероника, доведись ей прочесть эту характеристику! Да разве она ограничивается одной материальностью мира! Разве и она и Ариана не «на уровне» современных интеллектуальных требований, и даже с некоторым креном влево!

Вот перед нами Ариана за столом первоклассного ресторана. Она говорит профессорским тоном, точно с кафедр. Речь идет об американских неграх, и Ариана, конечно же, возмущается расизмом. Но одновременно не забывает делать высокомерные замечания официанту.

Вероника жадно внимает «дозированному месиву из вьетнамских военнопленных и последних моделей самых модных портних», стараясь вобрать в себя весь набор необходимых словесных штампов. Вероника — способная ученица. С каждым днем она все больше похожа на Ариану, на сотни ей подобных, у которых всё — «псевдо», которые всегда играют роль, как на сцене, и смотрят на себя со стороны. Эти прикидываются изысканными и утонченными. Другие сбрасывают с себя элегантные костюмы, чтобы примкнуть к сборищам нечесанных, оборванных «хиппи» и зашлепать босыми ногами по асфальту, изображая поиски утоления духовной жажды через опрожнение и бедность, «сексуальную революцию» и наркотики.

Жиль с ужасом убеждается, что мир вокруг него какой-то ненастоящий, что в нем никто не хочет быть самим собой. До отчаяния уныл внутренний мир этих людей. В зоологическом энзиме, в свистопляске стяжательства деформируется самый строй души, распадаются даже изначальные человеческие ценности. Материнство нисколько не меняет Веронику. Она рассеянно улыбается дочке, бросая ее на приходящую няню. При разводе с Жилем она с поразительной легкостью соглашается оставить девочку отцу.

В романе рассыпаны любопытные картины семейного воспитания. Они относятся то к брату Вероники Жан-Марку, то к десятилетнему сыну Арианы Рональду. Из этих зарисовок становится ясно, как формируются люди, которые не только не желают «быть обситанными», но и не стесняются при общении своих ближних. С веселым цинизмом Жан-Марк проталкивается к удовлетворению двух своих страстей: иметь деньги и прослыть аристократом. Воспитание в семье ветеринара он завершает воспитанием «в шаркари кабаре на левом берегу Сены».

Что касается воспитательных мето-

дов «прогрессивной» Арианы, то они отлично обрисованы в таком эпизоде. В день рождения десятилетнему Рональду родители предлагают выбрать один из трех возможных подарков: модель космической ракеты, любые книги на сумму 20 тысяч старых франков или... акции компании «Шелл». Малютка, не задумываясь, отвергает как игрушку, так и книги и останавливает свой выбор на акциях. При этом мальчик деловито добавляет, что теперь ему придется ежедневно просматривать биржевую сводку в папиной газете.

В романе Кюртиса, внешне представляющем собой всего лишь историю одного несчастного брака, читатель найдет не только выразительную картину нравов современного западного мира, но и убедительные раздумья о реальных и мифических ценностях человека.

Вся авторская тревога за непреходящие сокровища человеческого духа, уничтожаемые «потребительским обществом», нашли выражение в образе Жили. Жиль вовсе не борец и не герой. Это всего только умный и чистый человек. Фиглярство современной моды ему еще отвратительней, чем те извечные стяжательские инстинкты, которые этим фиглярством маскируются. Кроме того, Жиль добр. Доброта свозит даже свозь самые, казалось бы, ехидные записи в его дневнике.

В этом смысле особенно интересна финальная сцена романа: Вероника нашла другого мужа, «настоящего мужчину», богатого, блестящего, подобоострастно встречаемого в фешенебельных ресторанах. Сияя красотой и элегантностью туалета, она приходит к Жилю, чтобы договориться о формальностях бракоразводной процедуры.

Между бывшими счастливыми молодоженами уже нет и тени любви. Зато возникает жалость. Кто же кого жалеет? Оказывается, жалеет... Жиль. Оставленный с маленькой дочкой на руках, в бедной квартирке, без всяких служебных перспектив, он все же остро жалеет богатую Веронику.

Эту нарядную богатую даму он жалеет за бедностью! За нищету душевную: «Она катастрофически бедна и останется такой и во дворцах Венеции, и в виллах на Лазурном берегу... Ведь она ничем не обладала, кроме красивого лица, красивого голоса, красивых манер...»

Но сможет ли быть счастливым и «старомодный» милый Жиль в этом обществе, где все продается и покупается? Правда, пока кроме сокровищ сердца и ума у него есть любовь его маленькой дочки. Но... «Требования новых поколений в ближайшие годы будут все возрастать, становиться все более дерзкими. Чем только не при-

дется откупаться от детей, чтобы сохранить их привязанность?» — тревожно размышляет Жиль.

Но это еще завтра. А сегодня... «Моя Мари... еще не знает, что у меня нет ни «роллс-ройса», ни громкого имени... Для нее я еще прекрасный и замечательный. И пока она не достигнет разумного возраста, она будет меня любить. Наверняка будет любить своим сердечком, не знающим расчета. Я могу еще быть счастливым. У меня есть отсрочка по меньшей мере на три года».

Что ж! Совсем неплохой срок для общества, где царит неуверенность в каждом завтрашнем утре.

Е. АКСЁНОВА

аксиома счастья

И. Зюзюкин. МОСТ ЧЕРЕЗ РЕЧКУ ДЕТСТВА. М., «Молодая гвардия», 1971.

Статьи и очерки, составившие эту книгу, написаны в разное время о разных людях, взрослых и детях, живущих в самых разных местах нашей страны. Есть здесь исторические и географические отступления, параллели — они помогают углубить сегодняшнее раздумье, заботы, поиски. Форма изложения отличается гибкостью и многообразием: это и лирический монолог, и четкий лапидарный репортаж, и зарисовка, и документ. Немалое место занимают в книге всякого рода анкетные подборки, выдержки из писем, записи подлинных бесед и высказываний.

Автор не строит особых иллюзий относительно новизны своих педагогических находок и умозаключений. «Это сплошное открытие америк!» — с улыбкой восклицает он и добавляет, что вообще практика воспитания более чем что-либо другое есть повторение пройденного.

Что же, однако, делает эту книгу книгой, а не сборником пестрых, случайно соседствующих друг с другом заметок? Ясно осознанный и четко выраженный общий подход, который проглядывается через разнообразные картины, штрихи и сведения.

Прежде всего, говорит автор, важно осознать и усвоить, что уже ранний возраст — это не «безмятежная пора». Небо над страной детства не всегда безоблачно; дети не только смеются, но и плачут; детские обиды и горести ничуть не легче и, пожалуй, острее наших, взрослых горестей и обид. С присущей ему увлеченной склонностью к броским высказыва-

ниям и поэтическим гиперболам, но не уходя далеко от истины, И. Зюжюкин восклицает: «Если бы удалось изобрести телескоп, позволяющий заглянуть в душу ребенка, мы увидели бы, что в ней бушуют процессы, в сравнении с которыми распады и рождения галактик просто ничто». Сложный, противоречивый, безмерный мир внутри и вокруг нас — к распознаванию, пониманию и верной оценке всего происходящего в этом мире, а также к посильному участию в преображении его надо готовить ребенка уже с детства. При этом, конечно, следует умело и мудро дозировать «питание», переводить малыша со ступеньки на ступеньку, не забывая предела возможности разных возрастных групп и в согласии с особенными запросами и свойствами каждого маленького человека.

С детьми можно играть, но нельзя ими играть, пишет автор. Нужно лепить их мир таким, каким они его хотели бы видеть — заманчивым, тающим чудеса и загадки. Но в то же время это должен быть реальный, не приукрашенный мир. Нельзя уводить детей насовсем от того, что волнует взрослых. Нет ничего ужасного в естественном стремлении подростка «побывать на всех этажах жизни». Надо только тактично направлять это стремление. Дети часто не понимают, чего мы от них хотим, но и мы не всегда отдаем себе отчет, что им нужно. Возникает «изнурительная война нервов». Мы нередко упускаем из виду тот порог, когда для сына или дочери наступает, что называется, переходный возраст. Нас выводят из себя их эксцентрические поступки, вызывающее поведение, крайние и переменчивые безапелляционные суждения, казалось бы, необъяснимая двойственность и противоречивость во всем. Мы вразумляем, наказываем их — вместо того чтобы проникнуться их переживаниями, помочь им в их жажде деятельности, самоутверждения. По инерции, со страхом и упорством стараемся мы как можно дольше удерживать их возле себя — в то время как им уже требуется множественное, разнородное и выборочное общение.

Аксиома счастья, по мнению И. Зюжюкина, такова: чем больше радости у тебя в детстве, тем больше посеешь их впоследствии вокруг себя; никакая щедрость не испортит ребенка, если она продинтована не только любовью, но и уважением.

Впрочем, педагогика нуждается в научных исследованиях, а не только в поэтических догадках, справедливо замечает сам автор. С энтузиазмом повествует он о различных экспериментах, ставящих себе целью определить, например, «когда у детей наступает критическая температура душевного

подъема и почему, в каких условиях у них появляется полная апатия», как управлять явлением психологической несовместимости отдельных групп...

В книге очень много проникновенно правдивого, нешаблонного, заслуживающего не только прочтения, но и анализа, глубокого осмысления. Много страниц посвящено здесь подвижнической работе учителя, воссозданию его «несреднеарифметической» личности... Поучительна и волнующа рассказанная И. Зюжюкиным история Мстерской коммуны 20-х годов, с ее замечательными принципами и методами учения и воспитания...

Короче говоря, по части конкретной и наглядной педагогики эта книга всем нам во многом полезна, нужна и интересна.

Г. КАГАНОВСКИЙ

любят ли вас собаки?

Конрад Лоренц. ЧЕЛОВЕК НАХОДИТ ДРУГА. Перевод с немецкого. М., «Мир», 1971.

В самом нежном возрасте щенки оказываются в руках человека. Как же получается, что человек и собаку, два существа, по своей организации отдаленные друг от друга намного больше, чем два самых непохожих человека, могут прекрасно ладить и даже любить друг друга?

Несколько секретов этой необычной дружбы раскрывает нам книга из-

вестного австрийского зоопсихолога Конрада Лоренца.

В жизни животного бывает несколько «периодов запечатления», когда оно легче всего обучается какому-нибудь определенному навыку. Это накладывает отпечаток и на взаимоотношения животных с людьми. «Не следует ждать, — пишет Лоренц, — что диное животное будет обходиться с человеком иначе, чем с особями своего вида». Вылупившийся утенок пойдет за первым движущимся предметом, попавшимся ему на глаза, как за своей матерью, если близости не окажется утки. Если же в это время он не увидит рядом ничего подходящего, то так и вырастет ни к кому и ни к чему не привязанным.

То же происходит и со щенком. Он тоже признает своим хозяином в строго определенное время. Прежде чем подарить щенка жене, Конрад Лоренц неделю протерпел его у сестры. Этой недели хватило, чтобы собака законной своей владелицей навсегда признала сестру, хотя это и не помешало ей хорошо относиться к более поздней хозяйке. Потом, когда щенок вырастает, вступает в силу другое «запечатление»: «детская зависимость от родителей четко меняется взрослой преданностью вожану стаи, причем это происходит, даже когда щенок растет в изоляции от себе подобных, а «собака-родитель» и «вожак стаи» воплощены в одном человеке». Вот где таится собака верность и преданность! На основе врожденной реакции материнства возникла, как пишет Лоренц, и самая тесная дружба, какую он только встречал между кошкой и собакой. Трудно не поделиться с читателями этой маленькой и трогательной историей: «Они не только вместе играли, но вообще предпочитали общество друг друга всему остальному и (этого я больше никогда нигде не наблюдал) отправлялись вдвоем гулять по саду и даже по деревенской улице. Их необычайный союз выдержал самое суровое испытание, какому может подвергнуться дружба. Дворняжка входила в число признанных врагов моего французского бульдога... и побаивалась его. Как-то раз Булли настиг пятнистого песика на улице и собрался задать ему хорошую трепку. Хотите верить, хотите нет, но трехцветная кошка пулей вылетела из дому, пронеслась через сад, выскочила на улицу, ринулась в бой, через пару секунд обратила Булли в бегство и проехала на нем, точно ведьма на помеле, довольно-таки порядочное расстояние!»

Есть смысл прочитать книгу Лоренца и тем, кто терпеть не может кошек и собак или равнодушен к ним.

В ней автор рассказывает о том удивительном мире, который открывает-



ся любящему взгляду, и всей своей книгой доказывает это. Если этот мир по каким-то причинам закрылся для родителей, совсем нет необходимости закрывать его для ребят. Об этом можно сказать и словами другого зоопсихолога — Нико Тинбергена: «Даже для педагогики изучение поведения животных представляет интерес — хотя бы уже потому, что общение с животными играет немаловажную роль в развитии детей. Ознакомление с их повадками не только служит для ребенка источником познания мира, не только расширяет его кругозор, но также оказывает на него большое эмоциональное воздействие и способствует воспитанию таких важных качеств, как, например, гуманность. А ведь здесь педагог стоит перед еще совершенно неизвестными возможностями направленного воздействия на детскую психику».

О чем бы ни рассказывал Конрад Лоренц, все у него пронизано единой и страстной привязанностью к живому.

Хорошо ли к вам относится ваша собственная кошка или просто терпит вас, расшифровка «сигнального кода», с помощью которого собаки так хорошо понимают друг друга, и многое-многое другое откроется читателю, который отправится в этот увлекательный мир.

З. ГОЛУБЕВА

хорошо, когда ясно

Л. Яхнин. ПЛОЩАДЬ КАРТОННЫХ ЧАСОВ. Рисунки В. Чижикова. М., «Малыш», 1971.

Очень радостный тон у этой книжки. День стоит синий-синий, идет человек по лесной дороге и поет веселую песенку. Оно и понятно: если человек — мастер, всё у него в руках. Что захотел, то сам и сделал. С чего же ему унывать?

Это шляпных дел мастер Тулья возвращается с ярмарки. Присел на полянке, огляделся.

« — Вот бы из такой полянки сшить большую зеленую шляпу, а из тонкой тропинки сделать ленту с тройным бантом, — сказал он.

Мастер Тулья с самого утра не брался за ножницы и нитку с иглой, а это для хорошего мастера очень долго».

А потому взял мастер и из разноцветных шляпных коробов вырезал домик, другой, третий — целый кар-

тонный городок. И даже часы для городской площади. А из маленьких нусочков сшил человечков. Приладил руки, ноги. Живите счастливо! «Полюбовался на картонный город и улыбнулся: всегда приятно сделать что-нибудь красивое».

Только разок в жизни поленился мастер Тулья: уже спрятал ножницы, а ниточки забыл отрезать. И утешил себя тем, что можно будет дернуть за ниточки и оживить картонных человечков. Не подумал, что это опасно. Ведь неизвестно, кто будет дергать за ниточки.

А в картонный город как на беду забрел рыжий бородастый разбойник Крага. Он сразу сменнул, как выгодно дергать за ниточки. Этак можно и королем тут стать. «Попробуй меня не любить, не уважать — ниточки-то в моих руках. Быстро одерну, если что не так».

Правда, это не очень страшный разбойник. И пистолет у него не стрелял, потому что был хоть и большой, но ржавый. И сам он очень завидовал своему дедушке Боту-Форту: «Тогда верили в разбойников и очень их боялись. А теперь все смеются. Ну как будешь грабить человека, если он не боится тебя!»

И все же Крага изрядно напугал жителей Шартоного города, чуть не съел собачку Шоколадку и уже почти заставил было картонных мастеров на себя работать. Суетятся вокруг него кузнецы, и портной, и парикмахер, а он только дергает за ниточки да знай покрикивает: «Быстрее! Скорей!»

Но нашлись и отчаянные Скоморох Дудка, который не побоялся бросить вызов разбойнику, и храбрая Девочка с Конфетной Обертки, которая вместе с мастером Башмачником вызволила Дудку из Мыльного подвала, и с помощью мастера Тульи удалось вырвать ниточки из рук разбойника.

Легкость, условность этих чудес, пожалуй, даже нарочитая, подчеркнутая. Недаром Скоморох Дудка спасается из Мыльного подвала... на мыльном пузыре. Летом эти пузыри надувают теплым воздухом, а зимой ими топят. И так весело несет Дудку этот мыльный пузырь, «голубой — цвета неба, оранжевый — цвета солнца и зеленый — цвета травы», что, право, не хочется в нем сомневаться. Чудо должно случиться — ведь оно с такой несомненностью отвечает вере ребенка во все хорошее, в то, что «все в мире устроено прочно и ясно для счастья, для радости, для удачи».

Нередко, читая книгу вслух малышу, спотыкаешься на каком-то длинном неблагозвучном слове, лишние придаточные и причастия, стараешься пропустить или упростить на ходу невнятный, громоздкий оборот. Язык этой сказки не знает путаности и заминок, он отточен и чист, а мно-

гие фразы словно просятся в афоризмы: «Лучше никого не встретить, чем встретить незнакомого разбойника»; «Новости разлетаются так быстро, что иногда обгоняют сами себя»; «Ездить по кругу — самое спокойное занятие на свете. Это очень многим нравится»; «Если тебе плохо, придумай что-нибудь».

И пусть пока события здесь бесхитростны, а чудеса непритязательны — эта ясная, радостная книжка с ее прекрасным девизом «Доброта и мастерство» будет для малышей первым шагом по той тропке, которая приведет потом и в славный Город Мастеров, и в любимую страну коммундов Синегорию с ее незабываемым девизом: Отвага, Верность, Труд, Победа.

А красочные, очень сказочные рисунки В. Чижикова превращают книжку в настоящий праздник для малышей.

Э. КУЗЬМИНА

ПОТОМУ ЧТО ИНТЕРЕСНО

Детский досуг: что читать о нем

Чем занять свободное время? Такой вопрос не часто возникает у взрослых. Скорее — где взять время? А сколько мальчишек и девчонок бесцельно слоняются из угла в угол, простаивают у окон, часами просиживают у экранов телевизоров, не зная, куда себя деть!

Да-да. Именно — не зная. Ведь на свете много интересного, и каждый может найти что-то для себя. Есть же ребята, которые строят модели самолетов и яхт, увлекаются радиотехникой и фотографией, выращивают цветы и разводят редких рыб. Есть множество коллекционеров. Марки и художественные открытки, монеты и значки, спичечные этикетки — чего только не собирают! А коллекции насекомых? А гербарии? Некоторые ребята в свободные часы с поистине детским упорством бьются над решением сложнейших задач. И не потому, что это задано в школе, а потому, что интересно.

Знакомо ли вам имя Николая Спиридоновича Тагрина? Этого человека знают во многих странах как собирателя открыток. У него самая большая в мире коллекция. Полмиллиона открыток! К нему обращаются за помощью люди разных профессий: режиссеры, архитекторы, художники, даже работники уголовного розыска.

Во время войны наши разведчики и партизаны, которых забрасывали на территорию врага, заходили и Тагрина познакомиться с видами неизвестной им местности, чтобы потом лучше ориентироваться.

А началось — с пустяка, казалось бы. В детстве мечтал он о путешествиях. Разыскивал открытки с видами незнакомых мест, перебирал их и мысленно путешествовал по всему миру.

«...Бутлеров еще в пансионе возился со склянками, что-то прятал в шкафчике у кровати. Однажды раздался оглушительный взрыв. Мальчишку нашли с опаленными бровями и посадили в карцер. В обед его выводили с доской на груди, на которой было написано: «Великий химик». Начальство не представляло себе, как оправдается насмешливая кличка».

...В шесть лет мальчишка увлекался собиранием красивых камешков. Их много было в Крыму, где семья всегда проводила лето. Обыкновенная детская забава? Мальчик этот вырос и стал Александром Евгеньевичем Ферсманом — ученым с мировым именем, одним из творцов науки о химии земли — геохимии.

«Икэя и Сэки... Знакомые имена... Есть ведь такая комета — Икэя — Сэки... Эти двое с детства любили астрономию. Мечтали попасть в университет, но им рано пришлось начать работать. На крыше, где сушат белье, Сэки поставил телескоп, купленный на деньги от гитарных уроков. Он изучал кометы и уже открыл две неизвестных большой науке. Икэя — Сэки — третья комета... Первыми, до астрономов, оказались любители».

О Тагрине, Бутлерове, Ферсмане, о Сэки и Икэе можно прочесть в книге Ю. Альперовича «Республика чудачков, или Тысяча и одна страсть». Да разве только о них?

Олег Писаржевский. Те, кто читал его книги о Менделееве, Крылове, Прянишникове, знают его как писателя — популяризатора науки. Книга Ю. Альперовича раскрывает другие стороны этой натуры. Оказывается, Писаржевский был страстным коллекционером. Около трех тысяч грампластинок, магнитофонных пленок собрал он. Любил музыку и танцы. Занимался спортом — плавал, стрелял. Десять лет синтезировал разные духи. Был отличным кулинаром.

Одно из его увлечений — гладиолусы. Когда не остается ни клочка земли на своей даче, он сажает цветы на дачах знакомых. Еще одна его страсть — животные. Он подобрал и держал в доме собак и кошек, кроликов и морских свинок. Изучал их повадки, их умственные возможности. Поистине удивительный поток увлечений этого человека!

И если ваши мальчишки и девочки



все еще не знают, чем заняться в долгий летний день или короткие зимние вечера, расскажите им о людях, которые не умели скучать. И может быть, что-то западет в детскую душу. Нужно только не упустить время. Пока не заглохло желание, дать ребенку возможность попробовать себя.

А помощниками вашими станут книги. Книги, предназначенные для юных натуралистов, юных техников и юных умельцев. Для начинающих коллекционеров и кулинаров. Для любителей занимательных задач и головоломок. Для шахматистов, спортсменов, туристов.

Вот примерный перечень таких книг:

С. Могилевская. Девочки, книга для вас! М., «Детская литература», 1967.

А. Маркуша. Мужчинам до 16 лет. М., «Детская литература», 1971.

В этих книгах, обращенных порознь к мальчикам и девочкам, предлагается масса интересных дел, даются полезные советы.

Л. Аранович. Удивительное рядом. М., «Детская литература», 1969.



Это — о самоделках из природного материала. Из шишек, кореньев, веточек, желудей, каштанов, бересты, мановых головок, скорлупы грецкого ореха, початков кукурузы.

Б. Попов. Самодельные оптические и электрохимические приборы. М., «Детская литература», 1971.

А здесь советы юным техникам. Работая с этой книгой, можно изготовить, например, микроскоп, телескоп, бинокль, светозатененный телеграф.

Обе только что названные книги вышли в серии «Знай и умей». В этой серии выходят самые разнообразные книги для ребят среднего и старшего возраста.

Ч. Барта. 200 работ для умелых рук. Прага, «Артия», 1963.

Эта книга — для тех, кто любит мастерить. Среди разделов — «Несложные работы из бумаги», «Несложные переплетные работы», «Игрушки из спичечных коробков», «Изделия из кожи или из прочных тканей», «Более сложные работы из дерева», «Самодельная типография».

В. Болховитинов, Б. Колтовой, И. Лаговский. Твое свободное время. (Занимательные задачи, опыты, игры). М., «Детская литература», 1970.

При составлении этого сборника были использованы материалы, опубликованные в журналах «Юный техник», «Техника — молодежи», «Наука и жизнь», а также в различных иностранных журналах и сборниках.

П. Мариковский. Юному энтомологу. М., «Детская литература», 1969.

Книга о насекомых, вредных и полезных. И о том, как их наблюдать, фотографировать, составлять из них коллекции. Автор — доктор биологических наук — всю жизнь посвятил энтомологии.

В. Нестеров, Зоовикторина. М., «Просвещение», 1969.

Книга для школьников 4—7-х классов. Вопросы викингины систематизированы в шести главах: «Насекомые», «Рыбы», «Земноводные», «Пресмыкающиеся», «Птицы», «Млекопитающие». В конце глав — ответы и списки научно-популярной литературы, предлагаемой для чтения.

Ф. Полканов. Подводный мир в комнате. М., «Детская литература», 1970.

Об аквариумном рыбоводстве. Не забудьте о журналах, таких, как «Юный натуралист», «Радио», «Моделист-конструктор», о журнале «Юный техник» и о приложении к нему. Они дают ребятам возможность самого широкого выбора.

Г. РУМЯНЦЕВА,
старший библиотекарь
Государственной республиканской
детской библиотеки РСФСР

советую: прочтите

К. КОСТРИН,
профессор,
член Советского
национального
объединения историков
естествознания и техники:

Морское дно хранит не только тайны геологической истории Земли, но и тайны древнейшей истории человечества. Открытие затонувшего города в Сухумской бухте Черного моря, археологические раскопки у берегов Крыма и во многих районах Средиземноморья; руины неизвестных городов, обнаруженные в Эгейском море (вблизи острова Санторин) и у побережья Перу (на дне Тихого океана) — это лишь первые находки, первые результаты, достигнутые новой наукой — подводной археологией.

По суше или через водные преграды заселил Австралию и Америку первобытный человек? Был ли загадочный остров Пасхи, знаменитый своими огромными статуями, частью «Большой земли» или всегда оставался только маленькой частицей суши? Существовала ли Атлантида?

Обладающий большой эрудицией в области изучения древних цивилизаций и в применении точных наук к гуманитарным исследованиям, А. Кондратов в книге «Тайны трех океанов» (Л., Гидрометеиздат, 1971) знакомит читателя не только с перечнем встающих вопросов, но и с главнейшими вариантами их решения, устанавливая степень их достоверности с точки зрения этнографии, лингвистики, геологии и других наук. При этом ни одна из гипотез не навязывается читателю. Выводы автора предельно осторожны.

А. Кондратов сумел рассказать о больших научных проблемах без упрощения, но достаточно доступно. Да и сам «таинственный» материал книги не может не увлечь даже неподготовленного читателя. Ведь каждый развитый человек не может не интересоваться тем, что имеет прямое отношение к истории человечества.

г. Уфа

А. КОЧЕТОВ,
доктор
педагогических наук:

Мы верно говорим, что, воспитывая ребенка, надо обращаться к его сознанию. Но нередко на практике получается, что мы обращаемся только к сознанию его, упуская из виду, как сложен и многообразен духовный мир ребенка. Отсюда и преобладание таких словесных форм воспитания, как беседа, разъяснение, переубеждение. Но, оказывается, одними только доводами добиться многого не удается. Мы твердим подростку: учись, рассказываем о пользе знаний, а он продолжает получать двойки. Мы убеждаем, как похвально трудолюбие, — а наши ученики под любым предлогом избегают убирать класс. В чем же ключ к действительности воспитания? Ответ, в сущности, прост: надо влиять на духовный мир ребенка в целом — и на сознание, и на чувства.

Жизнь человека невозможна без эмоций и чувств. Через них преломляются все сигналы внешнего мира, доходящие до нашего сознания. Через них преломляются и все наши воспитательные влияния на ребенка. Но чувства не возникают из ничего, они сами должны быть воспитаны. Вот почему книга известного советского психолога А. Г. Ковалева «Воспитание чувств» (М., «Педагогика», 1971) встретит живой интерес, тем более что написана она легко и насыщена интересными данными, добытыми современной наукой.

Родители, несомненно, обратят особое внимание на те разделы книги, где речь идет о воспитании нравственных чувств в семье, о том, как важна сама атмосфера любви и доверия, о разумном сочетании любви и требовательности к детям. А говоря коротко, в свет вышла работа весьма полезная для родителей.

г. Рязань

В. ЕГОРОВ,
заслуженный учитель
школы РСФСР:

Из великого множества книг о взаимоотношении человека и природы мне хотелось бы обратить внимание читателя на эту небольшую книжечку А. Низовой «Великий учитель — природа» (М., «Знание», 1971).

Автор, опытный ученый-педагог, тонко чувствует природу и умело передает это чувство читателю. «Есть истины, — замечает А. Низова, — составляющие устои нашей жизни, которые должны войти в сознание «с молоком матери». Среди них на первое место надо поставить любовь к Родине, любовь к родной природе».

Интерес и любовь к природе, и живому для ребенка естественны. Все мы не раз наблюдали, как маленькие дети тянутся к котяткам, щенкам, птичкам, рыбкам. Но здесь очень важно дать понять детям, что животные не забава и не игрушки. Нужно научить ребенка заботиться о животном как о ближнем, но более слабым существе, за которого он, маленький человек, тоже несет ответственность. Автор книги справедливо отмечает, что мягкость, отзывчивость, теплота и сердечность в отношении с людьми, как показали наблюдения за детьми, чаще всего отмечались у тех, кто умел любить животных.

Книга дает советы, как вести наблюдения в природе, как развивать у ребенка наблюдательность. Ведут ли ваши дети календарь природы? Помогаете ли вы им провести опыты, рекомендованные в школе?

село Миасское
Красноармейского района
Челябинской области

недавно выпущено

Агашина М. Девичник. Стихи. Худож. Н. Будников. Волгоград, Ниж.-Волж. кн. изд., 1972. 127 с. с илл. 50 000 экз. 39 н.

«А где мне взять такую песню» — это стихи Агашиной. В новом ее сборнике много стихов о матерях и детях, о любви.

Арнольди И. А. и Кондратьева И. И. Труд и здоровье подростка. М., «Медицина», 1972. 64 с. с илл. 100 000 экз. 11 н.

Как организовать труд подростков, чтобы он укреплял здоровье и помогал развитию. Рассказано, какие требования к здоровью предъявляют разные виды труда — это пригодится и при выборе профессии.

Белавенцева Г. Н. Золотая осень человека. Рен. указатель литературы. М., «Книга», 1972. 32 с. 20 000 экз. 7 н.

Стареющий человек не любит, когда ему напоминают о возрасте. И если мы все же делаем это по отношению к некоторым нашим читателям, то для того лишь, чтобы они могли найти в этом указателе книги, которые помогут им как можно дольше оставаться молодыми.

Дары Атлантики. Авт. В. В. Баранов и др. Сост. В. А. Исаев. Калининград, Кн. изд., 1972. 120 с. с илл. 50 000 экз. 1 руб. 18 коп.

В том, что морская рыба питательна, убеждать не приходится. В том, что она к тому же и вкусна, тоже убеждать не надо — но только тех, кто знает разнообразные способы приготовления трески, зубатки, палтуса, нототении... Книжка яркая, цветная.

Деглин В. Я. Пагубные пристрастия. М., «Знание», 1972. 80 с. 200 000 экз. 15 н.

На фактах и цифрах книга убеждает, как пьянство, курение, наркомания ведут к рождению неполноценного потомства, распаду семей.

Десять вечеров. Япон. нар. сказки. Пер. с япон. и предисл. В. Марновой. Худож. Г. Клодт. М., «Худ. лит.», 1972. 366 с. с илл. 100 000 экз. 73 н.

Высокие художественные и моральные качества японских сказок ценил Лев Толстой — одну из них он даже опубликовал в «Русских книгах для чтения». А рассказываются сказки вечером, после работы. («Если днем рассказывать, то мыши будут смеяться», — полагают японцы). Отсюда — название сборника.

Жуновский М. А. Железы внутренней секреции и их заболевания у детей. М., «Медицина», 1972. 72 с. с илл. 50 000 экз. 11 н.

Как железы внутренней секреции влияют на рост и развитие детского организма. Говорится и о том, как предупредить их заболевания.

Зорина Т. Г. Школьникам о лесе. Изд. 2-е, доп. М., «Лесная пром-сть», 1971. 220 с. с илл.; 4 л. илл. 150 000 экз. 69 н.

Беседы о значении леса, о его жизни и развитии сочетаются здесь с практическими советами — что можно сделать для охраны леса, чем помочь его обитателям.

Иванов С. Лабиринт Мнемозины. Рис. Б. Кыштымова. М., «Дет. лит.», 1972. 287 с. 75 000 экз. 61 н. (Детям старшего возраста).

Мнемозина — богиня памяти у древних греков. Книга ведет нас сквозь лабиринт ее загадок.

Лагерлёф С. Перстень Лёвеншёльдов. — Шарлотта Лёвеншёльд. — Анна Свд. Перевод с шведского под ред. С. Петрова. Предисл. Л. Брауде. Л., «Худ. лит.», 1972. 589 с. 100 000 экз. 1 р. 45 н.

Семейный роман-хроника в трех частях шведской писательницы, знаковой советскому читателю по многократно издававшейся у нас детской книге «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями». К моменту создания романа Лагерлёф была уже лауреатом Нобелевской премии и первой женщиной — членом Шведской Академии наук.

Мавромати Д. Упражнения художественной гимнастики. М., «Физкультура и спорт», 1972. 142 с. с илл. 30 000 экз. 25 н.

«Гимнастика для тела, что музыка для души», — говорили древние. Книга пригодится девушкам и женщинам, желающим заниматься художественной гимнастикой самостоятельно и в группах здоровья.

Матвеев М. Времена года рыболова. М., «Физкультура и спорт», 1971. 88 с. с илл.; 5 отд. л. карт. 75 000 экз. 66 н.

Ловить рыбу — это и очень просто, и одновременно очень трудно. Какую, когда, чем и на что? Полезно познакомиться с теми закономерностями ужения, которые зависят от годовых и суточных изменений погоды.

Муравьев В. Путешествие с Гулливером. 1699—1970. М., «Книга», 1972. 207 с. с илл. 80 000 экз. 37 н.

Очередной выпуск серии «Судьбы книги»: история создания и литературная судьба бессмертной книги замечательного английского сатирика Джонатана Свифта о путешествиях Лемюэля Гулливера, «сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей».

Новиков А. Как человек узнавал самого себя. Рис. А. Сколозубова. Л., «Дет. лит.», 1972. 224 с. с илл. 50 000 экз. 47 н. (Для старших школьников). Обложку этой книги украшает «древо познания». Она — нечто вроде популярного очерка истории философии, истории борьбы философских школ и идей.

Самойлов Л. Улыбка в рюкзак. М., «Физкультура и спорт», 1972. 62 с. 100 000 экз. 78 н.

Лев Самойлов — художник. Перед нами, собственно, и не книжка даже, а альбом его веселых (порою и едких) рисунков — о туристах, охотниках,

рыболовах, любителях (а то и губителях) природы.

Скороходова О. И. Как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир. Предисл. А. Мещерякова. М., «Педагогика», 1972. 447 с.; 1 л. портр. 43 000 экз. 1 р. 5 н. Удивительная книга, написанная человеком, с детства лишенным зрения и слуха, но, несмотря на это, сумевшим плодотворно жить и работать.

Сухомлинский В. А. Сердце отдаю детям. Изд. 2-е. Киев, «Рад. школа», 1972. 243 с.; 1 л. илл. 250 000 экз. 92 н.

Можно только радоваться переизданию этой книги. Автор пишет: «Я стремился рассказать о том, как вести маленького человека в мир познания окружающей действительности, как помочь ему учиться, облегчить его умственный труд, как пробудить и утвердить в его душе благородные чувства, как воспитать человеческое достоинство...»

Фиалков Ю. Сделал все, что мог... Из жизни М. В. Ломоносова. Рис. Л. Зусмана. М., «Дет. лит.», 1972. 127 с. с илл. 100 000 экз. 35 н. (Для старших школьников).

Сознавая, сколько уже написано о Ломоносове, автор решает прибавить к этому еще одну книжку. Так много сделал этот человек, что всегда найдется в его жизни страница, которая заслуживает нового описания. Здесь, в основном, о занятиях Ломоносова химией и о напряженной борьбе с недругами русской науки.

Ходаков М. Как не надо себя вести. М., «Молодая гвардия», 1972. 128 с. с илл. 100 000 экз. 23 н.

В математике некоторые задачи решаются методом «от противного». Так и здесь.

Цицерон М. Т. Три трактата об ораторском искусстве. Пер. с латин. Ф. А. Петровского, И. П. Стрельникова и М. Л. Гаспарова. М., «Наука», 1972. 471 с. 25 000 экз. 2 р. 26 н.

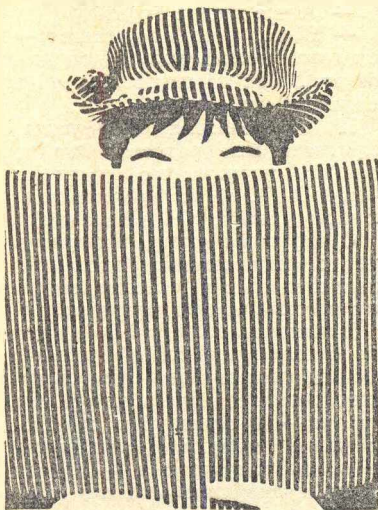
«...Что ни слово, то Цицерон с языка слетел». Знаменитый римский оратор — символ красноречия. А книга эта — сборник впервые переведенных на русский трактатов Цицерона об ораторах и ораторстве.

Ширяев В. А. Свои и чужие. М., «Знание», 1972. 79 с. 143 100 экз. 15 н.

Педагогико-публицистические раздумья о подорожке улицы — чем увлечь его? Как подчинить педагогическому влиянию? И кто этим должен заниматься?

Щепкина-Куперник Т. Л. Ермолова. М., «Искусство», 1972. 200 с.; 25 л. илл. 50 000 экз. 1 р. 40 н.

Книга о жизни и творчестве актрисы, составившей, по словам К. С. Станиславского, целую эпоху для русского театра. Автор книги, ныне покойная писательница, поэтесса и переводчица, долгие годы была близко знакома с М. Н. Ермоловой и ее семьей.



слоны в детском саду

Многие хотят, чтобы их дети как можно раньше научились играть в шахматы. Но как это сделать? Учебников для обучения дошкольников шахматам нет. Вот почему особое значение имеет опыт педагога-методиста Г. И. Красильниковой, создавшей собственную методику обучения детей игре в шахматы.

Шахматы для дошкольников — прежде всего средство всестороннего развития. Причем овладение этой игрой помогает детям в подготовке к школьным занятиям. Вы никогда не замечали, как ваш ребенок, начиная писать, постепенно сползает с верхней строчки вниз? А почему это происходит? Потому, что ребенок еще не ориентируется на плоскости. Вот это и побудило Г. И. Красильникову начинать шахматные уроки с ознакомления малышей с доской, ее элементами — вертикалями, горизонталями, диагоналями. И лишь позднее она знакомит ребятшек с фигурами.

При расстановке фигур на доске усваиваются не только шахматные понятия, но и такие, как «между», «за», «рядом», «около», «справа»... Конечно, ребенок и без шахмат познакомился бы с ними, но так это достигается гораздо быстрее, прочнее, доходчивее. Затем Красильникова учит наблюдательности: «Закрой глаза. Открой. Что изменилось на доске?» Изучение ходов она начинает не с ладьи, как рекомендуют многие специалисты, а с пешки: ребята сразу рвутся в бой, но одними ладьями не сотворишь бой, а пешками можно, ибо их много...

После этого решаются отдельные задачи, — тут дети осознают,

что главному действию предшествуют несколько подчиненных (чтобы забрать, например, слона ферзем, нужно сперва на него напасть). Так они начинают понимать, что для достижения цели существуют несколько путей, а не один, но какой-то из них все же лучший.

(«Шахматы в СССР», № 2, 1972 год)

вперед, но осторожно

Взрослые по многу часов изо дня в день «играют» на мозге ребенка, не ведая о свойствах находящегося в их руках инструмента, — утверждает знаменитый американский физиолог Уоррен МакКаллох.

Так вот, очень важно, по МакКаллоху, «следить за развитием ребенка с тем, чтобы объекты изучения соответствовали степени зрелости его нервной системы», а эту зрелость автор связывает с формированием так называемых миелиновых оболочек. До того, как пирамидный пучок в спинном мозге не покрылся миелиновой оболочкой, нельзя обучить ребенка ходить. Ребенок меньше трех лет не в состоянии называть цвета или числа; он их может запоминать лишь механически, понятие же числа у него в этот период отсутствует, он не придает символам никакого количественного значения; лишь к трем примерно годам у ребенка возникает понятие об однозначном соответствии различных предметов, ибо только к трем годам в нервных связях мозга ребенка формируются миелиновые оболочки.

Со степенью формирования миелиновой оболочки автор связывает и то, что до наступления определенного периода изучение того или иного понятия детям недоступно, какова бы ни была их предыдущая подготовка: нервная система должна «дозреть». Необходимо поэтому строгая последовательность, которой следует придерживаться при обучении. «Иди вперед, — говорит автор, — можно только тогда, когда нервная система готова к этому шагу».

(«Знание — сила», № 1, 1972 год)

как „горько“ по-узбекски?

Яркие и интересные обряды и традиции, связанные с торжественными днями в жизни семьи, необходимы всюду. Прекрасно, что сейчас, например, по всему Узбекистану появились «Дома счастья», несущие людям новые ритуалы семейных праздников. В «Доме счастья» проходит торжественная регистрация брака, новорожденных, здесь же вручают награды многодетным матерям, молодые люди получают свой первый паспорт. В самых больших и красивых «Домах счастья» можно отпраздновать и «кызыл-той» — красивую свадьбу.

Кызыл-той — пример сочетания исконного народного обряда с обы-

чаями сегодняшнего дня: здесь сохранены элементы традиционной узбекской свадьбы, дополненные торжественной регистрацией брака.

Наша многонациональная родина удивительно богата всевозможными обрядами и обычаями. И порой кажется очень заманчивым перенести красивые обычаи одного народа в национальную среду другого. Однако делать это надо исключительно осторожно. Например, слово «горько!», такое привычное на русских свадьбах, в том же Узбекистане вряд ли имеет шансы укорениться — хотя бы потому, что здесь отношение к вину традиционно отрицательное. По той же причине бесперспективно предложение Бухарского Дома народного творчества — при регистрации новорожденных ставить на бутылке вина наклейку с автографами почетных гостей и хранить эту бутылку до совершеннолетия ребенка, как принято в Краснодарском крае.

(«Советская этнография», № 1, 1972 год)

куда идет наш дом?

Вам не приходила в голову мысль поставить телевизор на... ну хоть на холодильник? Или запрягать пылесос в стиральную машину? Уже сейчас наши вещи не помещаются в квартирах, а если завтра появится еще что-то новое, без чего никак не обойтись? Как разместить все в пространстве, которое вовсе не беспределенно?

Не попытаться ли избежать тесноты, располагая вещи не в пространстве, а... во времени?

«Жилище-театр» — таков один из принципов организации жилого пространства на разумных началах. Напоминает это смену декораций на сцене. Или обычный раздвижной стол, который вытягивается во всю длину, лишь когда приходят гости.

Один из методов мыслится как серия конструкторов разного назначения, лишь ненадолго выдвигающихся из стены.

Другой вариант напоминает детский конструктор — по мере необходимости максимум комфорта создается благодаря перетасовке элементов, приспособленных выполнять самые разные задачи.

Осуществление всего этого — дело развития техники. Важна сама идея.

(«Архитектура СССР», № 3, 1972 год)

ЗАКОН БУКВЫ

Лев УСПЕНСКИЙ

«Азбуку учат, на всю избу кричат...»

Поговорка

Много лет Лев Васильевич Успенский выступает как неутомимый популяризатор науки о языке. Лингвист по образованию, ученик выдающегося языковеда академика Л. В. Щербы, Л. Успенский соединяет в своих книгах таланты исследователя и писателя, беллетриста, умеющего живо, занимательно преподнести самый сложный материал. «Сочетать в себе филолога-языковеда и писателя не просто, — писал в рецензии на первое издание «Слова о словах» профессор А. Реформатский. — Лёву Успенскому это удавалось не раз». Согласный союз художника и ученого отметили в «Слове о словах» и писатели. Не трактатом, не исследованием, — «увлекательной повестью о своеобразных «приключениях» слов в истории русского и других языков» назвал эту книгу Константин Федин.

Как ветвь, от «Слова о словах» со временем отделилась книга Л. Успенского о человеческих именах — «Ты и твоё имя». Позднее вышли в свет «Имя дома твоего» и «Загадки топонимики» — книги о географических именах и названиях. Лингвистическая эпопея Успенского продолжается. Очередной частью ее стал этимологический словарь школьника «Почему не иначе?» А совсем недавно писатель закончил большую книгу «Закон буквы» — об азбуке. Несколькими главами Лев Васильевич любезно предоставил журналу «Семья и школа».

В этой оригинальной по самому своему замыслу книге Л. Успенский образно, увлекательно рассказывает о происхождении и о законах существования букв в языке. Новая книга Л. Успенского, безусловно, будет интересна не только юношеству. Она пробуждает любовь к родному языку, желание овладеть его тайнами, разгадать его загадки.

Н. БАНК

На начальных ступенях культуры (так же, как и в личном малолетстве каждого из нас) люди прежде всего привыкают выделять из живого потока речи как ее составляющий элемент слово. В начале именно оно осознается ими — людьми и народами — как некий «речевой атом», как неделимая первооснова языка. Лишь много позже (я говорю тут не об ученых, не о науке, о рядовых говорящих) они овладевают умением разлагать этот атом на его элементарные частицы.

Мы-то с вами теперь без труда и уверенно утверждаем: такими частицами, с которыми люди осваиваются раньше, чем они вырабатывают в себе способность находить более сложные элементы структуры слова, оказываются в их глазах звуки и состоящие из них слоги.

Но подумайте, точнее говоря, вспомните свое собственное прошлое. Как вам кажется, в какой момент вашей жизни у вас в голове родилось представление о звуке (и уж тем более о звучащем слоге)?

Я убежден: вы скажете — не до того, как вы научились читать и писать, а после этого. В крайнем случае — в процессе обучения чтению и письму и в самой прямой связи с ним. В тот самый миг, когда мы вдруг уразумели, что такое буква и что такое другой слог — не «звучащий», а закрепленный на письме. Письменный.

Чему удивляться? Трудно вообразить положение, когда ребенку понадобилось бы разлагать слова, звучащие слова, на составляющие их звуки. Слышать звучащее слово *мама*, как ряд из четырех звуков *м-а-м-а*. Ведь мы, обучаясь говорить, никогда не складываем слов из звуков. Мы познаем их, сживаемся с ними, как с трепетными неделимыми и живыми целыми.

И только с переходом к обучению письму дело осложняется самым прискорбным образом. Неожиданности подкарауливают нас на каждом шагу, и мы не сразу выучиваемся парировать их и избавляться от ошибок.

В двенадцать лет мне поручили обучить чтению двух младенцев, деревенских ребят, брата и сестру, маленьких старообрядцев. Ученики были года на четыре моложе учителя.

Поначалу все пошло отлично: малолетки оказались смекалистыми и буквы разучили прекрасно. Я решил перейти к чтению слов.

У нас был букварь с картинками и подписями. На букву П там фигурировала пчела, на букву Ш — шайка.

Я вызвал первым Прокопа, парнишку: «Читай!» Мальчуган уставился в книгу: «П-Ч-Е... пче, — от усердия завопил он на всю комнату, — Л-А, ла...»

— А что вместе будет?

— Ъосва, которая кусается, — последовал неожиданный для учителя ответ. *Ъосва* на псковском диалекте означает *оса*.

И востроглазая Марфушка не принесла мне радости. Она точно так же назвала все буквы слова «Ш-А-Й-К-А», но прочитала его с милой улыбкой: «Кадочка!»

С той поры я начал подозревать, что между знанием названий отдельных букв и умением соединять их в слова лежит пропасть.

Думается, мой случай был далеко не исключительным. Весьма возможно (может быть, отнюдь не все согласится со мною), что и человечество — во время оно всё, до последнего жителя Земли, говорливое, но неграмотное — сначала в лице мудрейшин открыло тайну письма. И лишь много позже, когда письмо это уже прошло долгий путь от рисуночного до звукового (то есть буквенного), лишь на одном из поздних этапов этого пути оно уразумело, что слова делимы. Что их, оказывается, можно расчленять на звуки, потому что элементы эти, почти вовсе неслышимые порознь в сплошном потоке речи, начинают (применением гоголевское слово) «вызначиваться», как только на место живых, пульсирующих, переливающихся всеми цветами радуги слов звучащей речи перед нами возникают их как бы засушенные таинственным волшебством подобия, призраки, отпечатки — слова письменного языка.

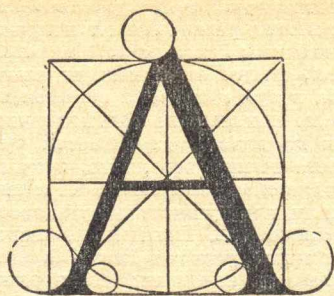
В одной из моих книг я уже поминал тончайший отрывок из купринского «Вечернего гостя».

Автор вечером ожидает прихода посетителя, какого-то «вечернего гостя».

«...Вот скрипнула калитка... Вот прозвучали шаги под окнами... Я слышал, как он открывает дверь. Сейчас он войдет и между нами произойдет самая обыкновенная и самая непонятная вещь в мире: мы начнем разговаривать. Гость, издавая звуки разной высоты и силы, будет выражать свои мысли, а я буду слушать эти звуковые колебания воздуха... и его мысли станут моими...»

Надо было даровитым психологом-аналитиком, да еще художником слова, чтобы так разглядеть необычное и таинственное в обыкновенном и привычном. Я не припомню где-либо еще в литературе нашей с такой силой и живостью пе-

3e



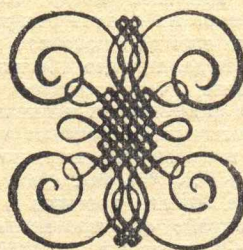
R

a



A T

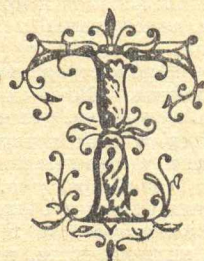
M



B



ABCDEFGHI
NOPQRST



реданного удивления перед чудом языка и мысли.

А вот ощущению волшебного характера письма посвящали строки и страницы многие мастера литературы.

Резче всего и энергичней всего, пожалуй, чувства эти переданы М. Горьким. По разным поводам и в разных произведениях он дважды возвращается к одному (или к двум весьма схожим) эпизодам своей ранней юности.

В своих «Университетах» он рассказывает, как, будучи еще подростком, взялся учить грамоте своего не умевшего читать старшего товарища — умного и пытливого волгара, рабочего Изота.

Великовозрастный ученик горячо взялся за дело, и оно пошло успешно. И, наконец, Алеша Пешков застал Изота в великом потрясении. Он научился читать.

«Объясни ты мне, брат, — жадно допытывался он у своего наставника, — как же это выходит все-таки? Глядит человек на эти черточки, а они складываются в слова, и я знаю их: слова живые наши! Как я это знаю? Никто мне их не шепчет... Если бы это картинки были, ну тогда — понятно. А здесь как будто самые мысли напечатаны — как это?»

Судя по тому, что рассказывает Горький, мало вероятно, чтобы так же в свое время могла удивить Изота-ребенка способность человека узнавать мысли собеседника через звучащее слово. Она казалась ему простой и естественной, как дыхание, как зрение, — врожденным свойством людей. И понятно: это первое чудо все мы встречаем в столь раннем возрасте своем, что сперва не умеем ему как следует быть пораженным, а потом привыкаем к нему.

А вот письмо, обрушивающееся на нас позднее, производит на начинающего умственно созревать «отрока» куда более острое и могучее впечатление колдовства.

Изот — Россия, Волга, восьмидесятые годы прошлого века, мир безграмотных каталей и крючников, царство великой тьмы и великого страдания...

А вот — Париж середины того же XIX столетия. Вот — маленький интеллигент-француз, сын врача, Пьер Нозьер, в лице которого Анатоля Франс в значительной мере изобразил себя — ребенка. Между этими двумя лежат и 30 лет, и три тысячи километров, и противоположность национальная, классовая, возрастная... И тем не менее...

«Пока я не научился читать, — вспоминает, став взрослым, Пьер Нозьер, превратившийся в Анатоля

Франса, — газета имела для меня... таинственную привлекательность... Когда отец разворачивал покрытые маленькими черными значками листы, когда он читал отдельные места вслух и из этих значков возникали мысли, мне казалось, что у меня на глазах совершается чудо. С этого тоненького листа, покрытого таким узенькими... строками, слетали преступления, празднества, приключения... Наполеон Бонапарт убежал из крепости Гам. Мальчик-с-пальчик наряжался генералом. Герцогиню де Прален убивали...»

Разница — в малом: маленький парижанин слушал чтение отца; волгарь Изот сам с трудом складывал строки буквarei или уличных объявлений. Но для обоих связь напечатанных букв со спрятанным в них или за ними смыслом казалась неправдоподобной тайной, волшебством, чудом из чудес.

Вполне естественно, что такое отношение, свойственное каждому человеку в детские годы, — отношение к грамоте, к чтению и письму, к буквам! — остается характерным и для всего человечества на определенных стадиях его развития. Остается потому, что в масштабах земного шара число его обитателей, стоящих в отношении к грамоте на уровне наших первоклашек, а то и дошколят, все еще чрезвычайно велико.

Вероятно также, что именно в давние времена, когда пленочка «грамотеев» на океане безграмотности была еще во много раз тоньше, народ, подавляющее большинство тогдашнего человечества, больше дивился диву чтения и письма, чем многим самым сказочным чудесам.

Ведь недаром он, тогдашний народ, про все, что было закреплено пером на бумаге, говорил с печальной иронией: «Не про нас оно писано!» — и в то же время благоговейно верил, что «написанное пером — не вырубись топором».

Из этого противоречия чувств и родилось то встревоженно-смущенное отношение и к самому письму, и, в частности, к его волшебному первоэлементу — букве, к предмету, так странно несхожему с той реальностью мира, которую буква предназначена отображать, — со звуком.

В самом деле: вы вздумали овладеть колдовским искусством письма. Хотите вы того или нет, вам приходится начинать с изучения отдельных букв, с азбуки. Ведь и сегодня вместо «с самого начала» мы то и дело говорим, как когда-то наши предки: «с азов».

Да как же не чудо! Я пишу: «у меня бОк ломит», и вы сожалеете меня. Но я изменил в этих

словах единственную букву: «у меня бЫк ломит», и вы уже не понимаете, удивляться вам, не верить или смеяться: весь смысл стал совершенно другим. Из-за единственной буквы!

Невольно приходишь к убеждению, что слова *точно* и *буква в букву* выражают одно и то же.

Поэтому мы твердо знаем «букву закона» и никогда не говорим о «звуке закона», употребляем наречие *буквально*, а не придумали слова *звучально*, называем педанта *буквоедом*, но ни когда и нигде не окрестили еще *звукоедом*. И нас не смущает, что, если рассудить «по науке», то все эти обыкновения покажутся и несправедливыми и, пожалуй, оплошными...

Ведь никто не сказал и не доказал, что буква хоть в каком-то отношении важнее и первороднее звука. Наоборот: по отношению к нему она является скорее чем-то вторичным. Звук — истинная реальность речи; буква — бледный слепок с него, отпечаток, вроде прославленного в науке отпечатка древней птицы археоптерикса на куске зеленгофенского сланца.

Да — бледный, но зато — несравненно более долговечный!

Буква вечнее звука — летучего, мгновенного, с трудом уловимого. Та птица, которая отпечаталась на литографском камне Зеленгофена, где она теперь? Ее и память исчезла. А отпечаток ее — вот он: пережил в земле сто с лишним миллионов лет, с юрской эпохи, и теперь красуется в музее.

Сколько удалось просуществовать ей? А ему?

Звук искони веков в глазах человека был символом всего нестойкого, преходящего. У Пушкина:

«И след ее существования

Пропал, как будто звук
пустой...»

И еще:

«Что в имени тебе моем?

Оно умрет...

как звук ночной в лесу
глухом...»

В словарях *звук пустой* так и поясняется: «о чем либо, лишенном всякого смысла и значения». Так может ли быть, чтобы язык стал относиться к такой «пустой и незначительной вещи» с тем же почтением, что к вещи солидной и «долгоиграющей», к букве? Чтобы он сделал «звук пустой» символом строгой точности? Никогда! А вот письменный знак — дело иное.

Подумайте о древней как мир привычке вырезать, высекать, надписывать свои имена (да даже жалкие «инициалы») на стенах старых зданий, на коре вековых де-

ревьев, на отвесных обрывах утесов...

Дело это начал, может быть, еще Дарий Гистасп, увековечивший свои деяния и царское имя свое на бехистунском утесе в Малой Азии за пять столетий до начала нашей эры. Его продолжали и в первые десятилетия после нашей революции молодые люди, увековеченные В. В. Маяковским. Помните? «Соединили души (стрела и сердце, в виде груши)». Подите сегодня на гранитные спуски набережных Невы, Москвы, Сены — всюду чернеют, сияют, лиловет надписи, которые и верно трудно «вырубить топором» и многие из которых уже пережили своих творцов...

Я не намерен прижизненно или посмертно реабилитировать этих «писателей»: их культурный уровень весьма низок. Но у меня, филолога, к ним отношение в душе двойственное. Они как-никак верят в волшебную силу надписи. И это — хорошая вера.

Возьмите тот же Бехистун. Мне не интересны ни те слова, которыми Дарий клеймил своих разбитых врагов или восхвалял доблести собственных полководцев. Меня с юных дней поражает в этой надписи одно.

Надпись состоит из ряда фигур, в том числе самого Дария, и пояснений к ним. Фигуры изображают и сподвижников царя, и врагов. На голове каждого из этих последних что-то вроде шутовского колпака. Под человеком короткая надпись. Когда ее расшифровывали, она оказалась крайне лаконичной: «А это — скиф Скунка». И всё.

Подумайте: с той поры, как в этом мире жил «скиф Скунка», прошло две тысячи пятьсот лет. Ни кому из ныне живущих людей неизвестно — кем был, что сотворил в своей жизни этот скиф, что сделал доброго и что — злого. Ни об одном из его близких до нас не дошло никаких сведений — ни о его жене, ни о его воинах, детях, внуках и правнуках. Но о том, что он — был, двадцать пять веков кричали с высот Бехистуна письменные знаки, надпись. И едва нашелся хитроумец, сумевший ее прочесть, имя человека зазвучало вновь:

ЭТО — СКИФ СКУНКА!

Бехистунская надпись, конечно, всемирное чудо. Но тысячи надписей меньшего объема и значения составляют ученых, языковедов, историков, археологов поминать добром и, случайно ставших известными и в то же время оставшихся безымянными, авторов.

...Бежали по новгородской улице на рубеже XIII и XIV веков двое мальчуганов. Один взял кусочек

берёсты и чем-то острым нацарапал на нем два ряда насмешливых и лукавых букв, видно бывших в ходу между тогдашними школярами:

**Н В Ж П С Н Д М К З А Т С Ц Т
Е Я И А Е У А А А Х О Е И А**

Непонятно? А это шифр. Прочтите надпись «зигагом» — первая буква верхней строки — первая нижней и так далее. Написано:

**НЕВЖЯ ПИСА НЕДУМА КАЗА
АХТО СЕ ЦИТА**

То есть: «Невежа писал недума казал, а кто се читал...» Конец этого мальчишеского «берёста» оторван, и нам неизвестно, какую каверзную пакость по адресу читавшего он содержал. Но ясно одно: опорочив своего друга-читателя, новгородский мальчишка, живший чуть попозже легендарного Садка, много раньше прославленной Марфы Посадницы, не поверил бы глазам своим, если бы увидел тех убежденных сединами ученых, которые в сверкающие лупы и микроскопы изучали написанные им буквы, найдя их через пятьсот лет после его короткого, как молния, существования. Нет, про них он не посмел бы сказать ничего дерзкого, хотя они-то и оказались теми, «кто се цита» в непредставимом для него будущем.

Все, что окружало его, все, что было в его время, исчезло бесследно за полтысячелетие и никогда не воскресло бы заново, если бы... Да, если бы — не буквы, не письмо. Они только и перебросили мост между нашим и его существованием...

Ну что же? Пожалуй, причины великого почтения большинства народов мира, и в частности нашего русского народа, к письменному знаку, к букве, причины того особого значения, которое они придают им, теперь как-то прояснились.

Но здесь мне вдруг захотелось сделать еще одно — попутное! — замечание: может быть, оно представит некоторый интерес. Впрочем, пожалуй, это нельзя даже назвать «замечанием»; так, скорее — вопрос к самому себе...

Да, не удивительно, что буквы в глазах наших давних предков оказались чем-то не в пример более твердым и определенным, чем такая «воздушная субстанция», как звуки речи. Это понятно.

Но вот что заслуживает некоторого недоумения: почему нашим пращурам менее строгим и внушающим доверие эталоном точности показались цифры (я говорю тут не о числах, а именно о значках-цифрах).

«Грамоте не знает, а цифирь твердит!» — неодобрительно отзыва-

ется пословица о любителях на пути познания перескочить через этап. «По грамоте осекся, так и цифирь не далась!» — констатирует народная мудрость, как бы указывая на искусство чтения и письма как на фундамент и счету делу.

Эти записанные еще В. Далем пословицы говорят сами за себя. Но знаков предпочтения, оказываемого «букве» перед «цифрой» и без них достаточно. (Я имею в виду одно единственное направление этого предпочтения: то, которое нас тут занимает).

Почему, желая указать на точное следование чему-нибудь (ну, скажем, какому-то подлиннику), мы говорим, что следование это буквальное? Почему мы не называем его «чисельным» или «цифирным»?

Правда, в наши дни, произнося определение «буквальный», мы нередко вкладываем в него немного иронический оттенок: мол, буквально, значит слепо, без рассуждений, всецело подчиняясь какому-то «закону буквы». Но это уж от нашей избалованности, изощренности. Это — позднейшая добавка!

Так вот и спрашивается: почему это так? Ведь математики вправе обижаться. Казалось бы, именно число должно выражать представление о точности, о полном соответствии чего-нибудь с чем-либо? А подите-ка: и предкам нашим почудилось, и мы от них это смутное ощущение унаследовали, будто точное сходства буквы с буквой ничего и на свете нет.

По-видимому, так праотцов наших поразило великое чудо письма. И память об этом удивлении — и древнем, во дни веселого новгородского «невежи», и сравнительно новым, поразившем Пьера Нозьера в Париже и Изота на Волге, — дожила до нашего времени. Если не в наших мыслях, то в нашем языке.

Недавно я слышал, как один очень авторитетный ученый-кибернетик сказал: «Эта модель представляет собою буквальное изображение процесса, происходящего в обществе, но в удобобозримой форме...»

Я записал его формулу. Она поразила меня именно в устах математика. Было ясно, что он под «буквами» имел в виду не алгебраические символы. Он жил и рассуждал при помощи унаследованных от предков понятий и языковых образов. И подчинился инерции языка даже в той области мысли, в которой, казалось бы, ушел всего дальше от трафарета, — в математике.

Он подчинился ЗАКОНУ БУКВЫ. Силен же, по-видимому, этот старый закон!

заплата на заплате

Издавна заплатка была зрительным символом неблагополучия не только для встречных, но и для художников, писателей, поэтов. В романах и на картинах ее стремились выпятить, в жизни — спрятать; в искусстве она была живописной, в быту — незаметной, подогнанной под общий фон одежды. «Вставка или заплатка употребляется в таком случае, если ткань настолько протерта и так разорвана, что ее уже штучковать нельзя», — говорится в «Курсе женских рукоделий», составители которого вполне обоснованно утверждали в 1887 году, что их книга «будет самым полным руководством, изданным когда-либо и на каком-либо языке». В ней, можно сказать, подытожено отношение прошлого к заплатке: задача мастерицы — сделать ее как можно неприметнее, выбирая для этого кусочек «по форме пустого места», непременно в цвет остального материала, а желательно — из той же ткани или хотя бы схожей по фактуре. Располагать «вставку» рекомендовалось в соответствии с направлением волокон окружающей ткани — «долевая и долевая», но и этого мало: «края выреза должны быть по прямой нитке» и обрабатываться «запощивной, или же швом через край, или рубцом». В общем, роль заплатки была не только подсобной, но даже какой-то компрометирующей.

Нынешнюю заплатку никто уже не назовет «вставной». Современная мода преобразила ее, как добрая фея бедную Золушку, и до магической полночи, когда волшебство рассеется и карета превратится в тыкву, кажется, еще далеко. В этом сезоне прежняя замарашка — подлинная «царица бала». По крайней мере в детской моде декоративная заплатка стала одним из главных элементов украшения. Ее нашивают на локти, колени, рукава, полы; на брюки и куртки, на платья и пальто, на шапки и сумочки, и даже на зонты. И, конечно, не только в критическом случае, когда «ткань настолько протерта и так разорвана, что ее уже штучковать нельзя». Здесь нет никаких особых условий — заплатки ставят и на новые вещи и на поношенные, лишь бы они оживляли, расцвечивали, веселили одежду. «тащили» ее из унылой гаммы, разбивали нарочитую чинность и самостоятельные предписания воспринятого понаслышке «хорошего вкуса». Декоративная заплатка — это замшевый ромбик, и эллипс из кожзаменителя, и «сердечно» из пестрого ситца, и шелковое «яблоко»... Живописные контрасты возможны так же, как и цветовые дополнения, «игра» фактурой — столько же, сколько и поиски соответствия. Никаких строгих установлений, единственный «цензор» — врожденный или благоприобретенный вкус мастерицы. Декоративная заплатка может спасти локти и колени обновки, сделать неизвестным надоевший наряд, создать индивидуальность и стиль в одежде.

Е. ОВДАК,
художник по костюму



позиции тысяча лет

На диаграмме первой приведена позиция из партии, игравшейся тысячу лет назад. Знаменитый в те времена азиатский шахматист Наим объявил тут белыми своему противнику мат в три хода. Вы, конечно, покажете этот мат? Как-никак он известен уже тысячу лет...

как я стал шахматистом

Дядя подарил мне шахматы и сказал:

— Но называться шахматистом ты сможешь, когда объявишь кому-нибудь мат.

— Объявлю! — заверил я без всяких на то оснований.

Утром я взял шахматы и стал повторять, как ходят фигуры.

— Ты что? Хочешь опоздать? — встревожилась мама.

В школу я шел ходом коня: два шага вперед и отскок в сторону.

— Мальчик, что с тобой?! — шаркались прохожие.

На урок я опоздал: сназдался отскоком в сторону.

«Вот тебе и конь! Шел бы слоном, так успел бы!» — и с тех пор я ценил слопа больше, чем коня.

В воскресенье я отправился в сивер. Там играли прямо на снамейках. Я подошел к босоному мальчишке постарше меня в засученных до колен штанах.

— В шахматы сыграем?

Он упер руки в бока и оглядел меня с ног до головы:

— С тобой, пигалица?! Левым ми-

зинцем! А зачем мне это? Только класс потеряешь... Ну да ладно, все равно пока не с кем.

Когда мы устроились, босоногий сназал:

— Играем на щелчки: за обыкновенный мат, который я влеплю твоему королю, ты получишь три щелчка в нос! А за мат по высшему классу — девять. Ясно?

— Как это «мат по высшему классу»?

— Увидишь. Ходи!

— А если я?..

— Что — ты?

— А если я мат... влеплю?

— Пигалица! Я вижу ты наглеешь!

Ходи.

И вот я впервые играю в шахматы... Первый ход сделать было просто — я двинул какую-то пешку. Но вскоре мне все стало неясным... Чем ходить? Куда? Для чего?

Дядя говорил, что фигуры ценнее пешек. Поэтому я решил сперва орудовать пешками: если потеряю одну-другую, беда не велика. Пешки ринулись вперед! Понятно, не успел я оглянуться, как вражеские фигуры окружили моего короля...

— Ему и больно и смешно, а мат грозит ему в окно... — выкрикнул мальчишка.

И я получил мат, а с ним и три щелчка. Щелчки — ерунда, но откуда такая досада и злость, что хоть плачь?

— Не горюй, пигалица, ты не первый. Ходи!

Вскоре мой нос распух, горел и ныл, но мне хотелось играть еще и еще, да мальчишке надоело. Все же уговорил его.

— Ну ладно. Еще одну сыграю. По высшему классу! Тебя заставлю моему королю мат объявить!

Это что-то слышно! Тот же мне — гротсмейстер... Как он заставит меня?! Не стану давать мат — да и только!

— А если я мат не дам, то мой выигрыш? — спросил я.

— Твой, твой. Только не будет этого. Ходи!

Вскоре босоногий, обобрав меня, шагами загнал моего короля в угол. Получилось положение как на второй диаграмме.

Ход тут был моего противника, то есть белых.

— Ну вот и приехали. Сейчас ты объявишь мат моему королю!

— А я не буду!

— Пигалица! Я сназал — закон! —

И он действительно сыграл так, что я вынужден был дать мат. Уже третьим ходом!

Тогда он отпустил мне утроенную порцию щелчков.

— Ну не унывай, пигалица, благодари за науку... Ученые — свет, а не ученые — тьма! Заглядывай за щелчками.

Домой я вернулся мрачный и заявил, что играть в шахматы не буду. Но вечером меня осенило: «В последней партии, хоть он меня и заставил, но мат-то дал я! А дядя сназал, что когда я объявлю мат, то смогу называться шахматистом. Значит, теперь я — шахматист!» — удовлетворенный таким поворотом, я повеселел. И на следующий день меня снова неудержимо влекло к этим деревянным фигурам.

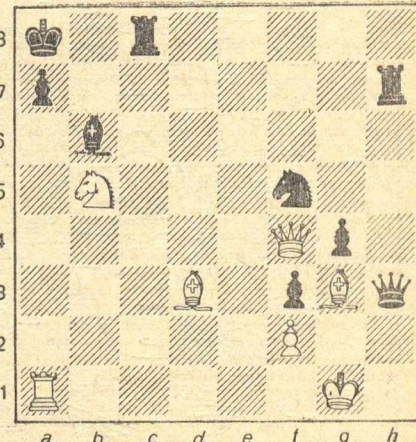
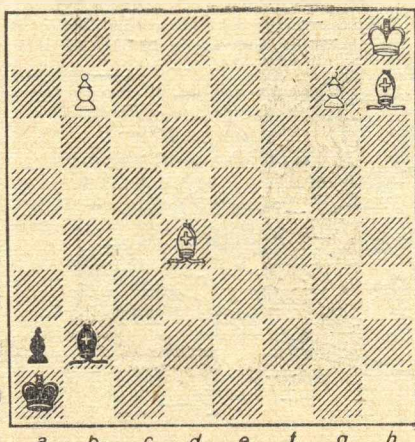
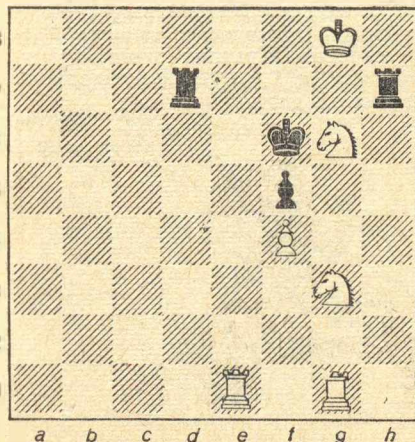
Как босоногий мальчишка заставил меня дать его белому королю мат в три хода — вы, конечно, найдете сами?

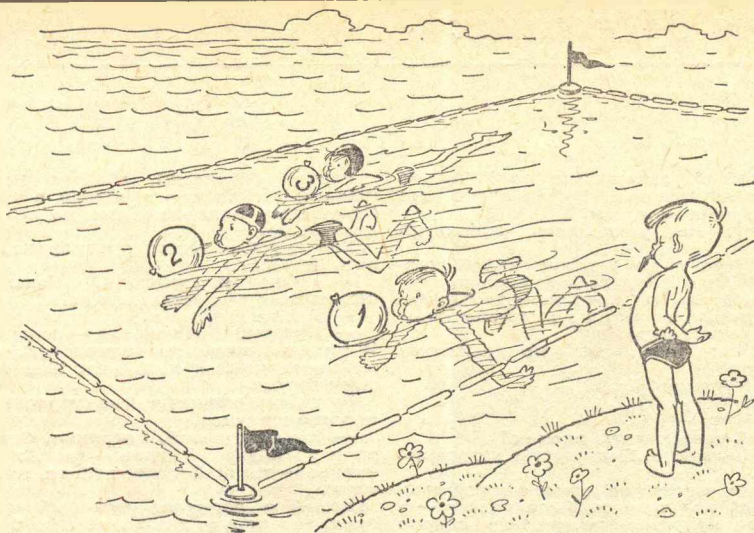
со второго взгляда

Посмотрите на третью диаграмму.

Не правда ли, на первый взгляд кажется, что белым надо сдаться? Нетрадиционной выглядит угроза черных дать мат ферзем на g2 или на h1. Но ход белых. А их фигуры расположены так удачно, что у них находится комбинация, не только спасающая партию, но и приводящая к победе. Ее и нужно вам найти... со второго взгляда!

Ю. БАРСКИЙ





И ВОДЫ-ТО ПО ПОЯС

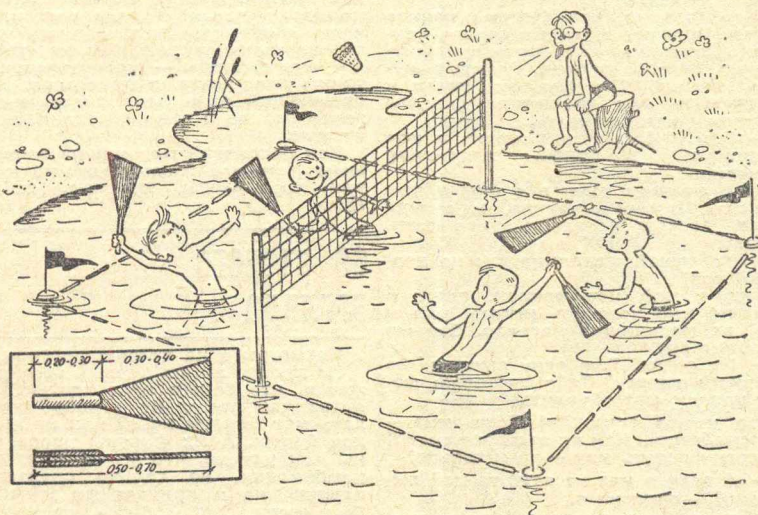
ДУЙ ВОВСЮ!

Дистанция гонки — 10—15 метров. Это довольно трудно — плыть и дуть на шар, чтобы он плыл впереди. Лбом толкать его нельзя!

Если вы не достанете разноцветных шаров, то напишите на них номера, чтобы легче было разобраться.

ГИДРОВОЛАН

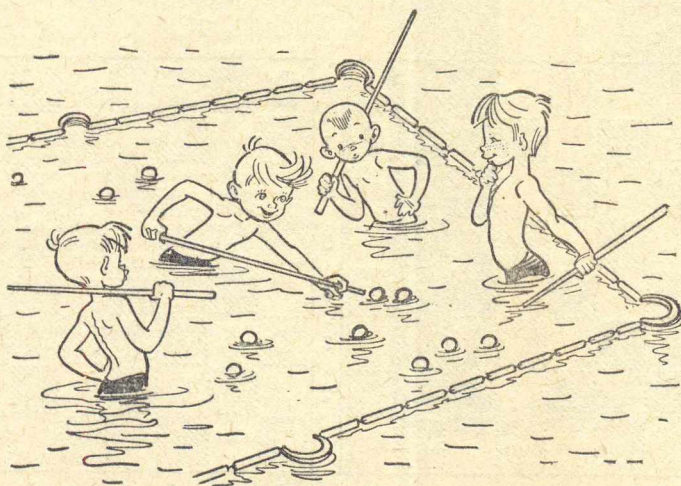
Это — бадминтон в воде. Теперь воланы делают не из перьев, а из пластмассы; в воде они не намокают. А вот ракетки вам придется делать самим — из дерева, фанеры или пластмассы. Опущенные в воду, они, в отличие от обычных, не деформируются.



ЖЁЛТОГО В УГОЛ!

Когда жарко, любители бильярда могут залезть в воду. Ограждается поверхность 2 на 6 метров или 3 на 9 метров. Вместо шаров — мячики для настольного тенниса. Раскрасьте их в разные цвета, пронумеруйте от 1 до 15. Играть можно и двое на двое.

С. ГЛАЗЕР,
мастер спорта



Художник А. Орлов

игрушка в сокольниках

Фотографии —
на 4-й странице вкладки

В Москве, в Сокольниках, проходила международная выставка «Игрушка — 72» с участием европейских, американских и японских фирм.

Напряженное движение на игрушечных железных дорогах приковало к стендам ГДР чуть ли не всех посетителей, хотя подобные наборы уже не первый год продаются в «Детском мире», ГУМе и «Доме игрушек». Немецкие конструкторы представили на выставке не только всевозможные отрезки и пересечения путей, не только различные марки локомотивов и вагонов, но и бесконечные варианты окружающих пейзажей: горных, сельских, городских. Накапливая подарки, за несколько дней рождения и новогодних праздников настойчивый строитель может собрать любую увиденную в путешествии или возникшую в фантазии магистраль... Повторяя историю настоящего наземного транспорта, развиваются конкуренты игрушечных железных дорог — шоссе и мотодромы, по которым спешат управляемые автомобили. И совсем уж безобидной приметой времени кажется действующая копия лунохода с тщательно выполненным куском лунного ландшафта.

Американские конструкторы монтировали «ощущение неземной поверхности» в подошвы ботинок для астронавтов — воз-

душная подушка создает впечатление податливой «лунной пыли». Дополняют иллюзию космический шлем, манипуляторы для взятия проб, «ионизационный распылитель» и другие приборы, размещенные на специальном поясе. Столь же настоящими смотрятся миниатюрные модели действующих станков — шлифовального, сверлильного, токарного... К ним приложен соответствующий материал для поделок. Не меньшую горделивую самостоятельность ощущает маленький формовщик, берущий в руки пакетики с «Волшебной смесью», шейкер для ее приготовления, формочки человечков, животных, диснеевских персонажей и набор красок, чтобы окончательно оживить сделанные игрушки. Мир, в котором они отныне могут действовать, заманчив и многообразен. Плоский портфель раскрывается и становится кукольным домом из хлорвинила, который можно мыть целиком, вместе с жителями и обстановкой. Сложенный пакет оказывается пожарной станцией, фермой, пограничным фортом времен колонизации Дальнего Запада. Но если эти красочные декорации еще нужно оживлять фантазией, то с куклами американского отдела этого вовсе не требуется — они разгуливают, говорят, смеются, плачут, просят каши...

Куклы ГДР представлены издательствами знаменитого Зоннеберга — некогда прославленного центра немецких кустарей. Отдавая дань современной тяге к натурализму, зоннебергцы производят автоматических кукол — ползающих бэби и младенцев постарше, уже обучающихся ходить, но прежние эстетические пристрастия, проверенные не одним десятилетием, проглядывают в традицион-

ной мягкой игрушке. Взгляд то и дело встречает близкие народному вкусу «нереальности»: зеленую гриву рыжего плюшевого коня, зашнурованный рог носорога из мешковины, кожаную заплатку на туловище жирафа, ручку на спине большого слона — такую же, как на портфеле, чтобы было удобнее таскать его за собой. (Кстати сказать, эти крупные, весомые игрушки рекомендуются немецкими конструкторами для детей с нарушенными двигательными функциями).

Первенство среди автоматических игрушек (а их было немало — американский «проголодавшийся бэби», немецкий ползун, «взрослая девочка Бэтти», которая давно научилась ходить, говорить и даже петь, барабанщик в медвежьей шапке, электронный робот...) маленькие москвичи все-таки отдали спящему щенку японской фирмы «Мицуи». Он сладко «дышал», повизгивал во сне, поднимал тяжелые веки и обессиленно закрывал их вновь, дергал хвостом, пытаясь согнать надоедливую осу. Самая удачная фотография не в силах дать настоящего представления об этой игрушке, которая, кажется, создает вокруг себя ленивый покой летнего знойного полдня.

Надо еще сказать, что игрушки, собственно, выполняли лишь иллюстративную роль в рекламе оборудования, которому и была посвящена выставка «Игрушка-72». На первом этаже павильона публика была уже иная — конструкторы, инженеры, представители торговых объединений и промышленных предприятий. А значит, в ближайшем будущем многие из показанных игрушек мы сможем подарить своим ребятишкам.

В. СТЕПАНОВ

Главный редактор
Л. М. ИВАНОВА

Редакционная коллегия:
М. В. ГОГОЛЕВА, В. В. ДАВЫДОВ, М. В. ЖИЛИНСКАЯ, О. М. ИВАНОВА, И. И. КАРПЕЦ, Н. П. КУЗИН, Р. А. КУРБАТОВА, Т. В. МАТВЕЕВА, И. П. РУДЕНКО, В. А. РЫБАКОВ, Э. С. СОКОЛОВА, А. Г. ХРИПКОВА, О. Э. ЧКАЛОВА.

Оформление номера
Юрия Колушова
Художественно-технический
редактор Т. Мухина

Издательство «Педагогика»
Академии
педагогических наук СССР
и Комитета по печати
при Совете Министров СССР

Адрес редакции:
129278, Москва, И-278,
улица Павла Корчагина, 7
Телефоны редакции:
283-85-16, 283-82-21, 283-82-18

Рукописи и фотоснимки
не возвращаются.
Литературных консультаций
редакция не дает.

Подписано к печати
8 июня 1972 г. А07244. Тираж
1 300 000 (1—1 100 000) экземпляров
Заказ 296. Бумага 84×108/16.
Печ. л. 4+вкл. 0,25 (6,72+вкл. 0,42).
Уч.-изд. л. 10,98.

Ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградская типография № 1
«Печатный Двор» им. А. М. Горького
Главполиграфпрома
Комитета по печати
при Совете Министров СССР,
г. Ленинград, Гатчинская ул., 26.

Обложка и вкладка отпечатаны
в Ленинградской типографии № 3
имени Ивана Федорова,
Звенигородская ул., 11.

гибель помпей

— Карл, ты только представь себе — восемнадцать столетий назад все было точно так же: ослепительно сияло солнце, чернели пнины по краям дороги и ослы, груженные поклажей, спотыкались о камни. Мы на главной дороге, ведущей в Помпею. Вот эти руины — загородный дом богача Диомеда, здесь еще ведутся раскопки, дальше — Цицеронова вилла. Дальше гостиница, здесь нашли много глиняной посуды, мраморные ступки, на каменной доске след как будто только что пролитой жидкости, а в подвалах — пшеничные зерна. Если их истолочь и испечь, можно было бы попробовать самый что ни на есть классический хлеб, который в нашу романтическую эпоху, я думаю, поразили бы многих своим вкусом. Ба, а тебе не кажется, что все очень оживилось. Толпы людей спешат в город. Вот несут на носилках какого-то важного господина. Он в тунике ослепительной белизны, заколотой на плече золотой пряжкой, в сандалиях до колен, украшенных алмазами, а за ним целый cortege слуг. Ты слышишь крики черни? Появились колесницы, но им так трудно двигаться, узкие улочки все загромождены людьми. Все понятно — все спешат к амфитеатру. Сегодня назначены сражения гладиаторов с дикими зверями. А может быть, судьи приговорили кого-то из виновных кончить жизнь на арене в схватке с только что привезенными из Африки львами? О, конечно, такое зрелище не может упустить никто из помпейцев.

— Уймись, твое воображение начинает кусаться! Того и гляди эти мои осужденные окажутся мы сами. — Братья Брюлловы смеются и, увеселившись на придорожный камень, окунаются в безмолвие, нарушаемое только шуршанием ящериц и шелестом колючих трав...

Александр встает и, найдя удобное место на полуразрушенных ступенях, отрывает большой альбом и начинает рисовать. Немного погодя к нему присоединяется и Карл. Но рисуют они по-разному. Александра как архитектора интересуют соотношения частей, пропорции, которые строители Помпеи переняли у греков. Он то и дело подбегает к Карлу, прося его обратить внимание на эту простоту и изящество линий, сочетающуюся с богатством и даже изощренностью украшений — капители у колонн то в виде свившихся дельфинов, то это группы фавнов, один из которых учит другого играть на свирели, то переплетение фантастических плодов и листьев... Изощренность, переизбыток воображения — это уже явление нового времени, влияние Рима. И так у помпейцев во всем: в самых богатых домах все комнаты, даже пиршественные залы, по греческому образцу

очень невелики — ведь количество гостей должно соответствовать числу гравий (три) или числу муз (девять). Между тем известно, что умеренностью в еде и удовольствиях Помпея не славилась. На пирах здесь подавали филейные части африканского льва, копченые ноги верблюда, лисиц, откормленных виноградом, ароматических кроликов, соус из мозгов страуса, земляных пауков, не говоря уже о винах со льдом, раздушенных ароматическими травами... Нет, наше воображение бессильно все это представить... Да, Греция и Рим встретились в Помпее для того, чтобы после извержения Везувия в августе 79 года после рождения Христа оказались на много столетий погребенными пеплом и магнами...

Карл слушает брата вполуха. Он набрасывает в альбоме эскизы карандашом, сожалея, что не захватил ираксон. Он уже во власти живой красоты, он наслаждается.

Как поразителен здесь эффект света, пронзительного и мягкого! А сквознота мрамора — она оставляет впечатление нежности. Торс Венеры, статуя атлета, недавно откопанные, очищенные от земли, кажутся более подлинными, натуральными, чем живые люди, — это лучшие люди. Вот он — этот мир, который он начал постигать с детства.

Отец — Павел Иванович Брюллов, академик скульптуры орнаментальной, заставлял детей рисовать с антиков, как только они научились держать в руках карандаш. В десять лет Карл был принят в воспитанники Петербургской Академии художеств, в четырнадцать получил серебряную медаль за рисунок, в котором, по общему мнению, оживил времена Фидия и Поликлета. В мертвом мире мрамора он чувствовал себя своим, потому что всем существом ощущал законы, по которым этот мир создан. О, как он верил сейчас в свои силы! Охватить все предметы, облечь в гармонию, обратить все чувства зрителя в спокойное и бесконечное наслаждение красотой. Создать искусство, которое проникло бы всюду: в хижину бедняка, под мрамор колонн, на площадь, наполняемую народом, — как было в этом городе, как было в далекой светлой Греции...

...Прошло несколько лет. Александр уехал в Париж для совершенствования своих знаний и таланта. Было у него и еще одно намерение, которое он вскоре счастливо осуществил. Он издал книгу о раскопках в Помпее — на роскошной бумаге, с собственными чертежами и рисунками. Достоинства книги были оценены столь велико, что по прошествии самого недолгого времени автор ее был избран членом Королевского института Архитектуры в Лондоне, членом Миланской Академии художеств. Александр не столько упивался славой, сколько радовался — наконец-то ему есть чем отчитываться Обществу поощрения художников, которое семь лет назад, в 1822 году, послало их с братом за границу после окончания ими Петербургской Академии художеств. Но Карл... Боже мой, какие только слухи не доходили сюда о нем из Рима! Он успел прослыть замечательным портретистом, и каждый приезжий в Италию именитый русский барин спешил заказать ему свой портрет. Но беда, если этот человек начинал внахлест Карлу антипатию. Он мог принять его (так было с графом Орловым-Давыдовым) в самом небрежном костюме и самой небрежной позе и спокойно заявить, что сегодня он не расположен работать. Скандаль!..

Впрочем, до Александра дошло известие, что в последнее время Карл

делает эскизы и большому полотну, которое предполагает назвать «Последний день Помпеи». Это так обрадовало его, что он тут же сел за письмо, в котором жадно выпрашивал: собирается ли брат пользоваться историческими источниками или это будет плод его свободной фантазии; не считает ли он, что гибель Помпеи была преддана свыше: помпеевцы погрябли в роскоши и увеселениях, легкомысленно пренебрегая всеми знаками и предсказаниями, томили в тюрьме первых христиан; где он предполагает место действия картины; и самое главное — пусть, ради бога, не отвлекается от великой работы, которой, возможно, суждено ему явить перед всем миром гений свой.

Письмо брата застало Карла в злую минуту. Он уже перешел от эскизов к полотну. Было оно громадных размеров — 29 квадратных метров. Работал запером, почти без перерывов, доходил до полного изнеможения, так что нередко его выносили из мастерской. А тут еще хозяин явился с просьбой уплатить по счетам...

Конечно, все уже сомневалось в том, что он способен создать что-нибудь стоящее. Общество поощрения художников уже второй год не выплачивает ему пенсию. Только и судачат вокруг о его легкомысленном и беспечном нраве. Но брат-то должен знать, что если он работает по страсти, то хоть саван на него надень, он не перестанет работать.

За перо и чернила Карл брался в крайних случаях. А тут решил: напишет сейчас — и братьям (брат Федор, тоже художник, жил в Петербурге), и в Общество поощрения. «Декорацию... я взял всю с натуры, не отступая ни сколько и не прибавляя, стоя к городским воротам спиной, чтобы видеть часть Везувия как главную причину, — без чего похоже ли было бы на пожар? По правую сторону помещаю группу матери с двумя дочерьми на коленях (скелеты сии найдены были в таком положении); сзади сей группы виден теснящийся групп на лестнице... накрывавшей головы табуретками, вазами (спасаемые ими вещи все взяты мною из музея). Возле сей группы — бегущее семейство, думая найти убежище в городе: муж, закрывши плащом себя и жену, держащую грудного ребенка, прикрывая другой рукой старшего сына, лежащего у ног отца; в середине картины упавшая женщина, лишенная чувств; младенец на груди ее, не поддерживаемый более рукою матери, ухватившись за ее одежды, спокойно смотрит на живую сцену смерти...»

Десяти эскизов и набросков, несколько лет изнурительного труда. Нет, не ужас обреченности, не близость смерти он писал. «Страсти, чувства верные, огненные выражаются на таком прекрасном обличье, в таком прекрасном человеке, что наслаждаешься до упоения», — так сказал Гоголь, увидев картину. Гибель мира чувственно-прекрасного, невозвратного. Да, к художнику пришла слава. Триумф сопровождал появление его на улицах, в театре. В Петербурге его возложили на голову венки из лавров, в журналах написали, что его произведения первые, которые может понимать и художник, имеющий высшее развитие вкуса, и не знающий, что такое художество.

Что ж, Брюллов относился к славе как и должному, как и ноше, совсем не обременительной. Он бесечно смеялся, когда Александр, со слезами обнимая его, твердил, что он сделал для Помпеи больше, чем любой археолог или ученый...

Л. ОСИПОВА





игрушка в сокольниках

*На международной выставке
„Игрушка-72“*

(См. 63-ю страницу)

Фото Г. Рейнгольда

